

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 12 (282)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Редакционная коллегия:

А.Г. Бельский – автор проекта и основатель бюллетеня,
Е.Л. Дмитриева – главный редактор, **О.П. Бибикова** – канд. ист.
наук, первый зам. главного редактора, **А.В. Гордон** – д-р ист. наук,
Д.Б. Малышева – д-р полит. наук, **А.В. Малащенко** – д-р ист.
наук, **А.Ш. Ниязи** – канд. ист. наук, зам. главного редактора,
В.Н. Сченснович – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, **Н.В. Гинесина** – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информацион-
ный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр науч.-информ. исслед. гло-
бальных и региональных проблем.– М., 2015. – № 12 (282). – 166 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

БЕЛЬСКИЙ АЛЬБЕРТ ГРИГОРЬЕВИЧ

(22.04.1928 – 05.11.2015)

5 ноября 2015 года на 88-м году ушел из жизни научный руководитель и основатель бюллетеня «Россия и мусульманский мир» Альберт Григорьевич Бельский. Всю свою жизнь он посвятил науке, проработав последние 35 лет в ИНИОН РАН.

Высочайший профессионал, талантливый ученый, преданный своему делу, опытный руководитель и организатор, чуткий и отзывчивый человек, пользовавшийся уважением среди коллег, он многие годы был главным редактором бюллетеня. Альберт Григорьевич Бельский внес большой вклад в изучение истории и культуры ислама, его современного состояния, обращая особое внимание на необходимость и важность межцивилизационного и межконфессионального диалога.

Уход Альбера Григорьевича Бельского – ощутимая утрата для его учеников, коллег, друзей. Память о нем будет всегда жить в наших сердцах.

Редакция бюллетеня

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>И. Ильин, О. Леонова.</i> Тенденции развития глобализационных политических процессов	6
<i>А. Кулькин.</i> Турбулентный этап социально-экономического развития России	27
<i>А. Ниязи.</i> В России возможна работа исламских банков	47
<i>И. Бабич.</i> Мусульмане Москвы: Основы веротерпимости как элементы гражданского согласия в российском обществе	53

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>И. Добаев.</i> Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе	69
<i>Г. Магомедов.</i> Этнокультурные и этнополитические проблемы современного Дагестана.....	88
<i>Е. Ионова.</i> Геополитические аспекты президентских выборов в Узбекистане.....	96

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>В. Кириченко.</i> Йемен: Напряженность нарастает	104
<i>К. Азимов.</i> Напряженность в районе Персидского залива может перерасти в войну.....	109
<i>А. Другов.</i> Индонезия. 70 лет борьбы, преодоления и развития	116

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

C. Чудинов. Антимодернистская ориентация в идеологических системах современной исламской мысли: От онтологизации этничности до ресакрализации государственности	134
G. Мирский. Феномен ИГИЛ	151
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2015 г. № 1 (271) – № 12 (282).	159

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

И. Ильин,

доктор политических наук, профессор, декан
факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова,

О. Леонова,

доктор политических наук, доцент, профессор
факультета глобальных процессов
МГУ им. М.В. Ломоносова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Сегодня существует и обсуждается в мировом сообществе множество сценариев и вариантов будущего развития глобального мира.

В ситуации «глобальной неопределенности», характерной для современности, многочисленные зарубежные эксперты стараются выявить новые тенденции развития политической ситуации в глобальном мире XXI в., при этом не исключая возможности осуществления любого из прогнозируемых сценариев.

В России ученые также активно занимаются глобальным политическим прогнозированием, что отражено в материалах международных конгрессов по глобалистике, проводимых факультетом глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в многочисленных его изданиях, в которых участвуют известные авторы – специалисты по изучению глобализации.

Анализ этих материалов, а также итоги дискуссий квалифицированных экспертов позволяют констатировать достижение очевидных результатов в анализе и прогнозе развития глобализационных политических процессов.

Однако, несмотря на множество работ и публикаций на тему путей развития глобализации, в них по-прежнему доминирует ана-

лиз экономического аспекта последней. Политический аспект глобализации пока обойден таким вниманием.

В последнее время становится все более очевидной недостаточная разработанность теоретико-методологической базы политической глобалистики. Сегодня еще недостаточно изучены: природа политической глобализации и ее последствия, глобализационные политические процессы (их генезис, природа, сущность, эволюция и последствия); национальные интересы страны в контексте глобального мира и др.

Многие из этих проблем являются предметом оживленных дискуссий.

Дискуссионными остаются определения не только глобализации как феномена развития современного мира, но и политической глобализации как частного ее аспекта.

Например, один из главных специалистов по глобализации А.Н. Чумаков приводит очень интересное и продуктивное для последующего анализа определение глобализации: это есть «отражение динамики социально-экономических и политических перемен в мировом масштабе» [Чумаков 2013: 29].

На основании данного подхода к пониманию феномена глобализации вообще можно уточнить, что политическая глобализация – это отражение динамики политических процессов в формирующемся глобальной политической системе.

В XXI в. в процессе перехода от bipolarности к многополярности и от моноцентричности к полицентричности проявляются новые характеристики geopolитического пространства глобального мира: повышение динамики мировых политических процессов; реконфигурация, фрагментация, иерархичность, изменение архитектуры глобального мира; формирование новых geopolитических осей; блоковость, дисперсность и обострение соперничества формирующихся центров силы.

В XXI в., как считают многие эксперты, наиболее вероятным будет сценарий медленного движения к многополярному полицентричному миру.

Если в ближайшее десятилетие США будут вынуждены сосредоточить внимание, экономические, военные и дипломатические ресурсы, с одной стороны, на противостоянии с Россией, а с другой – на сдерживании радикального ислама, то это обеспечит возможность ряду государств, накопивших достаточно сил, претендовать на статус центра силы глобального мира.

Крупные державы в других регионах несомненно используют любую возможность, чтобы реализовать собственные стратегические цели, в том числе достижение большей степени политической автономии и контроля над стратегически важным для них геополитическим пространством.

У специалистов по глобалистике еще не сложилось единого мнения о причинах глобализационных политических процессов.

Глобализационные политические процессы – это процессы, протекающие в контексте политического аспекта глобализации, в результате которых происходит структурная трансформация мировой политической системы и появление новых глобальных политических акторов, увеличение политической взаимосвязи и взаимозависимости между ними, выстраивание **глобальной политической архитектуры и иерархии**.

По мере роста числа глобальных политических акторов и втягивания в глобализационные политические процессы все новых участников мировая политическая система постепенно эволюционирует **в глобальную политическую систему**.

Глобализационные политические процессы имеют динамичный нелинейный характер усиления и усложнения политической взаимозависимости между всеми элементами формирующейся глобальной политической системы.

Тенденции развития глобализационных политических процессов – это эффекты, связанные с их трансформацией, нелинейностью, частичными дисфункциями и бифуркациями политической системы глобального мира. В наше время происходит столкновение старых тенденций политического развития глобального мира образца XX в. с новыми тенденциями формирования полицентричного мира. Столкновение старых и новых тенденций и трансформация мировой политической системы в ее новое качество – систему глобальную и порождает новое содержание глобализационных политических процессов.

Современный мир является глобальным в экономическом, информационном, экологическом аспектах, но все еще остается фрагментарным в политическом и социокультурном отношении. Почти две сотни суверенных государств взаимодействуют друг с другом, имея определенные противоречия интересов и целей, вступая в конфликты или, наоборот, формируя коалиции и союзы. Весь спектр этих противоречивых взаимоотношений, от яростного противодействия друг другу до конвергенции, служит одной из причин глобализационных политических процессов.

В настоящее время все более актуальными и востребованными являются анализ и прогноз тенденций развития глобализационных политических процессов. Наиболее очевидными и значимыми тенденциями являются следующие [Чумаков 2013: 32].

1. «Глобальные состояния»

В формирующемся глобальном мире фиксируют некие «глобальные состояния тех или иных явлений и процессов», пишет А.Н. Чумаков [там же].

Мы считаем, что «глобальные состояния» – это качественно новые состояния мировой политической системы, которая постепенно эволюционирует в глобальную политическую систему. Таким образом, эти новые «глобальные состояния» означают трансформацию системы международные отношений, изменение характера и содержания мировых связей и отношений, изменение геополитического статуса отдельных государств и глобальных акторов и т.д. Глобализация ведет к структурным изменениям в мировой политической системе и перестройке всей системы международных отношений.

Одним из примеров «глобальных состояний» мировой политической системы является взаимодействие глобализационных политических процессов разного уровня: глобального и регионального, глобального и локального, регионального и локального, – которые происходят прежде всего в экономической сфере, информационной, экологической и в последнюю очередь – в политической.

Через их взаимодействие и взаимосвязь мир постепенно становится глобально-целостным.

2. Новая структура глобального мира

Глобальный мир XXI в. будет структурироваться по иным основаниям и принципам, начнет выстраиваться иная его иерархия, иные основания определят геополитический статус глобальных акторов.

Иерархия глобального мира представлена следующими структурными элементами: центры силы, претенденты на статус центра силы, экономические, политические, военные и цивилизационные полюса, глобальная держава, региональная держава. Данная иерархия структурных элементов, точнее борьба за место

в ней, будет определять протекание глобальных политических процессов в мире и будущий сценарий его развития [Ильин, Леонова 2013].

Можно констатировать, что глобальный мир формируется не как сообщество равноправных наций, но как система подчинения, как жесткая иерархия государств и региональных политических систем.

С появлением новых экономических, военных и политических полюсов постепенно возникнет новая конфигурация глобального мира, которая в свою очередь будет характеризоваться «подвижностью структур мировой системы» и «изменчивостью правил» своего функционирования [Гринин 2013: 73].

Структуры глобального мира будут подвижными, а правила функционирования и принципы жизнедеятельности – изменчивыми. Основное значение будут иметь не правила, не международное право, а экономические и geopolитические интересы глобальных акторов. Увеличение размаха глобализационных процессов, которые будут охватывать все большие и периферийные в глобализационном отношении территории, увеличение числа глобальных акторов (в число которых войдут крупные ТНК, НПО, террористические организации, криминальные синдикаты и т.п.) усилит данную тенденцию.

3. Изменение геополитического ландшафта

Следствием формирования новой структуры глобального мира станет изменение его геополитического ландшафта.

Одной из важных тенденций XXI в., как прогнозирует В.И. Сегуру-Зайцев, станет «континентальная, а затем и трансконтинентальная кристаллизация и консолидация мирового геополитического пространства», в котором сценарий движения к будущему будет происходить не в форме «столкновения цивилизаций», а в контексте естественной в рыночной среде «конкуренции цивилизаций». В.И. Сегуру-Зайцев считает, что «это будет иметь следствием переход от нынешнего волатильно-однополярного мира, – с одной главной валютой USD и одним международным языком: “глобальным” английским, – к суперкрупным взаимно конкурирующим пятью блоками: демократическая христианская Северная конфедерация на базе ЕС, России и США, Восточно-азиатско-китайский блок, арабо-мусульманский мир, Южно-азиатский индийский союз и Латинская Америка. Соответственно с не мень-

шим количеством валют и языков», – уточняет автор. Мы не будем комментировать прогнозируемый состав участников гипотетической «Северной конфедерации», памятуя о «подвижности структур мировой системы» глобального мира [Сегуру-Зайцев 2011: 186–187].

Наличие ядерного оружия может нивелировать различия в политическом весе между данными странами и блоками, или же, если таковое оружие у некоторых из них отсутствует, углубить иерархическую дистанцию между ними.

4. США останутся центром силы глобального мира

Исходя из данного прогноза мы можем с большой долей уверенности предполагать, что США и в XXI в. останутся центром силы глобального мира.

В последнее время много писали о заметном ослаблении гегемонии США, однако данные прогнозы оказались явно преждевременными. Прав был Л.Е. Гринин, который считает, что «обычной смены лидера в мире не будет, на место США не придет столь же абсолютный фаворит» (курсив наш. – *Авт.*). Он считает, что «хотя США ослабят свои позиции, в новом мире никто не сможет стать абсолютным лидером». Пророческими выглядят его слова о том, что «сегодня Соединенные Штаты сосредотачивают в себе сразу политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, идеологическое и даже культурное лидерство. Между тем в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится появления – ни одной страны и даже группы государств, которые смогли бы соединить в себе несколько аспектов лидерства. Кроме того, ни Китай, ни Индия, ни кто-либо еще не сможет взять на себя столь тяжелое бремя ни по экономическим возможностям, ни по политическим рискам, <...> ни по причине отсутствия опыта и нужных союзов, а также идеологической слабости» [Гринин 2013: 65, 73].

Н.С. Розов также полагает, что «США, несмотря на все свои долги и многообразные трудности, обладают непревзойденным научным, образовательным, технологическим, военно-политическим потенциалом и поэтому еще долго будут сохранять глобальное лидерство» [Розов 2010: 90].

5. Десуверенизация Европы

Примечательной чертой формирующегося нового геополитического ландшафта, станет, по мнению исследователей Н.В. Осокиной и А.С. Суворова, «десуверенизация Европы».

«Происходит экономическая десуверенизация в Европе в результате реализации проекта европейской интеграции. Этот проект, задуманный как инструмент конкуренции Западной Европы с США и Японией, превратился в проект, управляемый Штатами в нужном им направлении». В результате «главные страны Западной Европы все больше превращаются в их вассалов» [Осокина, Суворов 2011: 184].

Но этим дело не ограничивается. События последнего времени, в том числе события на Украине, показывают, что происходит и процесс политической десуверенизации Европы. Учитывая же роль США в НАТО и их право решающего голоса в Северо-атлантическом альянсе, можно говорить и о процессе военно-стратегической десуверенизации Европейского союза.

Можно с уверенностью прогнозировать, что такая судьба ждет и другие зоны американского влияния в мире.

6. Поляризация модернизационных и geopolитических стратегий

В глобальном мире намечается «поляризация двух модернизационных и geopolитических стратегий» (термин А.С. Панарина). Он в свое время отмечал в Дальневосточном регионе альтернативность двух моделей: японской и китайской, атлантической и некоей «альтернативной».

Постепенно пространство Евразии раскалывается на достаточно пеструю по составу азиатско-тихоокеанскую систему, развивающуюся на основе стратегии атлантической западной модернизации (где лидерами являются США и Япония), и новую континентальную, находящуюся в поиске альтернативы (где лидирует Китай, но и вакансия для России пока открыта).

А.С. Панарин провидчески прогнозировал «новое геополитическое размежевание римленда и хартленда» – Японии (которая осталась в рамках атлантической модели) и Запада, с одной стороны, Китая и России – с другой. Такое размежевание, по его мнению, станет «фактором ускорения назревшей информационной поляризации» [Панарин 2008: 62].

Сегодня такая поляризация формационных систем происходит не только в Дальневосточном регионе, как назвал его А.С. Панарин, но и во всем глобальном мире, а в наиболее резкой, поляризированной форме – в Евразии.

7. Неустойчивость глобального мира и повышенная конфликтность

Глобальный мир в его политическом аспекте в силу динамики протекания глобализационных процессов будет характеризоваться сменой иерархических статусов глобальных акторов и неустойчивостью иерархической пирамиды в целом.

Прежние центры силы и полюса глобального мира будут уступать новым, более динамично развивающимся, напористым и имеющим очевидные конкурентные преимущества претендентам на данные статусы.

Усложнение глобализационных политических процессов имеет следствием повышение степени его неустойчивости.

Все большую роль приобретают субъективные факторы, и даже не личностные предпочтения политических лидеров, но степень их ангажированности, пассионарности в выполнении политического заказа, характер и методы их политического управления.

Эволюция международных отношений и глобальной политической системы будет характеризоваться все большей степенью неустойчивости и непредсказуемости, которая может только нарастать по мере формирования многополярной полицентрической системы глобального мира.

В этой системе будут отсутствовать общие «правила игры», принципы и нормы поведения глобальных акторов, а также институты и организации, которые могли бы эффективно регулировать и контролировать взаимодействие различных полюсов и центров силы глобального мира.

Анализируя модель полицентричности глобального мира, В.В. Шляпников приходит к выводу, что «многополярность сама по себе не гарантирует стабильности... Поддерживать баланс сил и стратегическую стабильность в XXI в. будет еще сложнее. В условиях, когда ООН и другие международные институты фактически малоэффективны, возникает перспектива многополярного хаоса» [Шляпников 2011: 204].

Повышенная конфликтность – тенденция, которая уже начала ярко заявлять о себе. Конфликтами, помимо традиционно

проблемных территорий Африки, охвачены многие регионы глобального мира: Израиль и Палестина, Ирак, Ливия, Сирия, Украина и др.

Абсолютное большинство современных конфликтов связано с борьбой за распределение ограниченных ресурсов, в основном энергоносителей. Если в XX в. причиной многих конфликтов была борьба за доступ к нефти, то в XXI в. – конкуренция за доступ к территориям, перспективным для добычи сланцевого газа.

Борьба будет принимать формы «расчистки территорий» и зачистки «лишнего человеческого баланса», о которых так красноречиво писал А.С. Панарин в своей книге «Глобальное политическое прогнозирование».

8. Неэффективность международных структур

Международные структуры, такие как ООН, Европейский парламент, ОБСЕ, «Большая семерка» и «Большая двадцатка», Всемирный банк и Международный банк реконструкции и развития и т.д., демонстрируют неспособность адекватно реагировать на вызовы глобализационных политических процессов. Они создавались в другое историческое время, были наделены иными функциями, не связанными с задачей контролирования и управления глобализационными политическими процессами. Поэтому неудивительно, что они оказались не готовыми и функционально не способными решать задачи, которые ставит перед ними глобальный мир.

Существующие международные институты и структуры, в прошлом доказавшие свою эффективность, с какого-то определенного момента времени, а точнее – с того, когда стали проявляться новое «глобальное состояние» и изменение формата международной политической системы, оказались весьма несовершенными инструментами.

Сегодня можно констатировать отставание международных институтов управления и контроля за развитием мировой политической системы от скорости, динамики и масштабов развития глобализационных политических процессов.

В дальнейшем, очевидно, возможна их деградация.

Неэффективность международных институтов и структур свидетельствует о фактическом отсутствии механизмов управления формирующейся глобальной политической системой, о чем неоднократно писали российские и зарубежные авторы [Вебер

2009; Чумаков 2010; 2012; Дробот 2011; Урсул 2014; Martin 2003; Kiss 2014].

В отсутствие таких механизмов глобального управления и контроля над глобализационными политическими процессами наиболее эффективными субъектами глобального управления становятся центры силы глобального мира. В той части, в которой глобализационные политические процессы подвержены субъективному влиянию, их будут направлять и контролировать глобальные политические лидеры.

Мы можем согласиться с тезисом А.Н. Чумакова о том, что глобальный мир «со множеством тесно взаимосвязанных и в то же время активно противоборствующих субъектов, как и прежде, только лишь саморегулируется, да и то в основном стихийно, но абсолютно лишен какого бы то ни было управления...» [Чумаков 2013: 34].

Но мы согласны только с первой частью этого положения. Саморегулирование – признак свободы действий и права отставать свои национальные интересы.

Однако эти свобода и право находятся сегодня под жестким контролем пока еще единственного центра силы глобального мира – США. В будущем глобальный мир может стать поликентричным, и в нем возникнут новые центры силы: в Азии,

Латинской Америке, Евразии, может быть, в Африке. И тогда глобальное пространство будет делиться на сферы их интересов, а вместо глобального управления будут идти договорные процессы между центрами силы по поводу раздела сфер влияния и возможности их контролировать единолично.

Пока ясно, что глобальные центры силы будут устанавливать свои правила игры и нормы поведения, тестируя другие страны на степень лояльности к себе (как это делают сегодня США). Они будут диктовать свои правила до тех пор, пока не появятся конкуренты – новые претенденты на статус центра силы глобального мира. Согласно закону цикличности глобального политического развития, это рано или поздно произойдет и появятся новые центры силы уже со своими правилами игры, которое они будут навязывать другим акторам глобального мира, стоящим на более низкой ступени глобальной иерархии.

По мере роста противоречий на пике конкурентной борьбы между действующими центрами силы и претендентами на данный статус будут вестись войны.

Для одних это будут войны с целью закрепить свой достигнутый статус в глобальной иерархии, для других – чтобы вытеснить конкурентов и занять освободившуюся нишу. Уже сегодня очевидно, что войны будут проходить в формате региональных конфликтов и не на территории соперников.

10. Новая блоковость. Эпоха новых коалиций

Наблюдаемый в глобальном мире феномен глобальной регионализации объективно ведет к формированию региональных систем и подсистем международных отношений [Леонова 2013].

Процесс зрелости этих региональных систем и подсистем будет неизбежно способствовать

формированию на их основе экономических, политических и военно-стратегических блоков, союзов и коалиций.

Авторитетный исследователь глобализационных процессов Л.Е. Гринин отмечает интересную тенденцию. Он считает, что новый глобальный мир будет «эпохой новых коалиций». В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. «...При этом могут выигрывать те, кто будет проводить наиболее активную политику по блокированию и входению в новые союзы, кто сможет обзавестись максимальным количеством партнеров в разных сферах. Влияние страны будет увеличиваться, условно говоря, путем “зарабатывания” очков за счет участия в тех или иных союзах и блоках» [Гринин 2013: 73, 74].

В условиях ожесточенной конкуренции за обладание дефицитными ресурсами экономические интересы государства будут во многом определять векторы внешней политики и станут приоритетными по сравнению с идеологическими целями.

В глобальном мире в условиях повышенной конфликтности будет возрастать неустойчивость глобальной политической системы. Вследствие этого геополитические и экономические интересы, на основании которых строятся коалиции и блоки, будут весьма динамичными, нестабильными, быстро меняющимися. Это будет отражаться на быстрой смене приоритетных векторов внешней политики, партнеров, союзников и врагов.

Таким образом, данную тенденцию можно назвать «новой блоковостью», историческим этапом, на котором будет существовать много неустойчивых и постоянно переформатирующихся блоков, коалиций и союзов.

Однако это вовсе не означает раскола глобального мира и его дальнейшей фрагментации. Во многих регионах мира сегодня идут интенсивные интеграционные процессы, которые приводят к формированию крупных региональных систем. Мы уже писали о том, что помимо происходящих в нем «горячих» или латентных конфликтов, он все в большей степени принимает черты соревнования между региональными объединениями, каждое из которых возглавляет региональная держава (США, ЕС, Китай, Россия, Бразилия, Индия, ЮАР и т.д.). Государства, ранее нейтральные, оказываются втянутыми в сферу притяжения страны – регионального лидера или вынуждены делать выбор в пользу одного из конкурирующих блоков. Государства, обладающие значительными ресурсами: сырьевыми, энергетическими, стратегическими, демографическими и т.д., в том числе занимающие выгодное геополитическое положение, оказываются в зоне внимания ведущих держав и становятся объектами конкуренции за сферу влияния на них путем включения в собственную региональную систему или соответствующий политический (экономический, военно-стратегический) блок [Ильин и др. 2013].

В последнее время наблюдается увеличение размеров этих блоков за счет привлечения новых членов или партнеров (в том числе стран-наблюдателей, или так называемых ассоциированных членов), что ведет к увеличению контролируемого блоком геополитического пространства.

Так, например, АСЕАН была создана в 1967 г., и первоначально в Ассоциацию вошли пять стран (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур).

Затем в 1995 г. к ней присоединился Вьетнам, в 1997 г. – Лаос и Мьянма, чуть позднее – Камбоджа.

МЕРКОСУР был образован в 1991 г., и в него первоначально вошли четыре страны: Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай. В последующие годы к организации на правах ассоциированных членов присоединились Чили и Боливия (1996), затем Перу (2003), Эквадор и Колумбия (2005), а затем полноправным членом стала Венесуэла.

Продолжается процесс расширения Европейского союза. На очереди вступления в него стоят Черногория, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония, Албания и т.д.

Предполагается и расширение Шанхайской организации сотрудничества, новыми членами которой станут Индия, Пакистан, возможно, Монголия.

Таким образом, глобальный мир XXI в. – это объективно существующий феномен, фрагментированный на крупные геополитические пространства – региональные системы, тесно взаимосвязанные и взаимозависимые. При этом экономическое, политическое и социокультурное взаимодействие между ними в дальнейшем будет динамично расти и развиваться.

11. Геополитический плюрализм

В глобальном мире нарастает геополитический плюрализм. Все усиливается дифференциация геополитических позиций и интересов регионов глобального мира: Латинской Америки, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, Африки.

Россия в последнее время также наращивает свой «геополитический плюрализм»: она старалась актуализировать традиционно считавшиеся приоритетными отношения со странами Центральной Азии на постсоветском пространстве. Произошло упрочение связей и повышение динамики отношений РФ со странами Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона.

При этом в течение длительного времени европейский вектор внешней политики оставался для России наиболее важным и значимым.

В последнее время наше государство стало проявлять явный интерес к развитию партнерских отношений со странами Латинской Америки и Африки, что подавалось как «возвращение» России на эти континенты.

После того, как стало ясно, что «перезагрузка» отношений России и США не совсем удалась, заговорили о смене геополитических кодов России и развороте ее политики на Восток, в первую очередь на прочные партнерские отношения с Китаем.

Активизация взаимодействия России со странами, не являвшимися ранее приоритетными векторами ее внешней политики, усиливает тенденцию к гибкости и поливариантности глобализационных политических процессов.

12. Трансформация национального суверенитета государства

Много дискуссий вызывает будущая судьба государства-нации в глобальном мире.

Л.Е. Гринин считает, что сокращение суверенитета национального государства неизбежно как прямое следствие создания новых блоков и коалиций, у многих из которых могут быть сформированы свои наднациональные органы управления.

Эти процессы приведут к «трансформации национального суверенитета, который в целом будет ослабевать за счет явного или неявного, вынужденного или добровольного делегирования части суверенных прерогатив различным межгосударственным, наднациональным и мировым образованиям и договоренностям», – пишет Л.Е. Гринин [2013: 74].

Существует также мнение, что в будущем может произойти снижение «степени суверенности независимых государств из-за мощи средств массового уничтожения, интеграции вооруженных сил Запада в военную организацию НАТО и фактической монополии США на управление ею. Во-вторых, США обеспечивают непосредственный военный контроль за территориями своих потенциальных конкурентов, размещая на них свои военные базы...» [Осокина, Суворов 2011: 184].

13. Конфликт между национальными интересами государства и глобализацией. Проблема реализации национальных интересов государства в глобальном мире

Однако этой тенденции – снижению степени суверенности независимых государств – противостоит другая тенденция глобализации XXI в.: **нарастающий конфликт между национальными интересами государства и глобализацией**, конфликт, который будет особенно острым в политической сфере. В конце XX в. казалось, что роль государства-нации начинает ослабевать по мере развития экономического аспекта глобализации, усиления экономической взаимозависимости стран, возрастания роли ТНК, складывания международных финансовых рынков, интернационализации капитала и бизнеса. Демонтаж государства-нации казался неизбежным и делом ближайшего будущего. Однако по мере передачи все большего числа функций государства на наднацио-

нальный уровень становилось все более очевидным, что есть ряд серьезных проблем, которые в рамках межгосударственных структур (ООН, ОБСЕ, Европарламент и т.д.) решить невозможно.

Это вопросы и задачи, которые затрагивают национальные интересы той или иной страны и решение которых остается прерогативой именно национального государства.

Поэтому ожидаемого размывания или даже упадка государства пока не состоялось и оно вряд ли состоится в обозримом будущем. Похороны государства прошли преждевременно, и траурный марш прозвучал невпопад.

Убедительным доказательством является тенденция политического развития России в XXI в. Укрепление «властной вертикали» и другие политico-административные реформы в нашей стране привели к укреплению роли государства в экономической, политической и других сферах жизнедеятельности общества. Это можно было бы считать феноменом России, если бы не убедительные примеры не только Китая, стран Юго-Восточной Азии, но и ряда успешно развивающихся государств постсоветского пространства.

Учитывая несоставшийся пока тренд размывания государства, очевидно, исследователям следует пересмотреть некоторые свои прогнозы развития глобализационных политических процессов.

Остается предметом споров и размышлений проблема национальных интересов государства в глобальном мире.

Так, например, А.Н. Чумаков считает, что страны «проводят эгоистическую внешнюю политику, ориентируясь в первую очередь на свои национальные и сугубо личные интересы» [Чумаков 2013: 26]. Он характеризует попытки страны отстаивать свои интересы в формирующемся целостном глобальном мире, мире «единого человечества», где «в интересах устойчивого развития всего человечества на планете должны установиться не только общие для всех принципы и правила совместной жизни, но и общая ответственность за судьбу каждого человека», как проявление эгоизма [там же].

Однако уже сегодня очевидно, что государства в ближайшем будущем не смогут отказаться от защиты своих национальных интересов ради будущего «единства человечества».

Поэтому национальный интерес является объективным ограничителем процесса политической глобализации. Это препятствие далее, возможно, будет устранено, но постепенно, по мере

поиска баланса национальных интересов каждой страны и глобальной системы политической взаимозависимости и соподчиненности государств глобального мира.

14. Востребованность и конкурентоспособность авторитарных государств

Глобальный финансово-экономический кризис обнаружил еще одну любопытную тенденцию глобализации – востребованность и конкурентоспособность авторитарных государств.

В процессе всемирных экономических кризисов ряд государств, политическую систему которых принято именовать авторитарной, продемонстрировали свою экономическую и политическую эффективность и показали себя достойными конкурентами европейских демократических государств.

В XXI в. разворачивается своеобразное соревнование между традиционными демократическими государствами, которые развивались в рамках либерально-демократической модели, и странами, чьи режимы принято называть авторитарными. Сегодня после ряда глобальных финансово-экономических кризисов эти последние демонстрируют свою экономическую и политическую эффективность и являются достойными конкурентами демократических государств с либеральной экономикой.

Данная тенденция уже получила название «возвращение великих авторитарных держав» (имеется в виду в число ведущих глобальных акторов), а многие аналитики и эксперты во всем мире уже задаются вопросом: что эффективнее в условиях глобализации – диктатура или демократия?

Демократия на протяжении XX в., казалось бы, доказала свою эффективность.

Но XXI в. оказалось, что не только либерально-демократический путь развития является успешным. Перспективными и имеющими будущее в контексте глобальных трендов развития являются и авторитарные режимы, где государство играет доминирующую роль в экономике и политике.

В этой связи перед Россией, которую так и не приняли в «клуб» демократических государств с рыночной экономикой, открываются новые многообещающие перспективы.

15. Изменение роли периферии глобального мира и эффективная геополитическая стратегия развивающихся стран

В итоге развития процессов глобализации, особенно экономического ее аспекта, заметно ускорилось развитие периферии глобального мира. Очевидным становится факт перемещения полюса экономического роста и финансовых потоков в АТР, в страны, которые еще недавно считались периферией глобального мира.

Так, по темпам роста ВВП в 2013 г. лидировали Китай (7,7%), Индонезия (5,8%), Индия (5%), Малайзия (4,7%), Турция (4%), Южная Корея (2,8%), Бразилия (2,3%), ЮАР (2%).

Эти страны бывшей периферии становятся важным функциональным блоком мировой системы: они не только обеспечивают мировое хозяйство сырьем и промышленными товарами, но постепенно становятся инвесторами западных стран.

Рост экономического развития и экономического вклада стран глобальной периферии в мировое хозяйство влечет за собой повышение их политического «веса» в глобальной политической системе и статуса в иерархии глобального мира.

А.С. Панарин считал, что геополитическая стратегия развивающихся стран, в том числе ранее принадлежавших ко «второму миру» и оттесненных в ходе глобализации в «третий мир», будет представлять «геополитику развития», связанную с поиском путей роста и эффективных альтернатив тенденциям индустриализации. Данная стратегия будет формироваться скорее всего как антизападная.

По этому поводу А.С. Панарин пишет: «Вместо эпигонской концепции “догоняющего развития” они берут на вооружение концепцию “опережающего развития”, в рамках которой классическое индустриальное наследие рассматривается как помеха смелым инновационным скачкам», а их задача – «подобрать другие ключи к постиндустриальному будущему» [Панарин 2008: 45, 46, 63]

Рост роли экономик азиатских и других стран периферии, и, как следствие, увеличение их политического влияния приведет к тому, что новые правила, нормы и стандарты поведения западных стран в глобальном мире будут согласовываться с ними или даже, как бы фантастически это ни звучало, подстраиваться под диктуемый ими глобальный сценарий развития.

Вполне возможно, что многие политические стандарты и нормы политического развития глобального мира будут задавать уже не западные страны во главе с США.

Таким образом, среди центров силы глобального мира XXI в. будут представлены не только западная, но и другие цивилизации.

Динамичный рост экономик других незападных стран и как следствие повышение их политического влияния в глобальном мире может привести к складыванию зоны внеамериканского взаимодействия. Такие зоны внеамериканского взаимодействия и внеамериканского влияния могут сложиться уже в ближайшем будущем в регионе АТР, Латинской Америке и Северо-Восточной Азии.

Такие зоны неизбежно будут расти. Например, ШОС может служить примером зоны внеамериканского взаимодействия. В уставе этой организации был сформулирован запрет на вступление в ее состав стран, находящихся под санкциями других государств. Это препятствовало вступлению Ирана в ШОС. Сегодня это требование теряет свой смысл, так как Россия сама находится под санкциями Евросоюза и США.

Расширение ШОС неизбежно и новые кандидатуры на вступление в организацию уже были озвучены на последнем ее саммите в Душанбе 12 сентября 2014 г.

Возможное вступление в ШОС новых стран, тем более таких крупных и geopolитически значимых, как Индия, Пакистан, Иран и т.д., приведет к расширению зон внеамериканского взаимодействия. А по мере расширения таких зон будет складываться тенденция новой bipolarности (бицентричности) глобального мира.

Между такими зонами внеамериканского взаимодействия и развитыми странами Запада может возникнуть конкуренция идей, концепций и путей развития. Китай, страны Юго-Восточной Азии, Индокитая, Латинской Америки своими успехами наглядно демонстрируют, что поиск своего уникального пути в новый мир XXI в. не является утопией, но имеет хорошую перспективу успешной реализации.

Все это в конечном счете может привести к необходимости переписать сценарий будущей глобализации, автором которого до недавнего времени были Соединенные Штаты Америки.

16. Повышение роли уммы в глобализационных политических процессах. Превращение уммы в коллективного глобального актора

Д.В. Ефременко прогнозирует, что глобализация постепенно «приведет к завершению экономического, культурного и технологического преобладания европейской цивилизации, длившегося более пяти веков» [Ефременко 2009: 162].

Глобализационные политические процессы оказывают значительное влияние на многообразный и фрагментированный исламский мир, порождая тенденцию к укреплению его единства. Необходимость искать адекватные ответы на вызовы глобализации способствуют сплочению и своеобразному синтезу различных течений ислама, если не в религиозно-догматическом, то в социокультурном аспекте.

Можно подвергать сомнению прогноз о возможности создания «нового Халифата». Одно несомненно: развитие глобализации как формирующегося единства мировой системы и информационно-коммуникационных технологий становится фактором, способствующим формированию своеобразного «исламского интернационала», куда войдут десятки тысяч исламских финансовых, политических, культурных и духовно-просветительских организаций, объединенных общей идеологией, целями и видением глобальных проблем.

Постепенно умма превращается в некий квазиполитический блок (или коалицию) государств, активно противостоящий и противодействующий вестернизации и глобализации в ее западной варианте.

Поддержка многочисленных мусульманских диаспор, проживающих в странах Запада, исламских неправительственных организаций, общественных центров и т. п. может многократно усилить политические позиции и роль уммы в глобальном мире. В XXI в. умма станет влиятельным глобальным актором, который будет активно участвовать в написании сценария развития глобального мира и с мнением которой западным странам придется считаться.

В этой ситуации перед Россией возникают новые геополитические перспективы и задачи. Одна из них – поиск конструктивного политического взаимодействия с мусульманским миром.

Процесс разрушения многовековых нравственных традиций христианской и мусульманской цивилизаций, размывание нравственных норм и подмена этических идеалов достигли таких масштабов, что это стало поистине одной из важных глобальных проблем человечества. Это вызывает тревогу и озабоченность не только у мусульман, но и у православных христиан, об этом много говорит и вносит свой вклад в решение данной проблемы Русская православная церковь.

Выход из нравственного тупика, в который идет человечество, могут предложить традиционные религии мировых цивилизаций.

«Наше православие, – пишет А.С. Панарин, – дает России серьезные шансы для установления творческих контактов с мусульманским типом духовности. Российская, православно-византийская по истокам культура является, как и исламская, преимущественно этикоцентричной... Именно на территории России произошел факт всемирно-исторического значения: появление цивилизационной и geopolитической системы, являющейся продуктом совместного творчества христиан и мусульман. Нигде в мире столь устойчивых синтезов подобного типа не было достигнуто!» [Панарин 2008: 72].

Размышая о проблемах, связанных с глобализационными политическими процессами, можно согласиться с известным ученым П.А. Цыганковым, который подчеркивает **искусственный и даже субъективный характер возникающих и набирающих силу тенденций развития глобального мира**.

«Объективные процессы и тенденции не только используются наиболее развитыми и сильными международными игроками для дальнейшего укрепления своих позиций, но и канализируются в наиболее выгодных им направлениях и даже формируются (“конструируются”) ими» [Цыганков 2011: 200].

Суммируя тенденции глобализационных политических процессов, можно сделать вывод **о вариативности глобального развития**. Потенциально оно содержит множество возможных направлений. Эта вариативность обеспечивается большим количеством разнохарактерных глобальных акторов, стремящихся реализовать свои экономические и geopolитические интересы.

В глобальном мире постоянно возникают новые векторы развития, новые измерения, узловые проблемы и точки бифуркации. Глобальный мир – это постоянно меняющиеся порядок, структура, иерархия, алгоритмы действий глобальных акторов,

взаимоотношения между ними, ценности, идеалы, цели и перспективы развития.

В заключение хотелось бы напомнить многообещающий прогноз А.С. Панарина о том, что «сохранение глобального цивилизационного и geopolитического баланса между Востоком и Западом по-прежнему зависит от России. Сильная Россия при любых перипетиях ее политики будет держать факел Просвещения в Евразии. Ослабление и тем более утрата России в качестве политического субъекта мирового класса открывают перспективу прямого столкновения западного, мусульманского и тихоокеанского миров в борьбе за передел ойкумены» [Панарин 2008: 77].

Литература

1. Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009, № 1(3). – С. 3–15.
2. Гринин Л.Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) // Век глобализации. 2013, № 2. – С. 63–78.
3. Дробот Г.А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011, № 2(8). – С. 41–52.
4. И.В. Ильин, О.Г. Леонова. Тенденции развития глобализационных процессов. – С. 35.
5. Ефременко Д.В. Глобализация 2000+ и «кризис» государства-нации // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 2 / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 158–166.
6. Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.
7. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013, № 1. – С. 59–66.
8. Осокина Н.В., Суворов А.С. Миросистема в условиях глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина: В 2 т. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Т. 1. – С. 185.
9. Панарин А.С. В каком мире нам предстоит жить? // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. – М. : ФГП МГУ, 2008.
10. Розов Н.С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 4 / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 87–107.
11. Сегуру-Зайцев В.И. Станут ли Медведев – Ван Ромпей – Обама новыми триумвирами XXI века? // Материалы II Международного научного конгресса

- «Глобалистика – 2011: Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина: В 2 т. – М.: МАКС Пресс. – Т. 1. – С. 186–187.
12. Урсул А.Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014, № 1(13). – С. 16–27.
13. Цыганков П.А. Международные отношения и мировая политика в контексте глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина: В 2 т. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Т. 1. – С. 200–202.
14. Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. – № 2. – С. 3–15.
15. Чумаков А.Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012, № 2. – С. 32–42.
16. Чумаков А.Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013, № 2. – С. 23–37.
17. Шляпников В.В. Новая полиполитичность и стабильность мировой системы // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина: В 2 т. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Т. 1. – С. 203–204.
18. Kiss E. Globalization at Macro-, Meso, and Micro- Levels // Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay. – Amsterdam/New York, N.Y, 2014.
19. Martin G.T. World Government // Global Studies Encyclopedia / Ed. by I.I. Mazour, A.N. Chumakov, W.C. Gay. – M.: Raduga Publishers, 2003. – Pp. 551–555.
- «Век глобализации»,
M., 2015 г., № 1, с. 21–35.

А. Кулькин,

доктор философских наук, руководитель

Центра научно-информационных

исследований по науке, образованию

и технологиям ИНИОН РАН

ТУРБУЛЕНТНЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Мы живем в обществе, не имеющем названия. После криминальной приватизации 1990-х годов, породившей вопиющие, беспрецедентные в мировой практике перекосы в распределении общественного богатства, Россия вошла в турбулентное состояние. Оно обрело «дикий», неуправляемый характер, затягивающий страну в «турбулентную тряску». Куда она идет, какое место

занимает в процессе социально-экономической глобализации, никто не знает. Даже не сформулированы первоочередные задачи строительства общества, которое мы намерены создать. Сделали робкую попытку разработать концепцию развития информационного общества, но эта попытка так и осталась нереализованной. Нам, россиянам, надо признать, что мы живем в обществе, в котором все дозволено – даже не соблюдать нами, в лице Думы, принятые законы. Название «турбулентное общество» точно отражает наше безымянное, неприкаянное существование.

Среди специалистов по данной проблеме общепризнано, что «капитализм» не может быть ключевым понятием для построения адекватной теории мирового развития рыночной экономики, а мы продолжаем твердить, особенно через средства массовой информации, о том, что строим капиталистическое общество. Это нонсенс. Потому что в настоящее время происходит активный процесс формирования качественно новых структур мирового социально-экономического развития. В этом процессе нет места прежним системам общественного и государственного устройства (капитализму или реальному социализму).

Многие зарубежные исследователи пытаются с позиций «широкоформатной общественной науки», используя, по сути дела, междисциплинарный подход, создать картину текущего социального процесса и обнаружить долгосрочные тенденции, отражающие общественные трансформации. Они (трансформации) происходят «снизу», накапливают свою энергию в недрах общества и выливаются в императивный общественный запрос.

Прежде чем исследовать новейшие тенденции глобализации социально-экономического развития и пытаться определить место и роль страны в этом процессе, России необходимо решить чрезвычайно сложные задачи сегодняшнего дня.

Упущеный шанс: Почему Россия не вписалась в неолиберальную парадигму мирового социально-экономического развития

Россия до сих пор не избавилась от разрушительных последствий криминальной приватизации, проведенной в 90-е годы прошлого века. Самые острые в настоящий момент проблемы социально-экономического развития России – это, за редким исключением, ее наследие. Политический курс на реализацию неолиберальной общественной парадигмы был перечеркнут кри-

минальным содержанием приватизации. Объективно это был со- крушительный удар, направленный на разрушение устойчивого социально-экономического развития страны.

Проследим основные этапы и аспекты этого сложного процесса.

Теперь-то ясно, что приватизация в России была спланирована и осуществлена под жестким контролем США. Их стратегическая цель состояла в том, чтобы трансформировать ее (приватизацию) в гигантский механизм разрушения экономики России, лишить ее тем самым возможности использовать уже сложившуюся неолиберальную парадигму мирового социально-экономического развития. Цель, как известно, достигнута. Каким образом это было сделано? Чтобы ответить на поставленный вопрос, нам необходимо прежде всего рассмотреть основные положения двух концепций: неолиберальной парадигмы и либерального глобализма.

Первая концепция формировалась продолжительное время. Весь XX в. характеризуется мировыми войнами, революциями, разработками и реализацией военных научно-технологических программ, направленных на создание оружия массового поражения. Все это вместе взятое ориентировало мировую экономику на оборонные (государственные) заказы, что, естественно, деформировало мировой экономической рынок. Сформировалась социально-экономическая среда, в которой не было места экономическому либерализму. И показательно, что именно в этот период «правительственной» экономической теорией стала теория Джона Мейнарда Кейнса, который в унисон времени считал, что государство может и должно «планировать» рынок. То есть мировой дефицит экономического либерализма в это время был связан с тем, что государство потеснило рынок.

С 1970-х годов пришла пора неолиберальной парадигмы мирового социально-экономического развития. Наука называет ее «нео» лишь потому, что ушло время «мобилизационной» экономики периода мировых войн и других социально-политических конфликтов и наступило время устранить в мировой экономике дефицит либерализма. Доказательством того, что сегодня мир живет в либеральной общественной парадигме, является масштабная экономическая либерализация экономик США и Великобритании (реформы Рейгана и Тэтчера), реформация «государств благосостояния» в Западной Европе по правоконсервативному вектору – устранения перегруженности государств невыполнимыми социальными обязательствами, та же экономическая либерализация

в Китае, а также в Индии и в других динамично развивающихся странах.

Так что неолиберальная общественная парадигма – результат мирового социально-экономического развития. На то она и парадигма, что ее не придумали политики, а она сама «навязывается» миру, а та или иная страна просто обязана принять ее «правила игры». Либеральная экономика имеет четкую технологию, которая заключается в реальном действии антимонопольного законодательства. Если на рынке допускаются монополии и зажимается малый и средний бизнес – это не только не экономический либерализм, но даже и не рынок. Монополизированный рынок – это абсурд. В России именно это и происходит – «рыночная» экономика монополизирована крупным корпоративным сектором, причем сращенным с властью, что на научном языке называет олигархией. Поэтому эксперты так и определяют состояние политико-экономической системы современной России – «государство олигархических групп» (12).

Сущность сформировавшейся в течение многих десятилетий либеральной общественной парадигмы – ее *«посткапиталистическое»* содержание – состоит в преодолении национально-государственных границ, прорыве экономической свободы в глобальное социально-экономическое пространство.

Научное осмысление процесса социально-экономической глобализации происходит с большим трудом, потому что оно находится в плену традиционного и устаревшего представления о том, что рыночная экономика – это «капитализм». Это утверждение как бы общепризнано. Но оно неверно. В настоящее время ведется активный поиск принципиально новой концепции.

Что такое неолиберальная парадигма? Это такой глобальный экономической порядок, при котором ценностью, общественным благом становится свобода, прежде всего в ее экономическом воплощении – экономическая свобода. Это первый критерий парадигмы. Вторым критерием является то, что она требует от государства свести до минимума свое влияние в экономике. Это означает, что государство обязано законодательно охранять экономическую демократию в виде справедливой (равноправной) рыночной конкуренции, контролировать функционирование этой системы и следить за тем, чтобы в ней не появились ее разрушители – монополисты. Третий критерий состоит в том, что неолиберальная парадигма не освобождает государство от регулятивной функции в отношении экономики (15).

По внутренней логике парадигмы, в зависимости от уровня социально-экономического развития страны, значимость этих критериев с неотвратимой последовательностью меняется. Так, нынешний предельно низкий уровень социально-экономического развития России требует в разумных пределах ограничения экономической свободы и возрастания значимости регулятивной функции государства.

Как это делается? Здесь необходимо пояснение на конкретном примере. Корпорации США, прессы, многие политики на протяжении ряда лет выступали с серьезными претензиями к собственному правительству, жалуясь на неравенство условий конкуренции: им-де приходится поодиночке бороться с «Джэпан инкорпорейтед», т.е. с объединенными силами японских концернов, активно поддерживаемых государством. Конгресс США колебался довольно долго, но растущий из года в год дефицит в торговле с Японией, как и успехи других конкурентов, все же убедили американских законодателей¹.

В первой половине 1980-х годов последовал целый ряд законодательных актов, направленных на поощрение нововведений в промышленности и расширение связей частных корпораций с университетами. Было принято шесть законов. Так или иначе, Конгресс устранил юридические препятствия, стоявшие на пути развития кооперации в области научных исследований, и создал в стране атмосферу, благоприятствующую этому процессу. Изменение антимонопольного законодательства открывает, в сущности, возможность для некоторой коррекции производственных отношений в обществе. Ведь речь идет о науке как об одном из элементов производительных сил, о капиталовложениях в исследования и разработки (ИР), о правах собственности на результаты исследований. Ну а как в связи с этим обстоит дело с конкуренцией? Отражается ли появление коллективных форм ИР на остроте конкурентной борьбы между фирмами, корпорациями, странами? Ведь объединяются именно те, кто ведет борьбу за рынки, за потребителя. Нет ли противоречия между новыми формами ИР и принципом свободной конкуренции? Противоречие, конечно, есть. Но оно не является антагонистическим и, как свидетельствует практика, мирно разрешается благодаря следующим обстоятельствам.

¹ Об этом нами было кратко сказано в разделе «Научно-технический потенциал советского тоталитарного режима». Здесь мы повторим его в ином контексте и более подробно.

Первое – это ограничение коллективных ИР так называемой до-конкурентной стадией работ. Совместно решаются фундаментальные научные проблемы, исследуются новые физические эффекты и способы их использования, изыскиваются принципиальные технические решения, создаются макеты и прототипы, экспериментальные стенды и комплекты оборудования для апробации новых технологий, но не конкретная рыночная продукция. Цель кооперации – поднять на новую, более высокую ступень общий технический уровень определенной отрасли или подотрасли промышленности. Поэтому совместные исследования влияют не на конкуренцию между участниками, а на конкурентоспособность каждого из них, поднимают ее и тем самым, по сути дела, усиливают конкуренцию, но на ином, достигнутом общими усилиями уровне. И такого рода государственная поддержка бизнеса происходит постоянно (2).

Либеральная глобализация, вторая концепция социально-экономического развития, – это попытка мирового олигархического капитала заменить неолиберальную общественную парадигму. Развитые страны Запада во главе с США, опираясь на свою экономическую и политическую мощь, узурпировали, монополизировали объективный процесс глобализации, используют его для получения максимальных выгод для себя. Запад практически приватизировал глобализацию, «подчинил» его своим интересам. Он использует ее не для развития свободного рыночного хозяйства и демократического, гражданского общества, а для установления нового мирового порядка с глобальной распределительной системой. Эдакий «мировой коммунизм по-американски». И насаждается он разными способами не только в России, но и во всем мире. США в новом миропорядке отводится роль главного мироустроителя. «В этом – суть так называемой либеральной глобализации в ее проамериканской, прозападной форме. Таким образом, либеральная глобализация – это амбициозный, невиданный в истории политический проект США по стратегии утверждения своей гегемонии над всем миром на длительную перспективу, это заявка на создание глобальной американской империи. Либеральная глобализация – это такая драма человеческой истории, какой никогда не видел мир» (18).

Действительно, история повторяется дважды: первый раз как трагедия – попытка коммунистического переустройства мира; второй раз в качестве фарса – либеральная глобализация по-американски. После распада СССР Россия заняла достойную

позицию во внешней политике. Она стала непреодолимым барьером на пути экспансии либеральной глобализации по-американски. Это начало поражения либеральной утопии установления глобального господства США над всем миром. Дело в том, что глобализация, понимаемая как объективный процесс интеграции, является общечеловеческим достоянием, и она должна служить всем народам мира, а не только странам «золотого миллиарда».

Мировое сообщество будет вынуждено заставить США отказаться от либеральной глобализации по-американски. Рано или поздно это произойдет, потому что в современном обществе, повторим, происходят общественные трансформации, которые возникают «снизу», накапливают свою энергию в недрах общества и выливаются в императивный общественный запрос, который проявился в качестве феномена, на глобальное гражданское общество. Этот феномен – уже реальность, но пока она (реальность) находится в «эмбриональном» состоянии (16).

Главным вопросом приватизации, как известно, было преобразование общественной собственности в частную. Этот процесс, продолжавшийся десятилетие, приобрел резко выраженный криминальный характер. Фактически страна находилась в состоянии гражданской войны в региональных масштабах. Повторим факты, приведенные нами в предыдущем разделе, но в ином контексте. С.В. Степашин, в те годы председатель Федеральной службы безопасности (ФСБ), выступая в Думе в 1994 г., прямо признал: «Да, идет война, настоящая война с массовыми убийствами». В 2000 г. первый заместитель министра внутренних дел Владимир Козлов в интервью «Московским новостям» (№ 44, 7–14 ноября 2000 г.) заявил, что 40% российской экономики криминализировано, т.е. контролируется преступниками. «Все мы, – сказал он, – в свое время очень сильно упустили момент приватизации. Криминальные группировки буквально разрывают государственную собственность».

В таких чрезвычайных условиях говорить о том, чтобы России вписаться в неолиберальную общественную парадигму мирового социально-экономического развития, не могло быть и речи.

Криминальная приватизация нанесла России гигантский урон: «Суммарные экономические потери страны за годы ельцинских реформ (1992–2000) в 2,5 раза превысили потери СССР в годы Великой Отечественной войны. По внутреннему производству, т.е. по реальному богатству населения, Россия скатилась к уровню 1960 г.» (11). Она (приватизация) породила криминальную среду

в стране. Ее своеобразие состоит в том, что криминал проник во все сферы деятельности и слои жизни общества. Эта среда обрела институциональный характер, поэтому представляет собой особую опасность. Она гасит многочисленные начинания предпринимательского характера широкой общественности. Все попытки правительства, направленные на экономический рост (создание национальной, общероссийской, инновационной системы, «Стратегия 2020» и другие программы), гибнут в «черных дырах» федерального законодательства, как, например, малый бизнес. А финансовые средства, выделяемые на реализацию этих программ и проектов, бесследно исчезают.

Отказ от регулятивной функции государства, «уход» государства из экономики и других сфер общественной жизни, привел страну в турбулентное катастрофическое состояние. Возникшая ситуация по всем признакам обрекает страну на социально-политическую тряску на долгие годы.

Слабость государства порождает криминальную среду и преступность. Крылатая фраза научного руководителя Высшей школы экономики (ВШЭ) Е. Ясина: «Государство должно снять с себя ответственность за экономический рост. Это задача бизнеса» – суть идеологии олигархического бизнеса.

Государство не может снять с себя ответственность за экономический рост, потому что экономические функции органически присущи государству вообще, а тем более современному.

Первая функция – это распределение дохода, она «возникает из необходимости финансирования государственных расходов, что может быть сделано либо за счет налогов, либо за счет заимствований» (10). Функция «распределения дохода призвана поддерживать политически приемлемый уровень дисбаланса доходов и благосостояния в обществе, чтобы обеспечить всем гражданам гарантированный минимальный набор товаров и услуг» (10).

Вторая экономическая функция – это стабилизация. Политика стабилизации состоит в том, что правительство через органы государственной власти, используя налоговую систему, займы, различные методы и способы управления денежной массы, стремится достигнуть экономического роста, высокой занятости, оптимального уровня инфляции.

Третья экономическая функция государства – распределение ресурсов. Цель государства при ее реализации – обеспечить эффективное распределение ресурсов в обществе. Условия оптимума этого распределения разработаны еще в 1930-х годах в работах

А.П. Лернера, А. Бергсона и Дж.Р. Хикса. На результатах их исследований «сформулировано одно из основных направлений государственной политики распределения ресурсов – приближение условий реальной экономики к требованиям идеальной конкуренции» (10).

Далее цитируемый нами автор подробно рассматривает механизмы распределения ресурсов государственными органами: «Регулирующая роль состоит, – пишет он, – в управлении денежным обращением и деловой активностью в стране через распределение капитала между отраслями и регионами, отдельными экономическими субъектами хозяйствования; мобилизации свободных денежных средств населения и юридических лиц» (10).

Мы привели мнение финансиста-практика по обсуждаемому вопросу. Ценность его мнения состоит в том, что он, во-первых, имеет непосредственное отношение к становлению и развитию системы управления долгом в Москве и за рубежом; во-вторых, располагает опытом, который ему удалось приобрести «в течение того бурного времени, на которое пришлась и всеобщая эйфория 1997 г., и оглушительный крах (дефолт. – А.К.) 1998 г., и упорная борьба за выживание, за возвращение к нормальной жизни в последующие годы» (10). Важно подчеркнуть, что позиция автора цитируемой книги не противоречит опыту экономического развития многих стран, а также результатам научных исследований выдающихся российских и зарубежных экономистов, особо выделявших роль государства в рыночной экономике как гаранта экономического роста и социальной справедливости.

Так что объективно «научно-экспертная империя Высшей школы экономики», идеологом которой является Е. Ясин, выражает интересы олигархического бизнеса и транснациональных корпораций, заинтересованных в том, чтобы превратить Россию в конечном итоге в сырьевую придаток стран «золотого миллиарда».

В России бизнесу была предоставлена свобода без каких-либо ограничений. Это хорошо или плохо? Плохо. Ибо бизнес, ориентированный на получение беспредельной прибыли, без жестких ограничений порождает воровство и организованную преступность. Более того, Россия стала особенно привлекательной для международного криминализма. Иностранцы в массовом количестве стали незаконно оседать в нашей стране. С начала 1990-х годов, рассматривая Россию в качестве перевалочного пункта на пути в Европу, многие из них остались в стране, которую в то время захлестнула волна «либерализма без берегов». Они

сначала почувствовали, а затем в полной мере оценили, что здесь сформировалась идеальная среда для криминального обогащения, которой «грех» не воспользоваться (4).

Система государственного управления в России далека от совершенства, она не отвечала задачам, стоявшим перед страной. Проведенная административная реформа не имела научного обоснования, она не дала положительных результатов. Предстоял гигантский объем работы, цель которой – создать динамичную эффективную систему государственного управления. В связи с этим заслуживает, на наш взгляд, внимания мысль, высказанная писателем М. Веллером в интервью: «Демократия – лучшая из возможных форм правления, если она способна решать поставленные задачи. Но она не всегда на это способна (сбои в демократических системах управления наблюдаются в США, во Франции и других странах. – А.К.). Римляне знали “лекарство”, которое 350 лет отлично действовало: в экстремальной ситуации вводилась диктатура, конституционно узаконенная. Не нужно ждать государственного переворота, когда диктатура будет неконтролируема и неподотчетна! Следует сегодня выработать механизм ввода диктатуры и вывода страны из нее. На период не менее одного года и не более пяти. И по прошествии установленного срока ничто на свете не может продлить эту диктатуру!»¹. Это предложение, на наш взгляд, вполне приемлемо, потому что многие судьбоносные проблемы в России решались таким путем. Она в этом отношении приобрела историческую память, которую можно использовать не только во зло Отечества, но и на его благо.

На VII ежегодной научно-практической конференции «Экстремальные ситуации, конфликты, согласие», проведенной в Москве под эгидой Академии управления МВД России и Института социологии РАН, ее участники были вынуждены констатировать: особую угрозу для национальной безопасности представляют организованная преступность и терроризм.

Во-первых, «на территории РФ активно действуют более 100 преступных сообществ с общим количеством участников свыше 4 тыс. человек. Под их контролем находятся свыше 500 хозяйствующих субъектов. Около 70 криминальных структур действуют в экономической сфере, десять специализируются на бандитских нападениях, восемь контролируют наркобизнес и незаконный оборот оружия. Характерно, что практически все криминальные

¹ Аргументы и факты. – М., 2005. – № 41. – С. 3.

структурь стремятся проникнуть в сферу легальной экономической деятельности, а часть из них внедряется в органы власти, в том числе выборные» (5). Анализ показывает: вряд ли в ближайшие два-три года следует ожидать значительного улучшения в этой области.

Во-вторых, «силовые ведомства сейчас имеют дело с принципиально новой криминальной реальностью, требующей трансформации всей системы действий и подходов в борьбе с преступностью и терроризмом» (5).

И делается вывод: «В условиях возникновения реальной опасности для государства и общества надо открыто и честно сказать народу, что без временного ограничения части демократических свобод активизировать борьбу с преступностью в стране невозможно» (5). Не ограничение части демократических свобод, слишком мягко сказано, необходима диктатура от трех до пяти лет, режим управления, сопоставимый с ней. Перед нами как раз тот случай, когда демократия не в состоянии решить стоящие перед обществом задачи. Проблема довольно острая, так как механизм ввода в действие диктатуры в стране не прописан. Эта проблема будет «тиранить» общества десять и более лет, пока не будет принят соответствующий закон.

Криминальная приватизация, как известно, породила бурный рост преступности, в том числе организованной. «Уход» государства из экономики и других сфер общественной жизни – основное требование радикального либерализма – вызвал «либеральную эйфорию», которая сопровождалась разрушением силовых структур государственной власти, «провалом» в правовом обеспечении деятельности государственных органов. Как следствие этого, наблюдается появление банкиров-грабителей и стремительный рост численности миллионеров и миллиардеров, вскоре ставших олигархами за счет ограбления населения страны.

В эти же годы появляются многочисленные публикации идеологического обоснования и закрепления в массовом сознании ценностных установок предпринимательского характера. Популистские заявления представителей исполнительных и законодательных органов власти становятся нормой, а ложь и обман законопослушных граждан – повседневностью. Одним из основных факторов формирования «турбулентного общества» явилось соз创ение идеологического мифа. Суть его состоит в том, что неолиберализм российской трактовки (толкования), не имеющей никакого отношения к неолиберальной общественной парадигме,

стал идеологией олигархического бизнеса в России. С термином «неолиберализм» произошла мистификация, намеренное, по всей вероятности, введение широкой общественности в заблуждение. Самый верный путь вписаться России в мировую неолиберальную парадигму социально-экономического развития – это наотрез отказаться от употребления идеологических клише, связанных с либеральной и неолиберальной экономикой, и приступить к решению реально существующих первоочередных задач.

Что же дальше?

В связи с распадом СССР возникли три чрезвычайно актуальных проблемы, решение которых необходимо для формирования фундаментальной основы жизнедеятельности российского общества. Это ментальность, покаяние и выбор исторической перспективы социально-экономического развития.

Ментальность. Единый менталитет «советского народа», сформированный тоталитарным режимом под «прессом» массового террора и господства коммунистической идеологии, рухнул. Многочисленные этносы, нации и народности, населяющие страну, обрели свой, только им присущий, менталитет. Сложилась очень трудная ситуация. Только что возникшая на «обломках» единого совкового менталитета общероссийская ментальность породила разнородные менталитеты для каждого сообщества людей, не имеющего адекватного взаимопонимания. В процессе общения люди, имеющие разные менталитеты, не понимают друг друга. Они годами не могут достигнуть партнерства в решении сложных вопросов. Отсутствие взаимопонимания резко снижает эффективность государственного управления. Например, интеллектуальные менталитеты сообществ ученых и политиков диаметрально противоположные, поэтому партнерство между наукой и властью достигается с большим трудом в течение продолжительного времени. Оно до сих пор не достигнуто.

Покаяние. В современной России единый менталитет следует начать формировать с покаяния. И начинать его необходимо прежде всего в сфере бизнеса. Почему?

Логика здесь простая. В бизнесе потенциально содержится возможность криминала, здесь закон рынка – это прибыль. Бизнесмен стремится к максимальной прибыли. И если нет ограничений, можно получить 100%, а тем более 300% прибыли. Он готов на любое преступление. Об этом в свое время писал К. Маркс.

В идеале рыночный человек должен взять все, не отдав ничего. «А это и есть воровство – самая эффективная форма обогащения». Нельзя амнистировать капитал, приобретенный коррумпированным путем. Его амнистия уничтожает мотивацию к честному труду. Олигархам, если они хотят служить Отечеству, работать на его благо, следует заслужить прощение (амнистию) народа, пройти через покаяние перед народом. Исходя только из экономических соображений, можно заключить, что амнистия коррумпированного капитала – это стратегическая ошибка правительства. А если амнистию коррумпированного капитала сопоставить с бедностью в современной России, ставшей, по мнению академика Д.С. Львова, в результате так называемых рыночных реформ самовоспроизведшимся фактором, то ее (амнистию) можно считать преступлением.

Заслуживает пристального внимания выстраданный и проверенный в течение продолжительного времени опыт построения общественного и государственного устройства Германии, который органично вписывается в неолиберальную общественную парадигму мирового социально-экономического развития. После ее разгрома в результате Второй мировой войны оккупационные власти предоставили правительству ФРГ в лице Адэнауэра–Эрхарда карт-бланш в построении либеральной общественной системы. Эту систему Л. Эрхард с группой ученых из Фрайбургского университета (В. Ойкен, В. Ренке и др.) проектировал до прихода Гитлера к власти, и она красноречиво называлась *ордolibеральной* системой (системой либерального порядка). И надо сказать, что немцы с очень большим скрипом принимали этот «навязываемый» им либерализм, так что вплоть до конца 1950-х годов, по социологическим опросам, Гитлер оставался фаворитом (75–80% респондентов поддерживали его идею «Великой Германии», а предлагаемый Л. Эрхардом социальный порядок – 7–8% респондентов). Соотношение голосов точно наоборот «перевернулось» в пользу либеральной системы лишь тогда, когда реформы Л. Эрхарда стали давать свои результаты: с 1970-х годов ФРГ, а теперь Германия в целом прочно удерживает место третьей экономики мира. Факты и цифры взяты из книги (17).

Кстати, Германия своевременно прошла этап национального покаяния. Немцы раз и навсегда решили для себя – нацизм (германский фашизм) в Германии никогда и ни при каких обстоятельствах не повторится. Тем самым они сняли вопрос, кем был Гитлер: национальным героем или палачом? Почему же Россия до сих пор

не может покаяться и признать, что миллионы, по всей вероятности, самых активных и талантливых людей, соотечественников были уничтожены советским тоталитарным режимом. Покаяние необходимо российскому обществу для того, чтобы оно обрело, наконец, спокойствие духа и прекратились изнурительные споры, истощающие энергию общества. Споры о том, кем был Сталин: талантливым политическим лидером или тираном и палачом? Россия должна осуществить акт гражданского покаяния, чтобы сохранить историческую память народов, населяющих нашу страну, о жертвах массового террора и ни при каких обстоятельствах не допустить его повторения.

Выбор исторической перспективы социально-экономического развития передовыми странами мира фактически уже сделан в пользу информационного общества (ИО). Развитие научно-образовательного потенциала и рост на его основе научкоемкого производства привели к глубокому кризису индустриальной модели экономического развития, произшедшему в 1990-е годы. Фактически произошло окончательное крушение индустриальной системы и перераспределение экономической мощи таким образом, который соответствует уже осуществившемуся перераспределению как технологического, так и интеллектуального потенциала между основными центрами современного мира¹.

Перед Россией задача в настоящий момент состоит не в создании новых принципов и подходов формирования информационного общества, а в разработке конкретной программы, реализация которой позволит ей войти в мир высоких технологий. Такая программа существует – это «Основы политики Российской Федерации в области науки и технологий на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (далее – «Основы 2011»). Ее только следует распределить на конкретные этапы и определить последовательность их реализации (1).

Сверхзадача, поставленная политическим руководством России, весьма привлекательна. Но ее решение вызывает серьезные сомнения, потому что на пути к достижению стратегической цели стоят давно возникшие и труднопреодолимые барьеры, рожденные криминальной приватизацией (в 1990-е годы ее называли бандитской). Эти барьеры являются основополагающими причинами, определяющими турбулентный характер социально-

¹ Подробно об этом сказано в седьмом разделе «Тернистый путь России в информационное общество».

экономического развития России. Сделаем попытку провести беспристрастный анализ этих социально-политических проблем.

Большую угрозу для системы госуправления представляет формирование олигархических структур, претендующих на власть. Повторим в другом контексте мысль о том, что Россия – «государство олигархических групп». Это определение состояния политико-экономической системы было верным в конце 90-х годов прошлого века. Теперь, спустя почти 20 лет, оно устарело. «Сотворение» идеологического мифа, связанного с извращением неолиберальной парадигмы, было неизбежно, чтобы как-то объяснить или даже оправдать появление так называемых олигархов. На самом деле этот миф – знаковое, чисто российское идеологическое явление, которое отражает процесс формирования коррупционно-олигархической структуры, претендующей на власть. Кстати, эта структура в лице олигарха М. Ходорковского вошла в конфликт с властью, который закончился судебным процессом над ним. Остальные олигархи сделали для себя вывод: не лезть в политику. Но коррупционно-олигархическая структура продолжает существовать. Она окрепла, превратилась фактически, но не юридически в *реально работающую систему управления*. Административный ресурс этой системы – сословие чиновников. Весьма характерно опубликованное признание опального олигарха М. Ходорковского о взаимоотношениях с властью: «...это была игра без правил... У нас были ресурсы, мы могли оспорить эту игру. Однако мы не возражали, дабы не рисковать своим куском хлеба. Своей податливостью и покорностью, своим подобострастным умением дать, когда просят и даже когда не просят, мы взрастили чиновничий беспредел»¹. Как известно, потому и «взрастили чиновничий беспредел», так как названные Ходорковским ресурсы были получены благодаря «чиновничьему беспределу от приватизации».

Кто кем управляет: правительство или сословие чиновников? Скорее всего чиновники, используя коррупционно-олигархическую «систему» управления. Сословие чиновников и правительство, неспособное власть употребить, привели страну в тупик. Об этом свидетельствуют следующие факты: продолжительный спад и стагнация в экономике, неудачные попытки реформ науки и образования, деградация сельского хозяйства, а также промышленности и машиностроения; влачат жалкое существование культура и здравоохранение и т.д. По международному

¹ Хохлов О. Приватизация России. – Нижний Новгород, 2005. – С. 304.

рейтингу, «в 2009 г. по темпам экономического роста наша страна попала на 207-е место из 214, в борьбе с коррупцией оказалась на 147-й позиции из 180, по интегральному показателю благополучия в социальной сфере стала 131-й в списке из 180 стран» (3).

Комментарии излишни: Россия достигла предела падения.

Коррупционно-олигархическая структура управления. Повседневно нами управляет правительство. Нередко это управление оказывается не на должном уровне. И тогда наблюдаются всплески негодования и возмущения местного значения, чрезвычайно редко, к сожалению, открытый протест. Вскоре все возвращается на круги своя. А на самом деле нами управляют чиновники, прочно осевшие в государственном аппарате, т.е. бюрократическая элита. Она-то и обладает реальной властью, а также располагает неограниченным количеством способов и приемов «управлять по-своему». Она готовит многочисленные документы, в том числе и для политического руководства страны, зачастую сомнительного качества. Принятые на их основе решения на высшем уровне представляют большую опасность для общества. Политическое руководство обязано постоянно помнить, «держать в уме»: чиновник должен на уровне подсознания знать, что за использование служебного положения в своих шкурных интересах последует неотвратимое и весьма суровое наказание. Если это условие не будет соблюдаться, то рано или поздно чиновник трансформируется во врага общества. Каким образом это происходит?

С 1999 по 2010 г. число чиновников возросло более чем вдвое и составляет 1,65 млн человек¹ (приблизительно 100 человек населения на одного чиновника). Их место в современной России обусловлено тем, что они, особенно бюрократическая элита, получили доступ к огромным коррупционным доходам. Коррупционный рынок России сопоставим по размерам с федеральным бюджетом, а, согласно ряду экспертных оценок, вдвое превышает бюджет (6). В мире российской бюрократии сложилась круговая порука: все знают, кто как живет, сколько берет, у кого недвижимость в зарубежных странах, счета в оффшорах, но все молчат (6).

Бездействие правительства и молчание широкой общественности порождает у людей, занятых коррупционной деятельностью, извращенное сознание, своеобразное чиновничье мышление и преувеличенную значимость собственной персоны. Они считают ее (такую деятельность) нормой, общепринятой и обязательной

¹ Ведомости. – М., 2011. – 21.12.

для сообщества чиновников. Все это способствует тому, что чиновничество возомнило себя «новым гегемоном» (термин В. Костикова).

В цивилизованных странах, например в США, в течение многих десятилетий сформировалась другая социально-этическая структура управления. Чиновничество имеет высокий социальный статус, но ведет скромный образ жизни. Чиновникам гарантированы довольно высокая зарплата, защищенность от увольнений и хорошая пенсия. Доказанный факт взятки или отката означает безусловный конец карьеры, а главное – потерю пенсии. Жесткий контроль доходов и постоянный мониторинг расходов вынуждает чиновников соотносить свои аппетиты с размером официальной зарплаты. Такая система контроля доходов чиновников весьма эффективна.

Как разрушить вторую, олигархическую часть коррупционной структуры (системы) управления государством? В этом случае достичь успеха гораздо проще, чем коррумпированных чиновников трансформировать в порядочных и законопослушных граждан. Для этого достаточно законодательно оформить получившие широкую известность предложения Николая Петракова, директора Института проблем рынка РАН: «*Деприватизовать* все или хотя бы частично – просто невозможно. И не потому, что, как угрожают олигархи, разразится гражданская война. Кто будет сражаться, скажем, за собственность Потанина или любого другого так называемого олигарха?

Есть другие, вполне экономические способы получить недостающие деньги. Во-первых, государство должно провести инвентаризацию имущества, оценить его рыночную стоимость. У нас уже начали разговор: мол, давайте все квартиры оценим по рыночной стоимости и будем брать с них налог. Так вот, давайте для начала оценим производственный потенциал, а потом уже заемемся квартирами.

После оценки нужно ввести налог на имущество. Тот, кто сможет и платить налог, и получать прибыль, тот эффективный собственник. Кто не сможет платить, пусть сам избавляется от этого имущества. Это совершенно логично, и здесь нет никакого пересмотра итогов приватизации.

Второй очень важный момент – нужно отделить производственный капитал от недр. Приватизировались именно железки, а на деле новые собственники получили недра. Нужно четко разграничить эти понятия. Государство владеет недрами и само продает

нефть на мировом рынке, а компании занимаются добычей и получают на этом свою прибыль. И тогда не будет никаких вопросов, как забрать у олигархов сверхприбыль»¹.

Прошло десятилетие – никаких мер по этим предложениям со стороны российского правительства не принято. Наоборот, наблюдается практика назначения олигархов руководителями госкорпораций. Это начало процесса сращивания олигархического бизнеса с властными структурами. И если этот процесс станет тенденцией, он приведет не к повышению эффективности системы госуправления, а к ее деградации.

Возникает вопрос: каковы истоки стремительного роста численности сословия чиновников в «новой России»? Здесь необходимо совершить экскурс в недавнее прошлое нашего Отечества.

В. Путин пришел к власти в результате президентских выборов в 2000 г. Используя административно-управленческий ресурс, он сравнительно легко преодолел ельцинский управленческий хаос. Одна из акций В. Путина могла бы при определенных условиях приобрести историческую значимость. «Особенностью путинского правления стало стремительное увеличение численности военных в структурах власти, не связанных с обороной и безопасностью» (7). Сформировалась своеобразная милитократическая элита, которая стала управлять страной. Именно милитократический режим способен был уничтожить многочисленные криминальные механизмы и структуры в российском обществе. К сожалению, этого не произошло. Надежды широкой общественности на партию «Единая Россия», на то, что она возглавит борьбу, направленную на уничтожение в стране криминалитета во всех его проявлениях, не оправдались. Большинству россиян стало ясно: доверить на длительный срок судьбу страны партии «Единая Россия» опасно, потому что она создана по образу и подобию коммунистических партий. Продолжительное правление таких партий, как показал исторический опыт, приведет страну в тупик. Поэтому необходимо создать другую партию, способную не только проводить активную борьбу с криминалитетом, но и разработать и реализовать программу, ориентированную на строительство глобального информационного общества.

Создав партию «Единая Россия», В. Путин не только использовал организационно-управленческую структуру административного ресурса советского государства, но и унаследовал само-

¹ Аргументы и факты. – М., 2004. – № 49. – С. 9.

управляющуюся бюрократией, фактически ставшую диктатурой в годы продолжительного правления Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Численность этой чиновничьей структуры более чем достаточна. Военные, привлеченные Путиным в аппарат госуправления, только пополнили унаследованную армию чиновников. Их предназначение, миссия до сих пор остаются загадкой. Не исключено, что это элементарный просчет политика такого ранга.

Итак, каков вывод? Существующая де-факто, но не де-юре, коррупционно-олигархическая структура управления является главным признаком турбулентного общества. В настоящий исторический момент в России сформировалась размытая, ползущая диктатура сословия чиновников. Нами фактически управляют его представители, прочно обосновавшиеся не только в госаппарате, но и на ключевых должностях во всех структурах общества. Мировоззрение коррумпированного чиновничества захлестнуло значительную часть общества. Оно претендует стать властелином дум общества и преуспело в этом. Диктатура сословия чиновников в России по своим последствиям сопоставима с монголо-татарским игом. Ее необходимо разрушить – это императивное, безусловное требование, чтобы освободить Россию от дальнейшей деградации. Перед политическим руководством России вновь возникла первоочередная сверхзадача, решение которой приобрело судьбоносный характер для страны. Способно ли оно решить ее – покажет ближайшее время.

Отечество находится в опасности. Перед ним стоит проблема выбора: или диктатура чиновников, или режим чрезвычайного управления сроком до пяти лет законно избранной власти, сопоставимой с диктатурой. В течение этого периода времени необходимо сменить весь состав чиновников, зараженных коррупцией, заменить их молодыми, специально обученными людьми. Демократия неспособна решить возникшую задачу, но она способна сформировать механизм прекращения чрезвычайного положения, диктатуры на установленный срок при любых обстоятельствах. Такова дилемма. Иного не дано.

Примечания

1. Авдулов А.Н. Информационное общество: Эволюция, современный этап, уроки для России // Россия и современный мир. – М., 2005. – № 4. – С. 5–21.
2. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Власть, наука, общество. – М., 1994. – С. 157–161.
3. Волчкова Н. Далеко ли до расцвета? // Поиск. – М., 2010. – № 12. – С. 3.
4. Гевелинг Л.В. Клептократия. – М., 2001. – 590 с.
5. Горюнов Игорь. Творение мира: Конфликт легче предотвратить, чем погасить // Поиск. – М., 2006. – № 9. – С. 11.
6. Костиков В. Кто похоронил «гегемона»? // Аргументы и факты. – М., 2009. – № 17. – С. 6.
7. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М., 2004. – С. 273.
8. Кулькин А.М. Выбор исторической перспективы развития // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 1. – С. 27–52.
9. Леонов Н.С. Крестный путь России. – М., 2005. – С. 93.
10. Пахомов С.Б. Люди долга. Профессиональное управление долгом регионов и муниципалитетов. – М.: Современная экономика и право, 2004. – С. 24.
11. Сидоров В. Куда идет Россия // Аргументы и факты. – М., 2005. – № 40. – С. 6.
12. Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. – М., 1997. – Т. 2, № 4. – С. 125–140.
13. Хохлов О. Приватизация России. – Нижний Новгород, 2005. – С. 298.
14. Цит. по: Хохлов О. Приватизация России. – Нижний Новгород, 2005. – С. 304.
15. Harvey D. Spaces of global capitalism: Towards a theory of uneven geographical development. – L.; N.Y.: Verso. – 156 p.
16. Keane J. Global civil society? – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 234 p.
17. Koerfer D. Kampf uns Kanzleramt. Erhard und Adenauer. – Stuttgart, 1987. – S. 432–433.
18. Добреньев В.И. Правда о глобализации: Доклад на 36-м Всемирном конгрессе Международного института социологов в Пекине, 7–12 июня 2009 г. – Режим доступа: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?=203>

*[А.М. Кулькин, «Наука в России: Процесс деградации или перспективы ее возрождения?»,
Монография, ИИИОН РАН, М., 2015 г., с. 56–74.]*

А. Ниязи,

кандидат исторических наук,
заместитель главного редактора
бюллетеня «Россия и мусульманский мир»
(Институт востоковедения РАН, Москва)

**В РОССИИ ВОЗМОЖНА РАБОТА
ИСЛАМСКИХ БАНКОВ**

Ряд российских финансовых структур начали проявлять интерес к исламскому банкингу еще в начале нулевых годов, но в целом, удачно обогащавшаяся всеми способами отечественная банковская система того времени, была индифферентна к нему. Исламский банкинг не рассматривался даже в виде конкурента, способного потеснить ростовщический и спекулятивный капитал. К тому же было немало опасений в том, что исламские финансы могут быть использованы для подпитки терроризма и религиозного экстремизма.

Такая боязнь сохраняется и по сей день, но постепенно уступает место трезвому осмыслению перспектив этого нетрадиционного сектора кредитования и инвестирования. Он успешно развивается как на Востоке, так и на Западе. Как показывает опыт работы исламских банков и исламских отделений (или, как принято их называть, – «окон») обычных конвенциональных банков за рубежом, то она выстраивается по вполне прозрачным правилам предпринимательства. Воинствующие джихадисты получают внушительную подпитку из других источников, по иным схемам. Тому примеры: «Аль-Каида» и так называемое Исламское государство, ряд других крупных террористических группировок, а террористы-одиночки и небольшие ячейки экстремистов обычно в больших деньгах не нуждаются.

Сейчас интерес к исламскому банкингу в России заметно усилился, не только по причинам его ускоренного роста в мире и известных трудностей в отечественной экономике, но и в связи с общественными запросами на этический бизнес. Исламский опыт выдачи ссуд в обход ростовщического процента (*riba*) привлекает все большее внимание российских специалистов и общественности, в том числе и Русской православной церкви. Во время проведения в мае 2015 г. круглого стола в Госдуме РФ, посвященного перспективам альтернативного банкинга в России, глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеяялод Чаплин призвал обратиться к нравственным

основам экономики и отметил, что систему, основанную на банковском проценте, на принципе «деньги делают деньги», не принимают не только православные и мусульмане, но и католики, и большинство протестантских течений, и многие светские общественные движения. Мир может быть устроен иначе – это позиция людей самых разных убеждений, сказал священник¹.

Растущий интерес к познанию теории и практики исламского финансирования проявляют российские мусульмане, что подтверждается заметным увеличением в последнее время публикаций по этой тематике и материалов, размещенных в Интернете. Хотелось бы обратить внимание читателей интересующихся этической экономикой на фундаментальный труд российского ученого Рената Ириковича Беккина «Исламская экономическая модель и современность». Она вносит серьезные коррективы в представления о том, что существующей мировой финансовой системе нет альтернативы. В монографии представлен детальный анализ становления исламской экономики и ее отдельных институтов на современном этапе².

Кратко напомним, в чем состоит специфика и привлекательность работы исламских финанс. Согласно религиозно-этическим нормам ислама ростовщичество запрещено. Поэтому в исламской системе кредитования деньги не могут прирастать по стоимости сами по себе, как это происходит, когда они ссужаются под процент, когда сам заемодавец не принимает участия в использовании ссуды, не отвечает за результат своего капиталовложения, и независимо от него гарантированно получает прибыль. Ее получение, согласно современным трактовкам шариата, оправдано, если финансист ставится в равные условия с обладателями прочих факторов производства – земли, недвижимости, оборудования, физического и интеллектуального труда, т.е. фактически сам становится предпринимателем, партнером в рамках проекта, на который идут деньги.

По сути, работа исламских банков выстраивается по схеме долевого участия в прибылях и убытках и в большей степени схожа с деятельностью инвестиционных фондов. Они могут приобретать товар для клиента в рассрочку и перепродаивать ему с заранее оговоренной наценкой, не подлежащей пересмотру на весь период договора. В оплату включаются также банковские издержки. Такие операции именуются – *мурабаха*. Другая схема – *мудараба* напоминает трастовое финансирование, когда вкладчик инвестирует избыточные средства с помощью банка в предприятие и по-

лучает прибыль наравне с ним. Доход распределяется между ними в оговоренных долях. Банк выступает попеременно то управляющим – если работает сложенными средствами, то клиентом – если проект финансируется. С целью поддержки предприятия он может закупать для него оборудование и недвижимость, оплачивать транспортные и иные расходы. В случае его неудачи убытки несет владелец капитала, а управляющий, в свою очередь, не получает вознаграждения.

Еще один распространенный тип договора – *мушарака*. Его участники вносят свой капитал и делят полученную прибыль в соответствии с оговоренными долями. Она выплачивается не единожды, а регулярно. Что касается убытков, то они распределяются пропорционально долям партнеров во внесенном ими капитале. Кроме того, исламские банки осуществляют авансовое финансирование – *салам*, чаще всего в аграрном секторе. Проводят сделки *иджара* – аналоги лизинга, выполняют ряд других операций.

Главное, что в системе исламского финансирования банк и его клиенты – партнеры. Капитал претендует только на часть прибыли, и размер этой части рассчитывается исходя из конкретных условий сделки. Это подразумевает принятие кредитором или инвестором на себя части риска проекта. Доход, определяется по коначному результату. Часто при неудаче финансовые потери ложатся только на заимодавца. Таким образом, признается, что потери, понесенные заемщиком и выражющиеся, соответственно, в безрезультатной затрате физической и психологической энергии, а также времени, не менее весомы, чем потерянные деньги. Иными словами, вероятные риски и убытки, исходя из исламской концепции справедливости, не смешиваются и остаются функцией конкретного ресурса: денег для финансиста и человеческой энергии – для предпринимателя.

В отличие от обычной системы выплат по вкладам депозиты заменяются передачей денежных средств в управление банковской структуре, которые потом при получении дохода делятся между ними. Вот почему работа исламского банка напоминает деятельность рискового открытого совместного фонда. Он финансирует свои активы, эмитируя контракты на депозиты, которые продает как «паи» инвесторам-вкладчикам. Созданный таким образом портфель активов находится в собственности клиентов. Важно, что поскольку вознаграждение банка или вкладчика не является изначально гарантированным, а возникает как производное от

прибыли бизнеса, то они могут рассчитывать на доход только в том случае, если деньги вкладываются в реальную экономику, создают реальную добавленную стоимость.

Не менее важен другой базовый принцип исламского банкинга, который состоит в запрете намеренных неоправданных рисков, выходящих за рамки случайностей, – рисков, подобных тем, которые возникают, к примеру, при игре в рулетку. Действовать вслепую, наудачу ради прибыли, что определяется термином *майсир*, – нельзя. К *майсиру* также относится незаработанный доход, полученный без вложения труда или капитала. Поэтому исламские банки не участвуют в азартных и рисковых спекулятивных операциях на финансовом рынке. Запрещается и *гарар* – неопределенность, отсутствие полноты информации о предмете договора, что ведет к чрезмерному риску. В связи с этим шариат запрещает торговые сделки, условием которых является обмен деньгами и товаром в будущем по цене, установленной на дату заключения сделки; торговлю товаром, которого нет в наличии у продавца и которым он не владеет – например, фьючерсные сделки (исключение составляет договор *салам* и его разновидности); договор, где одна или обе стороны введены в заблуждение³.

Естественно, что в связи с такой спецификой исламские банки очень тщательно рассматривают предлагаемые проекты, сделки оформляются дольше, чем обычно, исполнение контракта сопровождается пристальным контролем со стороны финансовой организации. Несмотря на это в последнее десятилетие исламская банковская система демонстрирует стабильное развитие. Ее привлекательность растет не только среди мусульман.

Исламские банки, а также «исламские окна» функционируют не только в странах с преимущественно мусульманским населением, но и в Европе, США, Австралии, Канаде, Индии, Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, на Шри-Ланке и Багамах. Всего – более чем в 70 странах мира. Сейчас их насчитывается более 600. Услугами исламского банкинга пользуются такие известные транснациональные корпорации, как «Ай-би-эм», «Алкатель», «Дженерал моторс» и «Дэу», а ведущие западные и азиатские банки: «Дойче Банк», «Номура Секьюритиз», «Ситибэнк», «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн», «Чэйз Манхэттэн», «Джи Пи Морган», «АБН Амро», «Сосьете Женераль», «Голдман Сакс», «БНП Парибас» и др. – имеют в своем составе отделения исламских услуг.

Согласно последнему отчету аудиторско-консалтинговой компании «Ernst & Young» о конкурентоспособности мирового

исламского банкинга, совокупный темп годового прироста мировых исламских активов в период с 2009 по 2013 г. наблюдался на среднем уровне в 17%. Исламские активы в коммерческих банках на международных рынках в 2014 г. оценивались в 778 млрд долл. Шесть быстроразвивающихся рынков – Катар, Индонезия, Саудовская Аравия, Малайзия, ОАЭ, и Турция – управляли в 2014 г. 82% международных исламских банковских активов объемом 753 млрд долл. В Малайзии, например, исламский банковский сектор растет вдвое быстрее, чем традиционный. Столь же высокий уровень наблюдается также и в Индонезии. Предполагается, что активы этих шести лидеров исламского банкинга в ближайшие пять лет продемонстрируют совокупный темп годового прироста в среднем около 19% в год и к 2019 г. достигнут 1,8 трлн долл.⁴

В число анализируемых специалистами «Ernst & Young» стран не попал Иран, в котором исламская финансовая система, несмотря на частичное присутствие в ней коммерческих банков, находится под управлением государства. По оценке директора департамента «Исламский банкинг» Международного банка Азербайджана Бехнама Гурбанзаде, ссылающегося на данные аналитиков из «Thomson Reuter», Иран на сегодняшний день является крупнейшим рынком исламского финансирования. 48% мировых исламских финансовых активов приходятся на долю ИРИ, по сравнению с 16%-ной долей Саудовской Аравии, которая стоит на втором месте. В целом на конец 2014 г. суммарные активы мировых исламских финансов превысили отметку в 1,6 трлн долл. США⁵. Предполагается, что к концу 2015 г. они могут возрасти до 2 трлн⁶.

Доля сектора исламских банков составляет около 90% от всех исламских финансовых институтов. Он представляет их наиболее результативную часть, развивается на редкость быстрыми темпами, к настоящему времени способен удовлетворять растущие комплексные потребности корпораций и частных лиц. Ускоренно развивается рынок исламских облигаций (*сукук*). Другая часть исламских финансов представлена активами исламских страховых компаний, инвестиционных фондов и фондовых рынков.

Так, что для Российской экономики и социального сектора присутствие исламской финансовой отрасли может оказаться довольно полезным и своевременным. Предполагается ее участие в развитии отечественной промышленности, железнодорожного сообщения, малого и среднего бизнеса, науки, приближенной к производству, проектах по поддержке малоимущих. К тому же,

как отмечает заместитель председателя Центрального банка России Александр Торшин, развитие исламских банков пойдет на пользу всей финансово-экономической системе страны⁷.

В нынешнем году вопрос о деятельности исламской финансовой системы в РФ начал всерьез рассматриваться в соответствующих комитетах Государственной думы, а также специалистами Министерства финансов, Центрального банка, Банка ВТБ, Ассоциацией российских банков и Ассоциацией региональных банков России. Возможно, уже в скором времени государство и частный капитал станут привлекать исламские финансы из различных стран мусульманского мира, а также внутренние инвестиции аккумулируемые российским исламским банкингом. Велика вероятность, что вскоре начнется его апробация в рамках одного из финансовых учреждений РФ.

Не исключено, что в будущем к полноценной работе приступит собственный российский исламский банк. Дело упирается в необходимые изменения в законодательстве и в дефицит специалистов. В частности, требуется внести поправки в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности», запрещающий им заниматься производственной и торговой деятельностью. Небольшое количество высококлассных специалистов уже имеется. Подготовка остальных ведется как в светских, так и исламских образовательных заведениях, в том числе зарубежных. Остается надеяться, что вскоре исламский банкинг, как перспективный сегмент социально ответственных инвестиций, займет свое достойное место в российской экономике.

Примечания

- ¹ В Госдуме обсудили перспективы развития альтернативного банкинга. 18.05.2015.http://www.duma.gov.ru/news/273/1094337/?sphrase_id=1749127 (Дата обращения 04.06.2015.)
- ² Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. Издательство: Марджани, 2010.
- ³ См. подробно: Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. Издательство: Марджани, 2010; Беккин. Р.И. Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. – М.: Изд-во «Умма», 2004; Нуруллина Г. Исламская этика бизнеса. Издательство «Умма», М.: 2004; Габдрахманова Г.Ф. Исламская экономическая модель в России: теоретико-методологические проблемы изучения // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. – Казань, 2009. – С. 101–124. Алла Корсун. Исламская финансовая система. Стереотипы и реальность. Де-

- кабрь2011. http://www.islam.ru/content/economica/islamskay_finansovay_sistema. (Дата обращения 15.04.2015.)
- ⁴ «World Islamic Banking Competitiveness Report 2014-15: Participation Banking 2.0». <http://www.ey.com/EM/en/Industries/Financial-Services/Banking---Capital-Markets/EY-world-islamic-banking-competitiveness-report-2014-15> (Дата обращения 14.06.2015.)
- ⁵ Бехнам Гурбанзаде: «В 2014 году МБА заложил прочную основу для дальнейшего развития исламского банкинга в Азербайджане» <http://islamic-finance.ru/news/2015-01-12-1353> (Дата обращения 24.04.2015.)
- ⁶ Перспективы развития исламских финансов в мире. 21 марта 2014. Динамика активов системы исламских финанс, 2006-2013 гг., в млрд. долл. Источник: IslamicFinance 2014. <http://www.islamnews.ru/news-145030.html> (Дата обращения 09.05.2015.)
- ⁷ Исламский банкинг в России. 5 марта 2015. http://cbkg.ru/news/islamskij_banking_v_rossii.html Источник: creditbanking.ru (Дата обращения 27.03.2015.)

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир».*

И. Бабич,

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник

Института этнологии и антропологии РАН

**МУСУЛЬМАНЕ МОСКВЫ: ОСНОВЫ
ВЕРОТЕРПИМОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ
ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ***

Процессы религиозного возрождения во многом проходили и продолжают осуществляться стихийно, без соответствующего как со стороны духовных структур, так и со стороны государственных структур взаимодействия, помощи и контроля. По сути, и исламское, и православное становление на территории РФ при всей «видимой» государственной помощи идет крайне трудно. Как нам представляется, рост этноконфессионального фактора в жизни россиян отчасти не только не способствует объединению граждан страны – гражданскому согласию, а наоборот – приводит к *появлению некой «обособленности»* – представители различных этнических групп, исповедующих разную религию, стали

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099 (рук. Е.И. Филиппова).

отдаляться друг от друга. Главная задача в области формирования современного общекультурного фундамента состоит в *обустройстве на основе национального и религиозного разнообразия народов Российской Федерации российского общества как мультикультурного сообщества, в укреплении единства нашего государства и создании межкультурного диалога и гражданского согласия.*

Предлагаемая статья посвящена проблеме установления и основным методам формирования гражданского согласия в России на примере этнографо-культурологического анализа этноконфессиональной ситуации в г. Москве.

* * *

Москва как объект исследования уже давно является ключевым во многих этнографических и культурологических исследованиях. Можно указать на прекрасные работы многих российских этнографов, в которых рассматривались ряд важных проблем¹. Между тем, во-первых, наши коллеги для исследований брали лишь отдельные религиозные организации г. Москвы – главным образом, православные и исламские общины. Во-вторых, описывалась религиозная жизнь в этих общинках, но собственно не описывался *характер взаимоотношений между религиозными организациями* как на уровне религиозных руководителей, так и на низшем уровне – уровне взаимоотношений простых прихожан. В данной работе мы делаем акцент именно на *взаимоотношениях прихожан разных конфессий между собой* – вопросы о друзьях, соседях, родственниках, принадлежащих к иным конфессиям, были поставлены во главу угла. С ними коррелируют и другие новые, ранее не сформулированные учеными вопросы, связанные с *изучением степени толерантности и выявлением объективных и субъективных источников скрытой и открытой конфликтности*.

Особенности формирования г. Москвы как многоконфессионального города в течение ряда прошлых веков привели к тому, что в столице сформировались, во-первых, ареалы проживания как отдельных этнических групп, так и конфессиональных общин, которые со временем во многом перемешивались с остальными этноконфессиональными группами населения г. Москвы и сформировали *исторические стереотипы поведения*. *Своебразное историческое прошлое* Москвы приводит к тому, что мы включили в вопросник разделы, связанные, во-первых, со знаниями об истории данного религиозного объединения в г. Москве

и, во-вторых, с более тесными отношениями представителей различных религиозных организаций и объединений как равных граждан России и жителей Москвы.

Особенности проживания верующих в крупном мегаполисе, который в силу имеющих место процессов культурной глобализации, приводит к изменению роли как национальной культуры и стереотипов поведения, так и религиозной общности и идентичности. При изучении этноконфессиональной ситуации в Москве, мы обратили внимание на вопросы, связанные с *соотношением религиозной и этнической идентичности, с соблюдением национальных и религиозных обрядов*. Близость Москвы к государственным структурам, общественным движениям и политики влияет на то, что скрыто или открыто верующие г. Москвы в большей степени включены в сложные религиозно-государственные отношения и в различные общественно-политические отношения.

В начале 2000-х годов на территории Москвы функционировало около 45 религиозных конфессий, церквей, деноминаций, сект и т.д. Если брать за основу количественный критерий конфессионального поля Москвы, то к конфессиональным доминантам Москвы на современном этапе необходимо отнести: структуры *Русской православной церкви* (227); *протестантские организации* (254); *иудейские объединения* (17); далее идут так называемые «обновленческие» церкви, которые откололись от РПЦ (8), затем семь старообрядческих; шесть мусульманских; пять буддийских; четыре кришнайтских; одна сайентологическая.

Нами были выбраны:

1. Так называемые *«традиционные религии*», т.е. те религии, которые стали доминирующими в далеком прошлом и которые продолжают таковыми оставаться – *православие и ислам*.

2. Религии, которые появились в России вообще, и в Москве, в частности, в прошлые века, и являются, по нашему мнению, *«историческими* религиями в Москве – католическая, лютеранская, *протестантские* (баптистская), старообрядческая, армянская церкви, иудаизм.

3. Религии, которые появились в России благодаря присоединению национальных окраин к империи – назовем их *религии «национальных окраин»* – буддизм.

4. Религии, которые очень популярны в мире в течение XX в., но которые появились в России только после перестройки, так называемые *«постсоветские* религии – адвентистская цер-

ковь, Армия спасения, харизматическая церковь, церковь объединения, церковь Муна, «Нью Ейдж».

В Москве, с одной стороны, представлен более широкий спектр так называемых новых религий, а с другой, традиционные религии – более популярны, чем это имеет место в регионах. Поэтому при определении религиозных организаций и объединений, выбранных для опроса, были включены новые религиозные общины такие как «Нью Ейдж», а с другой стороны, шире в процентном соотношении были опрошены представители традиционных религий – православия и ислама.

Таблица 1

**Распределение информаторов
по численности и возрастным группам**

Рел. община / возраст	15–29	30–39	40–59	60–80	Всего
Первая группа					
Русская православная церковь	5	7	2	1	16
Мусульманские общины	6	3	13	3	25
Вторая группа					
Англиканская церковь	1		1	1	3
Армянская апостольская церковь	2	2	3		7
Церковь евангельских христиан-баптистов	6	3	2		11
Церковь христиан веры евангельских пятидесятников	6	1	3		10
Иудейская церковь	5		1	2	8
Евангелическо-лютеранская церковь			1	3	4
Римско-католическая церковь	3	1			4
Старообрядческая церковь		2	1	1	4
Евангелическая церковь	1	2			3
Единоверческая церковь		1	1	2	4
Истинно-православная церковь	2	1			3
Третья группа					
Буддийские общины	4	2	3		9
Четвертая группа					
Церковь адвентистов седьмого дня	1	1	4	1	6
Армия спасения			1	1	3
Харизматическая церковь	2				2
Нью Ейдж		3			3
Методистская церковь	3			1	4
Пресвитерианская церковь	2	1			3

Таблица 2

**Распределение информаторов
по этнической принадлежности**

Рел. община / этн. принадлежность	Рус- ские	Народы Кавказа	Народы Средней Азии	Та- тары	Другие
Первая группа					
Русская православная церковь	16				
Мусульманские общины		5	4	15	иранец
Вторая группа					
Англиканская церковь					американка, русский, еврей
Армянская апостольская церковь		армяне – 7			
Церковь евангельских христиан-баптистов	10				мордвин
Церковь христиан веры евангельских пятидесятников	10				
Иудейская церковь		грузинские евреи – 2			евреи – 6
Евангелическо-лютеранская церковь	1				русские немцы – 3
Римско-католическая церковь	3				поляк – 1
Старообрядческая церковь	3				белорус – 1
Евангелическая церковь	3				
Единоверческая церковь	3				поляк – 1
Истинно-православная церковь	2				украинка – 1
Третья группа					
Буддийские общины	7				чех – 1 калмык – 1
Четвертая группа					
Церковь адвентистов седьмого дня	4				украинцы – 2
Армия спасения	2				молдаванка – 1
Харизматическая церковь	2				
Нью Ейдж	3				
Методистская церковь	1	грузинка – 1			корейцы – 2
Пресвитериане	3				

Критерии составления выборки опрашиваемого населения Москвы и Адыгеи.

Национальная принадлежность. Для опросов отбирались члены религиозных организаций и объединений, которые имеют различную этническую идентичность. Например, среди мусульман отбирались и татары, и жители Кавказа, исповедующие ислам, среди англикан не только иностранцы, но и русские и т.д. Особенно важны данные этнические различия при изучению таких религиозных групп как мусульмане. Среди ключевых аспектов, определенных в нашем проекте, значится изучение *соотношения религиозной и этнической идентичности*, поэтому национальная принадлежность респондентов – ключевой показатель, позволяющий показать характер данного соотношения. Для нашего проекта важно проследить связи между религиозной принадлежностью, этнической принадлежностью и спецификой отношения к другим религиозным группам, отдельное внимание обращая именно на принадлежность к Кавказу.

Возрастная принадлежность. Поскольку почти все религиозные объединения и организации появились в 1990-е годы, когда в России появились законы, связанные со свободой слова, большинство прихожан – адептов религий принадлежат к определенным возрастным группам. Те религии, которые имеют исторические корни в России, имеют более последователей старших возрастных групп, более молодые религии – более молодую паству. В проекте мы прослеживаем взаимосвязь между возрастом и характером выбранного религиозного направления, особенностями религиозной активности и т.д.

Авторитет информатора. Лидерство. Для нашего опроса важно было привлечь людей, имеющих всеобщее признание, влияние на определенную группу, пользующих общим уважением. В то же время важны обычные прихожане, не обладающие влиянием и авторитетом. Изучение такой дихотомии – лидеры и простые прихожане – позволит выявить стойкость данной религиозной общины, ее структуру и основы ее деятельность и жизнестойкости. Для опроса важно привлекать лидеров – членов группы, за которым она признает право принимать решения в значимых для нее ситуациях в силу его личного авторитета или занимаемой должности. При этом для нашего исследования важны как руководители, так и жизнь *простых прихожан*.

В ходе опросов в Москве были опрошены 132 человека. Для проекта была выбрана 21 религиозная организация.

Таким образом, нами были опрошены:

1. Так называемые «*традиционные религии*», т.е. те религии, которые стали доминирующими в далеком прошлом и которые продолжают таковыми оставаться – православие и ислам (41 человек).

2. Религии, которые появились в России вообще, и в Москве, в частности, в прошлые века, и являются, по нашему мнению, «*историческими*» религиями в Москве – католическая, лютеранская, протестантские (баптистская), старообрядческая, армянская церкви, иудаизм (61 человек).

3. Религии, которые появились в России благодаря присоединению национальных окраин к империи – назовем их *религии «национальных окраин»* – буддизм (9 человек).

4. Религии, которые, очень популярные в мире в течение XX в., но которые появились в России только после перестройки, так называемые «*постсоветские*» религии – адвентистская церковь, Армия спасения, хризматическая церковь, церковь объединения, церковь Муна, «Нью Ейдж» (21 человек).

Национальная принадлежность: для опросов были отобраны: русские, белорусы, украинцы, татары, народы Кавказа, Средней Азии, а также поляки, американцы, немцы и др. *Авторитет информатора. Лидерство.* Для нашего опроса были отобраны руководители: 15 религиозных руководителей и 117 – членов религиозных общин. *Дихотомия москвичи – не москвичи.* Было опрошено москвичей – 115 человек, из них лишь 10 стали москвичами в последние пять–семь лет, остальные – раньше, не москвичей – 20 человек.

* * *

При исследовании роли религиозной идентичности в социально-политической жизни, будь то мирный или остро конфликтный период бытия народов, важно исходить из того, что в основе противостояний, столкновений, конфликтов *могут лежать* реальные социально-экономические и политические факторы. В ходе опросов мы рассмотрели взаимосвязь между социальными проблемами жизни человека в крупном мегаполисе – Москве и уровнем межрелигиозной толерантности; в какой степени власти Москвы и Российское государство соблюдают справедливый социальный порядок для обеспечения приемлемых условий социаль-

ного существования всех граждан – верующих, стремящихся к свободной религиозной жизни.

Ключевой особенностью подхода к изучению данной темы стало раскрытие характера межрелигиозных отношений в обществе через *раскрытие специфики ментальности религиозного общества* и человека внутри этого сообщества через призму религиозной культуры, что позволило нам выявить *внешние признаки как индикаторов религиозности и этничности, так и осмыслить сущностную специфику этнокультурной и религиозной общности*, которая отличается от других этносоциальных групп. Таким образом, для нас исследование религиозных традиций – это пристальное внимание к религиозной культуре как *специальному фактору индивидуального и социального развития*.

Фундаментальной методикой данного проекта стало то, что изучение межрелигиозных конфликтов велось в контексте изучения религиозной жизни, быта, мировоззрения и лишь затем с точки зрения конфликтологии. Межрелигиозные конфликты – открыто не ставились нами во главу угла вопросника и исследования для того, чтобы получить наиболее адекватные, реальные и открытые данные об уровне и степени толерантности в современных религиозных общинах. Поэтому нами выбран распространенный в западной культурологии и культурной антропологии правый метод, состоящий в описании «религиозной практики» через изучение наиболее типичных для исследуемой группы конфликтов.

В Москве уровень конфликтности значительно выше, чем в других российских регионах, прежде всего в силу более тесного проживания людей в условиях крупного и сложного мегаполиса, а значит, получение информации о них, с одной стороны, осуществляется в силу того, что их больше, а с другой стороны, сложнее – люди в большей степени, чем в регионах, боятся об этом рассказывать.

* * *

В предлагаемой статье мы приводим предварительные данные, полученные в ходе первичной обработки и систематизации собранных данных по мониторингу этноконфессионального взаимодействия в г. Москве, акцентируя внимание на мусульманах города.

Важной особенностью жизни в г. Москве стала трансформация большинства межрелигиозных конфликтов в *межличностные*

конфликты, когда конфликтующие стороны не связывают причины своих конфликтов с религиозной принадлежностью. Для москвичей важнее проявление общечеловеческих моральных установок в поведении конкретного человека, чем *отражение в его поведении нравственных норм определенного религиозного культа*. Это свидетельствует, с одной стороны, о значительной продвинутости граждан Москвы в восприятии конфликтов и способах их разрешения, а с другой – наличии скрытых форм межрелигиозных конфликтов.

Другая особенность верующих Москвы заключается в явном стремлении к изоляции от других религиозных групп. В силу большой населенности мегаполиса верующие одного культа стремятся ограничить свое общение только представителями своей группы. У наших респондентов налицоствует *отсутствие интереса к жизни и быту других религиозных групп в г. Москве*. Граждане Москвы на бытовом уровне предпочитают не вступать в контакты с представителями других религиозных групп во избежание недопонимания и конфликтов. Жители Москвы в отличие от населения, например, республик Северного Кавказа не стремятся отстаивать свою религиозную истину перед представителями других религиозных организаций².

Большинство населения Москвы пытается формировать свою идентичность на основе культурной или, как нам кажется, гражданской (светской) идентичности.

Основные причины открытых межрелигиозных конфликтов.

- Близость конфессии к государственным структурам, получение ряда государственных привилегий и, соответственно, несоблюдение Закона о свободе совести, например, так называемое «государственное православие» вызывает резко негативную реакцию многих прихожан иных культов.

- Различия в религиозных обрядах и проведение их открыто на территории проживания граждан Москвы, во дворах, подъездах и т.д. вызывают недовольство окружающих – не сторонников данного религиозного культа.

- Борьба церквей за увеличение своей паствы, которую руководители проводят в рамках дозволенной миссионерской деятельности.

- Позиция православной религии как доминирующей в Москве воспринимается верующими других конфессий негативно.

- Внутри отдельных групп христианских направлений, так называемых «исторических церквей» разногласий значительно меньше, чем между ними и иными конфессиями.
- Наличие политico-государственных конфликтов, нежели личностных. Это связано с основными правилами и их соблюдением при регистрации религиозных объединений и организаций.
- Наличие межэтнических конфликтов внутри религиозных групп имеет место быть, но незначительно – большинство религиозных групп стремится к моноэтническому составу своих общин.

Таблица 3

Ответы мусульман г. Москвы (25 человек)¹
(Историческая мечеть Москвы, м. Новокузнецкая;
Соборная мечеть на пр. Мира)

<i>Отношение к другим религиям</i>	<i>Наличие конфликтов между мусульманами и представителями других конфессий</i>	<i>Наличие различий в системе моральных ценностей в православии и исламе, или других конфессиях</i>
1	2	3
Нейтральное, терпимое	Случается недопонимание	
Терпимое	Наличие скрытых и открытых конфликтов между мусульманами и представителями других конфессий	
Терпимое, нормальное отношение ко всем религиям, уважительное	Нет никаких конфликтов	Различия в доктринах, а моральные ценности одинаковы везде
Нормальное и терпимое	Был конфликт местной общины в г. Сергиевом Посаде, поступали угрозы в адрес мусульман о запрете строительства мечети, так как это православный город, пару лет назад был избит имам мечети	
Уважительное, каждая конфессия имеет право на существование, адекватное	Не было	Существенных различий нет

¹ Не на все вопросы есть ответы мусульман.

Продолжение табл. 3

1	2	3
Нейтральное	Есть друзья среди православных и представителей других конфессий. Отношения хорошие. Главное, надо уважать друг друга. На религиозной почве конфликтов не было, но дискуссии, беседы с приверженцами других конфессий были. Приводились доводы, хадисы в пользу ислама, стараясь не оскорбить чужую религию	
Хорошее, с интересом, главное – человеческое отношение	Есть друзья, знакомые среди православных и других конфессий. Отношения очень хорошие. Не было конфликтов	
Хорошее	Мы не довольны, что мечетей мало. Религиозные вопросы решаются не здравым смыслом и законом совести, а «местническим» управлением	
Хорошее	Бывают споры на работе, но все мирно заканчивается. Права мусульман ущемляются в Москве, мечетей мало. Бывают на работе небольшие конфликты. В Москве к нам предвзятое отношение. Возникают конфликты на работе: особенно во время поста. Многих это удивляет, задают вопросы, расспрашивают. Информатор им отвечает, разъясняет, и люди успокаиваются: им становится все ясно и они начинают уже по-другому относиться к нему	
Хорошее, но в реальности мало верующих как мусульман, так и православных, есть симпатии к людям других конфессий. Если эти люди порядочные и честные – тогда неважно, какая религия.	Есть друзья, и соседи – представители других религий. По праздникам их поздравляет, ест и мацу и куличи. Угощает своих друзей национальной татарской колбасой «казэ». Недопониманий старается не допускать. Однако критикует политику РПЦ за внедрение в школы религиозных предметов, так как это очень сильно разделяет по конфессиям. «Науку в школу, религию в церковь»	

Продолжение табл. 3

1	2	3
Симпатии есть ко всем религиям, так как они все призывают к доброму. Если люди исполняют и следуют заповедям, они добрые и честные, то к ним симпатии тоже есть	Есть и друзья, и соседи, исповедующие другие религии. Однако недопониманий на религиозной почве не случалось. Конфликтов тоже не припомнит. Есть претензии к РПЦ, так как государство оказывает этой организации намного больше поддержки, чем другим, хотя мы живем в светском государстве.	
Лояльное, терпимое, с симпатией к другим религиям	Не было, но часто люди смотрят «не так, не по-доброму». Встречался с православной девушкой, предложил ей пожениться, она сказала, чтобы он принял ее веру, отказался, расстались	Нет различий
С верующими других религий легче найти общий язык, чем с атеистами	Конфликтов не было, в быту есть взаимопонимание. Религия верующих больше объединяет, чем разъединяет, если они не фанатики, и при обычном общении различия не сильно заметны. Если более глубоко говорить на тему религии, то отличия появятся, но бытовой уровень – он поверхностный и поэтому различия не ощущаются	
Нормальное	Нормальное общение с представителями других конфессий, общие дни рождения, различные нерелигиозные праздники	Различия есть, это неоспоримый факт, но по каким-то определенным ценностям очень многое совпадает. По нравственным законам общее – человечность, гуманность
Хорошее	Не было	Есть различия, но они не очень разительны, больше соответствий
Хорошее	Много друзей, хорошие взаимные отношения, дружим, общие интересы, темы для разговоров. Встречаемся, ходим в кино, в кафе. Конфликты бывали, как у всех живых людей, но не на религиозную тему	

Продолжение табл. 3

1	2	3
Нейтральное	К представителям других конфессий относится вежливо, бывает, и спорит с ними, но вовремя останавливается, прекращает спор	Различий нет, христиане немного по-другому воспринимают религию единобожия
Нейтральное	Не было конфликтов	Различий нет, так как все религии учат нравственности – это главный аспект
Нормальное, все люди одинаковы. Все верующие любой религии отличаются добротой и искренностью. Настоящий верующий человек, никогда не будет кричать о том, что он прав, что его вера лучше; он будет жить в мире и согласии, будет стараться искать пути дружелюбия и толерантности	Есть друзья среди представителей других религий. Отношения очень хорошие, часто проводят вместе время, дружат и общаются. Для информатора не имеет значения религиозная принадлежность, интересна сама суть человека, его качества, то, как он относится к окружающим людям. Но случаи религиозного недопонимания бывали	Различий, в принципе, нет, т.е. если говорить о нравственных качествах, ценностях, то все религии учат одному, все религии учат добру, взаимопониманию,уважению, истинному поклонению Богу
Спокойное, с уважением, могут быть симпатии к представителям других религий, но не к самим религиям	Есть друзья, исповедующие другую религию, конфликтов не было	Религии почти одинаковые, так как Бог один и религия одна
Спокойное, уважительное	Есть друзья – христиане, были угрозы со стороны представителей других конфессий	Различия есть
Спокойное, уважительное, есть симпатии к представителям других религий, но не к самим религиям	Есть друзья – христиане	Различия есть

Продолжение табл. 3

1	3	4
Совершенно спокойное, так как по исламу мусульмане обязаны поддерживать хорошее отношение со всеми. Есть симпатии к людям другой веры, но не к вере	Есть православные друзья, конфликтов не было	Различия есть
Хорошее, но негативное – к sectам	Есть друзья, коллеги среди православных и других конфессий. Отношения очень хорошие. Но права мусульман ущемляются в Москве. Мало мечетей	

Итак, главными формами деятельности по усилению положительного, «здорового» межконфессионального диалога следует признать следующие.

1. Формирование среди членов различных религиозных общин представлений об *относительности «религиозной истины»*, о возможных разных путях ее поиска и о признании права за другим человеком жить иной жизнью, чем его собратья по религиозной общине, исповедовать иную «истину».

2. Формирование силами всей российской интеллигенции единого общечеловеческого пласта системы ценностей, опирающейся на «*внорелигиозную основу*» и способной «работать» на всем российском пространстве вне религии. Эта система ценностей может дополняться религиозными ценностями из различных религий, но фундамент данной системы ценностей должен быть «*светский*», «*гражданский*».

3. Введение в России политики мультикультурализма для ослабления остроты проблемы отсутствия межрелигиозного. Надо подчеркнуть, что и в СССР, и в послесоветский период в целом в стране всегда проводилась политика мультикультурализма и культурного плюрализма, поскольку существование народов в рамках такого крупного государства не может быть организовано на иных принципах. Советские лозунги «*дружбы народов*» во многом актуальны и сейчас. Однако для применения их в настоящее время *требуется серьезная и фундаментальная работа по грамотному*

внедрению основ мультикультурализма в современных религиозных и культурно-идеологических обстоятельствах РФ.

4. Формирование общего поля светской духовности. Думается, что в этом направлении большие надежды можно возложить на местную интеллигенцию – писателей, художников, руководителей местных теле- и радиоканалов, театральных деятелей, – которая должна сформировать современное мультикультурное пространство, в котором и история народов Северного Кавказа, и горские традиции, и традиции казаков и русских, и исламские ценности, и православные ценности могут найти свою нишу наряду с теми процессами, которые связаны с особенностями современной социально-экономической и политической жизни народов Северного Кавказа. Усиление внимания республиканских властных и исполнительных органов к формированию общекультурного единого поля и гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа.

5. Процессы религиозного возрождения сопровождаются рядом обстоятельств, которые постоянно требуют *формирования определенных основ взаимоотношений государства и гражданского общества в области развития религиозных движений в РФ*, поскольку распространение многочисленных религиозных направлений вызвало к жизни и разного рода внутри- и межрелигиозные конфликты как между служителями культа, так и между рядовыми членами общин.

Мы видим, что возможность межрелигиозного диалога и формирования гражданского согласия в Москве в целом реальна. Государственным и иным институтам следует способствовать налаживанию данного диалога, чтобы ослабить противоречивые тенденции, раздирающие московское общество и не способствующие объединению населения региона³.

Примечания

¹ Мартынова М.Ю., Лебедева Н.М. Молодые москвичи. Кросскультурное исследование. М., 2009; Малькова В.К. Москва – многокультурный мегаполис. М., 2004; Молодые москвичи: отношение к истории и традициям (социологическое исследование). М., 2002; Малькова В.К. Полиэтничная Москва в начале нового тысячелетия. М., 2007; Остапенко П.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы-иммигранты: вместе или рядом? М., 2007; Мартынова М.Ю. (отв.ред.) Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009; Мартынова И.Ю., Лебедева Н.М. Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. М., 2007.

- ² *Бабич И.Л.* Взаимоотношения между православными и мусульманами на современном Северном Кавказе // Религия и гражданское общество в России. М., 2012; *Бабич И.Л.* Соотношение религиозной (исламской) и этнической идентичности на современном Северном Кавказе // Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий. Казань, 2012.
- ³ *Бабич И.Л.* Межрелигиозный диалог на современном Северном Кавказе: Миф или реальность // 1150-летие российской государственности. Великий Новгород, 2012.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И. Добаев,

доктор политических наук, профессор Южного
Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В МИРЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Важнейшей составляющей современного терроризма выступают идеологические доктрины радикальных исламистов, в соответствии с которыми выстраивается специфическая практика, включающая в себя и террористические акциисмертников¹. Теоретически обосновано, что исламизм состоит, как минимум, из двух звеньев – умеренного и экстремистского². Оба крыла в качестве конечной цели определили построение т.н. «исламского государства», функционирующего на шариате. Однако между ними имеются и существенные отличия: умеренные идут к намеченной цели эволюционным, преимущественно мирным путем, делая ставку на осуществление так называемого «исламского призыва» (*даават*, в данном случае – информационно-пропагандистская работа среди населения), а их экстремистски настроенные единомышленники в своем псевдореволюционном порыве готовы к силовому захвату власти, для чего не исключают всех форм вооруженного насилия, включая применение террористических атак.

К экстремистскому крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе и террористическую деятельность. Веде-

¹ См. об этом подробнее: Чудинов С.И. Терроризм смертников. – М.: Изд-во «Наука», 2010. – 312 с.

² См.: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 416 с.

ние пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайд Кутб, Абд ас-Салим Фарадж, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опираются на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них Ибн Ханбала, Ибн Таймия, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др.

Ибн Ханбал и его последователи – Ибн Таймия, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави и др. – выступали за возвращение ислама к «золотому веку» – времени жизни и деятельности Пророка Мухаммеда и четырех праведных (выборных) халифов (610–661), что совпадает с периодом жизни первых трех поколений мусульман. В тот период («золотой век») ислам был единым, не испытав последовавших позже расколов на направления, толки, идеиные течения, появления суфийских братств и т.д. В этой связи Ибн Ханбал, его единомышленники и последователи квалифицировали все изменения в исламе, произошедшие после завершения «золотого века», в качестве бида' (греховых нововведений), и требовали очищения ислама от них. Иными словами, их идеалом был «чистый» ислам, поэтому они наставали на необходимости возвращения именно к этому фундаментальному идеалу мусульманства. В этой связи, правда, значительно позже, западные оппоненты стали именовать их «фундаменталистами». Сами же они мыслили себя в качестве «салафитов». Этот термин произошел от арабского словосочетания «ас-салаф ас-салихун» («праведные предки»), что по временным характеристикам совпадает с жизнью и деятельностью первых трех поколений мусульман, или жизнью и деятельностью Пророка и «рашидун» (праведные халифы), или с «золотым веком» ислама. Сегодня термин «салафиты», равно как и «салафизм», прочно вошел в научный оборот не только на мусульманском Востоке, но и на Западе, а также и в России.

Следует отметить, что, появившись в VII в., после нескольких столетий значительных успехов исламский мир замедлил движение и вступил в период продолжительного политического и культурного упадка, фиксируемого по настоящее время. Салафитская концепция основана на следующей оценке такого положения: ислам пришел к упадку, отклонившись от праведного пути. Сила же прежней и праведной уммы происходила от ее веры и соблюдения обрядов, ибо так было угодно Богу. Чтобы вернуть славу и

величие «золотого века» следует возвратиться к истинной вере и традициям предшественников, особенно Пророка Мухаммеда и его соратников. В этой связи салафиты отрицают традиции и практику современного мусульманского мира, которые привели исламскую умму к упадку.

Мощное воздействие на радикализацию современного исламского движения в различных уголках мусульманского мира оказало создание в XX в. в духе салафитского обновленчества исламистских политических партий. Хасан аль-Банна (1906–1949) в 1928 г. основал в Египте организацию «Аль-ихван аль-муслимун» («Братья-мусульмане»), а Маулана Абу аль-Аля Маудуди (1903–1979) в 1941 г. в Индии – «Джамаат-и Ислами» («Исламское общество»). Оба имели сходные убеждения, особенно в отношении объединения ислама как всеобъемлющего учения в жизни мусульманской уммы. Они отстаивали необходимость создания подлинно исламского государства посредством введения шариата, который они рассматривали не только в качестве закона, основанного на Коране, но и как образ жизни салафитов.

Деколонизация в середине XX в. дала надежду салафитам на создание истинно исламских государств. Однако новые мусульманские лидеры избрали путь имитационных реформ. Их идеи о секуляризме, общественном суверенитете, национализме, правах женщин и конституционализме привели к прямому конфликту с салафитами, поднявшими вопрос об их легитимности как мусульманских лидеров, что создало взрывоопасную ситуацию. Ответом многих режимов стала непоследовательная политика, которая колебалась от компромиссов до репрессий¹.

В такой ситуации не могла не появиться новая плеяда теоретиков салафизма, занявшаяся разработкой современных идеологических доктрин радикальных исламистов. Среди них особенно выделяются египтяне – С. Кутб, М. Шукри, М. Фарадж, А. аз-Завахири и др. При этом, как верно отметил авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко, в идеологических доктринах исламистов основообразующими категориями выступают два особым образом интерпретируемые понятия – такfir (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру)².

¹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – С. 16.

² См. подробнее об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).

В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфирами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении так называемых «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» – неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртадун» – отступники от ислама, а также «мунафикин» – лицемеры – т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Согласно мусульманской ортодоксии, джихад подразделяется на «большой» и «малый». Большой джихад – это ненасильственное стремление личности жить так, как подобает праведному мусульманину, следя воле Бога. Он достигается приверженностью пяти столпам исламского вероучения: выражением ислама как веры (шахада), регулярными молитвами, постом во время месяца Рамадан, благотворительностью и совершением хаджа, паломничества в Мекку. Это требует дисциплины и усердия на протяжении всей жизни, постоянной напряженной работы по самоусовершенствованию. В противовес «большому», малый джихад – вооруженная борьба за ислам. Традиционная исламская юриспруденция определяла джихад в качестве обязанности мусульманина в мире, разделенном на «земли ислама» (дар аль-ислам) и «земли войны» (дар аль-харб). Мусульманское сообщество, умма, было обязано участвовать в джихаде, чтобы расширить «дар аль-ислам» по всему миру, дабы все человечество могло благополучно жить в пределах справедливого политического и общественного порядка. В интерпретации одной из школ мусульманского права подобная воинственность смягчалась введением понятия «земля мира» (дар ас-сулх), – это территории, где проживают немусульмане, которые заключили перемирие с «дар аль-ислам», а потому не являются объектом джихада.

В рамках «малого» джихада существовало также более глубокое различие между оборонительным и наступательным джихадом. Если неверные вторгаются в «дар аль-ислам» и угрожают существованию в нем ислама и его исповеданию, богословское заключение на основе мусульманского права (фетва) может объявить состояние джихада против неверных. Это означает личную

обязанность для каждого мусульманина (фард аль-айн) участвовать в оборонительном джихаде либо за счет непосредственного участия в борьбе, либо посредством финансовой поддержки, благотворительности и молитвы. Напротив, наступательный джихад для нападения на земли неверных (дар аль-куфр), чтобы подчинить их шариату, строгим нормам на основе Корана, подразумевает коллективную обязанность (фард аль-кифайя), которая может быть исполнена и обычно исполняется правительствами мусульманских государств без личного участия в ней отдельно взятых мусульман¹.

Что касается теоретиков современного радикального исламизма, то они не только отрицают деление джихада на «большой» и «малый», но говорят только об одном джихаде – боевом, зачастую делая акцент исключительно на наступательной версии джихада.

С. Кутб – теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50–60-е годы XX в. – написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Концепция С. Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилий (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческими является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилий – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилий в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

Однако еще в XVIII в., за два столетия до С. Кутба, концепцию джахилий актуализировал Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1791), проповедник из Аравии, который осудил за развернутость распространенные народные верования и обычай племен полуострова, утверждая, что они вернулись в состояние джахи-

¹ Сейджман М. Указ. соч. – С. 10–11.

лии, стали идолопоклонниками, а потому заслуживают смертную казнь за отступничество от ислама. Он проповедовал жесткую форму ислама, основанную на строгом толковании Корана, очищение ислама от позднейших наслоений. Основой его доктрины стал «таухид» (с арабского – «единство Бога»), осуждающий как идолопоклонничество любую возможность посредничества в общении с Богом. Заключение Аль-Ваххабом союза с главой одного из аравийских племен Мухаммедом ибн Саудом стало прологом образования на территории Аравии нового государства, которое с 1932 г. именуется как Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Иbn Аbd аль-Ваххаб многие из своих толкований Корана обосновывал фетвами сирийского теолога Таки ад-Дина Ахмада ибн Таймии (1263–1328), который жил в один из самых разрушительных периодов мусульманской истории, когда произошло завоевание исламских стран монголами, обращенными тогда же в ислам, но продолжавшими жить по «ясам» – монгольской правовой системе. В этой связи перед Ибн Таймийей был поставлен вопрос: законно ли мусульманам объявить джихад против других мусульман (монголов)? Таймийя в своих знаменитых «Фетвах о татарах» отвечал, что поскольку монголы продолжали придерживаться Ясы – норм права, установленных Чингисханом, а не шариата, то они не настоящие мусульмане, а вероотступники, которых, исходя из шариата, следует покарать смертной казнью. Вести джихад против них было правом, даже долгом мусульман¹.

В своих работах умеренный исламист, пакистанец Маудуди воскресил концепцию джахилий как абстрактного понятия для описания системы верований и идей в Индии. Однако в его трудах нет ни единого намека на то, что он намеревался использовать ее для оправдания вооруженного восстания. Что касается жесткого радикала С. Кутба, то он взял и положение Ибн Таймии о долге джихада против вероотступников и, вырвав из контекста, концепцию Маудуди о джахилий, по-новому соединил их, еще шире трактуя идеи М. Аbd аль-Ваххаба. Объявляя существующие мусульманские общества джахилистскими, Сайд Кутб дает обоснование для отвержения и вооруженного выступления (джихад бис сайф) против номинально мусульманских режимов, избегая проблемы смуты (фитна). В его версии правоверные мусульмане воюют не против других мусульман, а против идолопоклонников.

¹ Sivan E. Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. – P. 90–101.

Вскоре после публикации самого яркого труда «Вехи на пути» египетское правительство Насера в очередной раз арестовало Кутба за подстрекательство к восстанию, и он был казнен в каирской тюрьме 29 августа 1966 г. Мученичество Кутба моментально придало его идеям достоверность¹.

Большое влияние идеи Кутба оказали на Шукри Мустафу, который довел до логического максимума положения доктрины джахилийи, основав в Египте секту «Джамаат аль-Муслимин» («Общество мусульман»), основным принципом которой стал инициативный изоляционизм его членов от порочного общества джахилийи. Однако его группа стала объектом насмешек в прессе, которая изображала их собирающим фанатиков или преступников, помешанных на двуединой концепции отлучения и изгнания (ат-Такфир валь Хиджра), именно под этим названием община М. Шукри и вошла в историю исламистского движения². В 1977 г. после преследований со стороны правящего режима Египта эта секта исчезла, но ее идеи не были забыты последующими поколениями радикальных исламистов.

Наиболее известным последователем С. Кутба был Мухаммед абд аль-Салам Фарадж (1954–1981), являвшийся главой каирского отделения «Танзим аль-джихад» («Организация джихада»), осуществлявшего в 1981 г. убийство президента Египта – Анвара Садата. Свои идеи Фарадж сформулировал в своей брошюре «Забытый долг» («Аль-фарида аль-гаиба»). В ней он, в частности, пишет: «Установление исламского государства – это обязанность мусульман: то, без чего что-то необходимое не может быть выполнено, (само) становится необходимым. Если, кроме того (подобное) государство не может быть основано без войны, тогда и война точно таким же образом оказывается необходимой... Законы, которыми управляются мусульмане сегодня, это законы Безверия, на самом деле они являются сводами законов, созданными неверными, которые затем подчинили им (законам) мусульман... После исчезновения халифата, очевидно, в 1924 г., и (потом) отказа от законов ислама в их целостности, и (затем) их подмены законами,

¹ Сейджман М. Указ. соч. – С. 18, 22.

² Там же. – С. 36.

введенными неверными, положение (мусульман) стало подобным тому, которое было у монголов»¹.

Фарадж подчеркивал, что ислам распространялся мечом, доказывая, что джихад в исламе не был оборонительным. Для обоснования своей позиции он процитировал из Корана «стихи меча»: «А когда закончатся запретные месяцы, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте» (Коран 9:5).

Фарадж также отрицал как опасное современное нововведение различие большого джихада (усилия по самоусовершенствованию мусульманина, борьба с собственными дурными наклонностями) и малого джихада (война против врага), потому что оно умаляет ценность борьбы посредством меча. Точно так же, по его мнению, и отсутствие халифа не является оправданием для переноса джихада. Все это делало тем более необходимым организацию джихада ради возвращения мусульманским народам ислама. Цена отказа от джихада – это «низость, унижение, разделение и раздробленность, в которых мусульмане живут сегодня»².

Общая стратегия джихада у А. Фараджа определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических взглядов и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западно-христианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина (фард айн). По мнению А. Фараджа, джихад становится обязательным, в том числе, и в том случае, если правитель мусульманского государства отвергает руководство по шариату. Тогда такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва³.

Копии труда Фараджа были обнаружены в домах подозреваемых в заговоре в ходе волны арестов после убийства президента Садата. Сама работа была опубликована в Египте лишь после

¹ Faraj M. Al-Faridah al Ghaibah, in Johannes Jansen, The Neglected Duty: The Creed of Sadat's Assassins and Islamic Resurgence in the Middle East. – New York: Macmillan, 1986. – P. 165–167.

² Ibid. – P. 205.

³ Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламийя фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). – Б.м. – Б.г. – С. 4–5.

того, как египетское правительство потребовало от богословов исламского университета Аль Азхар опровергнуть его тезисы. Дебаты относительно обвинений в джахилие и такфире восходят к сути спора между традиционалистами и воинствующими салафитами о значении джихада и законности внутреннего вооруженного восстания (фитны), учитывая запрещение фитны. Сторонники вооруженного пути, подобно Фараджу, использовали выборочное цитирование Корана для обоснования своих выводов. Например, в своей трактовке «стихов меча» он цитировал лишь их первую часть. В Коране же имеется продолжение: «Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах – прощающий, милосердный» (Коран, 9:5). Эта последняя часть опровергает обоснование убийства без разбора «врагов ислама», используемое сторонниками вооруженной борьбы.

Салафитский джихад, таким образом, – это мусульманское обновленческое движение, оправдывающее насильтвенное свержение местных мусульманских правительств как «ближнего врага» с целью установления исламистского государства.

Вместе с тем, не стоит забывать, что подобно другим священным книгам, Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы, как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты открыто проповедуют ненависть к «неверным», отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм. Используя отдельные положения из Корана и других священных книг ислама (как, например, призыв «убивайте их там, где найдете, и вытаскивайте их отовсюду, где бы они не прятались»), исламские теологи оправдывают захват чужих земель, подчинение и убийство немусульман. Современные мусульманские школы провозглашают «всемирный джихад» против «неверных» и демонстрируют особенное презрение к евреям, которых они называют не иначе, как «потомками свиней и обезьян»¹.

В последующем на рубеже 80–90-х годов XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним

¹ Либлер Изи. Где найти умеренного исламиста? // Эхо (русскоязычная еженедельная газета, Израиль). – 2011. – 7 марта.

плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А. Фараджа. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад есть фард айн – то есть индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей¹. Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считал, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критиковал тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идеейной борьбой². Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать»³.

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отверг тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления так называемого «исламского призыва». Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди⁴.

В конце 80-х годов Усама бен-Ладен вместе с Айманом аз-Завахири создали «Аль-Каиду» в Афганистане, определив свою стратегию и ключевые цели на перспективу. Согласно салафитской идеологии, которую проповедует эта структура, главный удар должен быть направлен против режимов в мусульманских и, прежде всего, арабских странах. Эти режимы рассматриваются как искусственные, противоречащие исламским нормам, представляющие собой орудие Запада по контролю над мусульманским

¹ Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. – С. 73.

² Там же. – С. 147–148.

³ Ruthven M. Islam in the World. – N.Y., Oxford, 1984. – P. 308.

⁴ Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. – М., 2003. – С. 88–89.

миром. Они были противны «букве и духу Корана» и препятствовали мусульманам в создании «подлинно мусульманского общества». Ближневосточные режимы, утверждали салафиты, были результатом колониальной политики западных держав, которые произвольно разделили арабский мир границами и создали марionеточные правительства. Это, в свою очередь, привело к национализму, взаимным конфликтам и возвышению светской идеологии, не имеющей никакого отношения к принципам подлинно исламского правления. Все это ослабляло арабский мир и не позволяло ему объединить свои силы против истинного врага, коим является западная цивилизация, утверждал влиятельный представитель и наставник Бен-Ладена палестинец Абдалла Азам¹.

Исходя из своего мировоззрения, «джихадисты» стремились свергнуть «искусственные марionеточные режимы» в Египте, Ливии, Саудовской Аравии и других странах региона и создать на их месте единое исламское государство – халифат, основанный исключительно на предписаниях Корана и других священных арабских текстов. С момента создания «Аль-Каиды» ее региональные ответвления и родственные группировки прилагали отчаянные усилия для достижения цели, мобилизуя боевиков для «джихада», распространяя идеологию и осуществляя дерзкие вылазки, однако до последнего времени все попытки расшатать и свергнуть арабские режимы терпели фиаско.

Отсюда неизбежно следует мысль о том, что практически невозможно победить «врага ближнего», не нанеся мощные удары по «врагу дальнему». Тем не менее в своей фетве «Изгоняйте неверных с Аравийского полуострова», объявленной Усамой бен Ладеном 8 августа 1996 г., лидер «Аль-Каиды» отстаивает понятие оборонительного джихада для изгнания неверных из мусульманских стран. Однако уже 18 февраля 1998 г. в фетве Мирового исламского фронта, объявившей «джихад против евреев и крестоносцев», бен Ладен расширил свое прежнее понимание джихада, от оборонительного до наступательного. Мировой салафитский джихад теперь ведет борьбу с «врагом дальним» (Соединенные Штаты и Запад в целом) на его территории или в третьих странах. Оправданием для этого нового типа джихада служило то, что «оккупация» Соединенными Штатами Америки Саудовской Аравии, поддержка Израиля и убийства иракских детей были «открытым

¹ Лапин Яakov. «Аль-Каида»: Провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. – 2011. – 10 марта.

объявлением войны Аллаху, его Посланнику и мусульманам». В фетве постулируется: «Постановление убивать американцев и их союзников – гражданских и военных – это личная обязанность для каждого мусульманина, который может исполнить ее в любой стране, в которой это можно сделать... Мы – с помощью Аллаха – призываем каждого мусульманина, кто верит в Аллаха и желает награды за выполнение приказов Аллаха, убивать американцев и расхищать их богатства, где и когда они найдут их. Мы также призываем мусульманских улемов, лидеров, молодежь и солдат совершать нападения на американские войска Сатаны и союзных с ними сторонников Дьявола и отстранять тех, кто укрывается за ними, дабы они смогли извлечь урок»¹.

К концу 90-х годов новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль-Джихада» – Айман аз-Завахири, главный идеолог «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды». Он обосновал идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» – альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага – вероотступников, так и против внешнего – альянса крестоносцев и сионистов»². По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предложил перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в самое его сердце³.

¹ Лапин Яakov. «Аль-Каида»: Провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. – 2011. – 10 марта.

² Там же. – С. 89.

³ Enayat H. Modern Islamic Political Thought. – Austin, 1982. – P. 84.

В преддверии ударов террористов по целям в Америке 11 сентября 2001 г. в своей программной книге «Рыцари под знаменами Пророка» А. аз-Завахири объявил, что новый джихад является борьбой между исламом и враждебными мировыми силами – западными державами и Россией, использующими «набор средств», включающий: 1. Организацию Объединенных Наций. 2. Дружественных правителей мусульманских народов. 3. Транснациональные корпорации. 4. Международные коммуникации и системы обмена данных. 5. Международные информационные агентства и спутниковые информационные каналы. 6. Международные организации помощи, которые используются как прикрытие для шпионажа, прозелитизма, подготовки переворотов и перевозки оружия». Противостояла этому врагу новая исламистская фундаменталистская коалиция, состоящая из джихадистских движений в различных землях ислама: «Она представляет собой растущую силу, которая собирается под знаменами джихада во имя Бога и действует за рамками нового мирового порядка». Аз-Завахири описывал ситуацию как новый феномен молодых моджахедов, которые «оставили свои семьи, страны, богатства, учебу и работу в поисках полей брани джихада во имя Господа». По его мнению, не существует никакого решения возникших проблем без джихада. Предательство мирного алжирского фундаменталистского движения показало бессмысличество «всех других методов, которые пытались избежать принятия бремени джихада»¹.

Аз-Завахири объявил, что джихад должен продемонстрировать измену мусульманских правителей и их апологетов, которая вытекает из-за отсутствия у них веры и их поддержки неверных против мусульман. Поэтому исламистское движение должно установить исламское государство в центре мусульманского мира, из которого впоследствии вступит в бой за восстановление халифата, основанного на традициях Пророка. «Если успешные операции против врагов ислама и серьезный урон, нанесенный ими, не послужат достижению конечной цели создания мусульманской нации в сердце исламского мира, – доказывал он, – независимо от их масштабов они будут не более чем нарушением порядка, который

¹ Al-Zawahiri A. Knights Under the Prophet's Banner. Serialized in eleven parts in Al-Sharq al-Awsat (London). – 2001. – July 4. Part 11.

можно вынести и стерпеть, даже если они продлятся некоторое время и принесут определенные потери»¹.

Для достижения успеха аз-Завахири требовал от единомышленников сблизиться с массами простых мусульман, быть среди них или слегка впереди, а не изолированными от них. Для этого «движение джихада должно посвятить деятельность одного из своих крыльев работе с массами, проповедям, создать службы поддержки мусульман, разделять их заботы всеми возможными для благотворительности и образовательной работы путями; ни одну из сфер жизни мы не должны оставить неохваченной»².

Для эффективной мобилизации массам нужно руководство, которому они могут доверять, понимать и следовать; ясный враг, по которому нужно нанести удар, и избавление от цепей страха и слабости в их душах. Аз-Завахири так описывает основную цель движения исламского джихада, невзирая на жертвы и время, которые она потребует: «Освобождение мусульманской нации, противостояние врагам ислама и начало джихада против них требуют мусульманской власти, установленной на мусульманской земле, которая поднимет знамя джихада и соберет под ним мусульман. Без достижения этой цели наши действия будут не более чем простыми и повторяющимися беспорядками, которые не приведут к желаемой цели, а именно восстановлению халифата и изгнанию захватчиков с земли ислама»³.

После терактов в Америке и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири в своей книге «Аль-Валайя валь-бараа» подчеркнул, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирями, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирями. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свои терри-

¹ Al-Zawahiri A. Knights Under the Prophet's Banner. Serialized in eleven parts in Al-Sharq al-Awsat (London). – 2001. – July 4. Part 11.

² Ibid.

³ Ibid.

тории для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)¹.

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах², под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джihad есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1) мусульмане; 2) неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3) все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин).

На этом основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, к началу XXI в. сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов.

Что касается современного Северного Кавказа, то, несомненно, на адептов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных исламистских радикалов, где путь вооруженного противодействия и диверсий – по версии радикалов – джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра»

¹ Ражбадинов М.З. Указ. соч. – С. 91–92.

² См., например: <http://www.short-link.de/2054>

(неверия) и их «пособниками» из числа так называемых «отступников» («муртаддун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острое терроризма; под вторыми – представители официального ислама.

Идеолог и практик ультрарадикального крыла дагестано-чеченской салафии Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип – это *Ахль аль-Зимми* – «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: т.е. заключают договор, живут на договорных началах, – отсюда *зимма* с араб. «договор». За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии – «договорники», платят подушный налог (*джизью*), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона–государства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами – это *муадис*: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, – продолжает Багауддин, – *харби*, находящийся у тебя на земле, и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле, приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки, охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же, приняв ислам, не перейдут на нашу сторону – это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим. Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их *ИнишаАллах*, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно: выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы»¹.

¹ Пятничная проповедь Б. Мухаммеда в Исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. – 1998. – № 6.

В последующем на Северном Кавказе появились и другие идеологи радикального исламизма, среди которых можно назвать дагестанца Абузагира Мантаева, кабардинца Анзора Астемирова, бурята Саида Бурятского и некоторых других. Характерно, что все они, будучи активными членами террористического бандподполья, были уничтожены в ходе боестолкновений с сотрудниками правоохранительных структур, не сумев вырасти в авторитетных идеологов даже регионального масштаба.

Тем не менее вследствие и их усилий, современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки зарубежных исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски ориентированные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков практически во всех республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е годы начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали: организация системы исламского образования; пропаганда своих взглядов в общеобразовательных и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных производить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т.д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов Мусса Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13–14 октября 2005 г. в Нальчике.

Например, бывший «кадий Имарата Кавказ, амир объединенного вилайята Кабарды, Балкарии и Карачая» Сайфуллах (он же – Анзор Астемиров), предоставил ответы на вопросы корреспондента одного из исламистских сайтов, из которых четко прослеживаются его идеологические приоритеты. В частности, он обвиняет северокавказских мусульман в язычестве, подчеркивая, что «в нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества, как служение России с ее Конституцией и ее законами», отмечая далее, что «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т.п.), клятва уважать Конституцию при

получении паспорта, возложение венков к могилам “героев России”, которые убивали мусульман в Афганистане и на Кавказе и т.д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента. Так что язычество это не только поклонение камням и деревьям. ...Поэтому мы считаем своей первоочередной задачей борьбу против этой формы язычества, как самой опасной для общества...» Обвинив мусульман, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, в такого рода «язычестве», «кадий Сайфуллах» практически дал санкцию на их убийства, тем более что, по его мнению, «со временем, под влиянием российской пропаганды, большинство из них заняли твердую антиисламскую позицию»¹.

Таким образом, в ходе второй чеченской кампании, особенно со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились молодые представители северокавказской мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т.д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков так называемого джамаата «Шариат» – Абузагир Мантаев в 2002 г. в Москве защищил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и влился в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало, среди идеологов и одновременно практиков «джихадизма» уже назывались М. Мукожев, А. Астемиров, С. Бурятский и др.

Вместе с тем после уничтожения этих и других «идеологов» северокавказского терроризма наблюдается явный недостаток такого рода кадров в составе бандподполья, в этой связи ведется усиленный поиск новых фигурантов и одновременно наблюдается вынужденный переход на «идеологические суррогаты». Об этом, в частности, свидетельствует интервью некоего «амира Баксанского района вилайята Кабардино-Балкарии Имарата Кавказ» Ташу Казбека. В своем многословии, далеком от доказательной базы салафитов, ссылающихся на сакральные источники мусульманства, этот «моджахед», безо всяких обиняков, ретранслирует пропагандистские клише безвременно ушедших из жизни сотоварищей: «Наши враги совершают куда более гнусное преступление – они

¹ Личный архив автора.

поклоняются идолам, которые наделили себя правом издавать законы, противоречащие Закону Аллаха! А обожествление кого-то или чего-то наряду с Аллахом – самый тяжкий грех. И главная причина, которая побудила нас взять в руки оружие, – это защита религии от язычников и возвышение слова Аллаха. ...Работа по уничтожению беспаевых и других подобных выродков будет проводиться планомерно и методично»¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры свидетельствуют, что в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое, молодое поколение северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах. Однако следует согласиться с московским исламоведом Д.В. Макаровым, который еще в 2000 г. сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении собственной политической идеологии, соответствующей современным реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата... не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения...»². Этот вывод продолжает оставаться актуальным и в настоящее время.

Таким образом, идеология современного джихадистского движения, базируясь на постулатах, выдвинутых свое время Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и другими радикалами минувших эпох, ведет свое происхождение из Египта, так как ее главными вдохновителями были С. Кутб, М. Шукри, М. Фарадж, А. аз-Завахири и др. Она ясно проповедует идею ненависти к немусульманским, прежде всего, к западным ценностям, таким, как индивидуализм, социальный плюрализм, верховенство светского законодательства над религиозным правом, отделение религии от политики и т.д. Ее призыв основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости идеологических аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит отклик и понимание в среде молодых мусульман, как

¹ Личный архив автора.

² Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М., 2000. – С. 48.

правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое они к тому же отвергают.

В этой связи не следует забывать, что в зарубежных средних и высших мусульманских учебных заведениях, в том числе и исламистского толка, продолжают учиться сотни, а может быть и тысячи молодых северокавказцев. На родине их с нетерпением ждут те, кто делает ставку на дальнейшее развитие идеологической составляющей «джихада», и порой не без оснований.

Краткий обзор этапов развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе со всей очевидностью свидетельствует о привнесенности на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья.

«Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Выпуск XXV», М., 2014 г., с. 23–39.

Г. Магомедов,

аспирант

(МГУ им.М.В. Ломоносова)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНА

Республика Дагестан – самый полигэтничный регион России¹. «Титульных» народов, языки которых поддерживаются на государственном уровне, насчитывается 14 (аварцы – 29,4% населения Дагестана, агулы – 0,9, азербайджанцы – 4,3, даргинцы 16,5, кумыки – 14,2, лакцы – 5,4, лезгины – 13,1, таты – 0,004, табасаранцы – 4,3, ногайцы – 1,6, рутульцы – 0,9, русские – 4,7, цахуры – 0,3, чеченцы – 3,4%). Реальное число малочисленных коренных народов гораздо больше – свыше 30. По данным на 01.01.2009 г., численность населения Дагестана составляла свыше 2,7 млн человек². Сегодня численность населения республики превысила 3 млн человек. Около 95% верующих – мусульмане (большинство сун-

¹ Народы Дагестана (отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева). 2002. – М.: Наука. – С. 36.

² Дагестан. – Википедия. Доступ: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дагестан> (Проверено 01.10.2011.)

ниты, до 3% – шииты), около 5% – христиане (в основном православные), менее 1% – иудаисты, 1% – остальные.

Дагестан подразделяют на три зоны: горную (39,9% территории), предгорную (15,8%) и равнинную, или плоскостную (43,3%). Согласно Конституции, Дагестан является демократической республикой в составе Российской Федерации. Политическую власть в республике осуществляют глава Республики Дагестан, Народное собрание Республики Дагестан, правительство Республики Дагестан и суды Республики Дагестан. Фактор этничности для Дагестана всегда был и в обозримой перспективе останется ключевым в силу многонациональности региона. Этническая идентичность в Дагестане – один из главных мобилизирующих факторов. Республика лидирует по числу межэтнических конфликтов, как явных, так и латентных. Однако, по мнению большинства экспертов, ни один из этих конфликтов не основан на чисто этнической неприязни: «Любой межнациональный конфликт так или иначе связан или с земельным вопросом, или с вопросами управления, или с вопросами перераспределения ресурсов»¹. Этническая идентичность, тем не менее, имеет ограниченный ресурс, она не может быть общедагестанским объединяющим фактором.

Этническое многообразие Дагестана при отсутствии безусловно доминирующей этнической группы создает ситуацию, когда этнические элиты вынуждены договариваться друг с другом, а относительные меньшинства объединяются против относительного большинства, чтобы не допустить чьего-либо доминирования. При этом представитель того этноса, который выдвинулся на вершину власти, вынужден учитывать интересы представителей других этнических групп, поддерживая систему этнического квотирования во власти. Не стоит думать, что это явление последних лет. Дело в том, что эффективная система этнического квотирования в Дагестане была заложена еще в советские годы. Именно с советских времен дагестанцы привыкли следить за соблюдением пропорций в самых разных сферах, хотя главной остается, конечно, власть как самый важный ресурс. Менее явно этнический фактор проявляется в бизнесе. Эксперты, а также представители разных слоев населения на фокус-группах отмечали тяжелые экономические условия в республике. Если по России уровень регистрируемой безработицы

¹ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью с заведующим отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН Ш. Шихалиевым. 14 сентября 2011 г.

составляет 5%, то по Дагестану последняя цифра составляет 12%, на деле, скорее всего, больше 20% (экономисты говорят о 300 тыс. безработных)¹. Обычно руководитель предприятия при приеме на работу обращает внимание на национальность претендента. Связи, в том числе клановые и родственные, играют большую роль при трудоустройстве. Иными словами, этнический фактор практически никогда не играет самостоятельной роли, он всегда связан с политическими, экономическими интересами, проблемой распределения и использования ресурсов и т.д.

В наши дни идет процесс постепенного складывания обще-дагестанской идентичности², основанной на опыте совместного проживания в рамках одной административной единицы представителей разных этнических групп, наличии языка межэтнического общения – русского, комбинации кавказских и общероссийских культурных черт, которые и создают уникальную дагестанскую культурноисторическую общность. Общедагестанская идентичность имеет не только культурное, но и историческое основание. В разные исторические периоды народы, жившие на территории современного Дагестана, вырабатывали общий язык и общие культурные коды. В дореволюционные годы у жителей Дагестана в качестве языка межнационального общения утвердился тюркский язык, причем на юге и севере это были разные варианты тюркского языка. Языком же интеллигенции, письменным языком коммуникации был арабский язык. После революции в связи с крутыми изменениями и форсированной модернизацией произошли серьезные трансформации в культурной сфере. В советские годы в межэтническом общении дагестанцев выработался особый вариант русского языка, который характеризуется широким использованием общего для всех дагестанских языков и понятного для всех пласта арабо-персидских слов.

Серьезные опасения у дагестанцев вызывает рост национализма в стране. События, последовавшие после волнений на Манежной площади в декабре 2011 г., дагестанцы воспринимают как противопоставление России и Дагестана, видят в этих процессах

¹ ПМА. Интервью с главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН Абасом Шапиевичем Ахмедуевым. 16 сентября 2011 г.

² ПМА. Интервью с заведующим отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН Махачем Мусаевым. 15 сентября 2011 г.

угрозу лично для себя и своих близких. Вина за рост националистических настроений дагестанцами перекладывается на федеральный центр, который «плохо владеет ситуацией в республике, не понимает Кавказ, не понимает Дагестан, не понимает его национальный компонент»¹. Современное дагестанское общество весьма неоднородно. С одной стороны, культурно дагестанцы резко выделяются.

Например, города республики все больше приобретают ближневосточный колорит. Однако это идет не через консервацию традиций. Традиции в значительной мере сохраняются в сельской местности, однако и там молодежь все менее вовлечена в структуру традиционных взаимоотношений. Нарушился их механизм.

Дагестанский социолог Заид Абдуллагатов говорит о парадоксальной двойственности сознания молодежи: в ходе опросов более половины молодых дагестанцев заявляют о принадлежности к восточной, основанной на исламе культуре [Абдуллагатов 2008]. На самом же деле, несмотря на процессы исламизации сознания и культуры, большинство дагестанских молодых людей разделяют общие ценности с другими гражданами России. В то же время происходящие в целом в России перемены, кавказофобия толкают молодых жителей республики к поиску себя в стороне от российской общности, обостряя и без того серьезный кризис идентичности.

Земельный вопрос. Земля в Дагестане всегда была дефицитом. В условиях перенаселенности здесь были вынуждены развивать другие формы деятельности, помимо сельского хозяйства. Так, например, было широко распространено отходничество. В советские годы к собственно Дагестану были присоединены равнинные территории бывшей Терской области, и в 1960-х годах началось организованное переселение горцев на равнину [Адиев 2011: 49]. К 1980-м годам, когда плановое переселение прекратилось, этот процесс стал неконтролируемым. Сегодня Дагестан переживает последствия переселений и различных связанных с ними нарушений.

Основным вопросом и катализатором конфликта при этом становится земля, а поскольку переселенцы иноэтничны, то конфликты обретают форму межнациональных [Карпов, Капустина 2011]. Необходимо отметить, что разброс мнений относительно

¹ ПМА. Интервью с дагестанским журналистом (аноним). 24 сентября 2011 г.

земли бывает самым широким. Исконные жители равнин часто апеллируют к тому, что у них отобрали земли, и требуют справедливости. Однако мало кто сейчас говорит о том, чтобы изгнать тех, кого планово переселили еще в советское время: к ним нет претензий, с ними установились добрососедские отношения. У старожилов есть претензии к тем, кто переселился «сверх квоты» и пытается обустроиться на равнине, минуя законные процедуры. Возникающие на этих землях поселения незаконны, а попытки их узаконить разными способами вызывают протест жителей равнин. В итоге проводившейся во второй половине XX в. политики прежние жители равнинных районов чувствуют себя ущемленными. Землеобеспеченность жителей горных районов, которым передавались участки земли на территории равнинных районов, оказалась значительно выше, чем у жителей последних. Итак, за всеми конфликтами, связанными с землей и приобретающими этнополитический характер, стоят не вопросы этнических различий и невозможность совместного проживания представителей разных национальностей.

Религиозный фактор. Дагестан – самый исламизированный регион России, этим и определяется значение религиозного фактора для республики. Подавляющее большинство населения исповедует ислам – мировую религию, составляющую одну из основ идентичности дагестанцев. Религиозное развитие Дагестана с начала 1990-х годов было далеким от мирных сценариев. Мусульманское возрождение началось здесь с конфликтного отделения от Духовного управления мусульман Северного Кавказа и продолжилось дальнейшим дроблением по этническому признаку. Время этнических муфтиятов прошло, однако единое теперь Духовное управление мусульман Дагестана не признается легитимным как минимум половиной мусульманских общин республики. Исламское поле Дагестана не ограничивается наличием двух толков суннитского ислама – шафиитского и ханафитского, шиизма и суфизма. Оно гораздо более мозаично, здесь представлены различные радикальные группы салафитского толка, разные школы и традиции суфизма. Все это поле бурлит и непосредственно влияет на состояние дел в республике.

Проблема разницы поколений в Дагестане обострена до предела. Традиционное общество, регулировавшее межпоколенную коммуникацию и передачу знаний, умений, навыков и устоев, все больше размывается под влиянием глобализационных процессов, идущих в мире в целом, а также своеобразной «исламской глоба-

лизации», когда среди мусульман все шире распространяются представления о наличии некоего универсального ислама, который должен быть свободен от различий в плане направления, толка и течения. Мусульманская молодежь в мире, а в последнее время и в Дагестане, все активнее вовлекается в процесс создания экстерриториальных общин, когда вовсе не обязательно принадлежать к общине тех, кто посещает одну и ту же мечеть. Интернет открывает доступ к впечатляющим коллекциям фетв так называемых «электронных муфтиев», которые становятся новыми кумирами исламской молодежи. Официальные религиозные лидеры, цепляющиеся за старые традиции, все больше теряют авторитет в их глазах. Эти люди ассоциируются у молодежи с нынешним строем, а значит, с полной и безоговорочной поддержкой современного состояния дел. Молодежь особенно остро реагирует на современные проблемы дагестанского общества. Небольшая, но активная часть молодежи в итоге оказывается среди групп боевиков. Большая же часть молодежи предпочитает трудовую миграцию, поскольку Дагестан отличается не только высокой безработицей, но и весьма низким уровнем заработной платы. Но обратим внимание на бытование шариата: насколько эта проблема реальна и каковы масштабы и перспективы «шариатизации» дагестанского общества. Активная деятельность по учреждению шариатских судов в Дагестане началась примерно с конца 1980-х годов, когда ослабла, а затем и была прекращена антирелигиозная деятельность государства. По всей республике было создано несколько десятков такого рода институтов; в то же время они так и не смогли составить серьезную конкуренцию государственным судам. Каковы перспективы шариата в регионе?

Шариатское право будет относительно успешно конкурировать со светским правом в значительной мере из-за все большего ухода государства из разных сфер жизни дагестанского общества. Привлекательность шариату и адату придают системные проблемы, не решаемые Российской государством в регионе: тотальная коррупция и продажность судебной системы, уменьшение объема и качества государственных услуг, неэффективность правотворческой деятельности государственной власти, отсутствие четкой национальной и религиозной политики. В то же время в связи с ростом привлекательности «традиционных» обычно-правовых и шариатских практик будет происходить их использование криминальными структурами в своих целях и для оправдания своей противоправной деятельности. В регионе криминальные структуры

накопили огромный опыт использования общей нестабильности и привлекательных идей и лозунгов в своих целях. Многие криминальные разборки и нечестная конкуренция с криминальными «наездами» маскируются под случаи джихада и борьбы с «неверными» и «лицемерами» в соответствии с общепринятыми нормами шариата [Добаев 2003: 330]. Очевидно, что на Северном Кавказе в целом будет расти роль шариата как идеологического фактора, используемого радикальными исламскими группировками. В то же время терроризирование мирного населения под видом установления экстремистами шариатского правления приводит к тому, что многие группы населения разочаровываются в мусульманском праве и приходят к выводу, что шариатизация общества неизбежно приведет к ухудшению их положения. К таким группам в первую очередь относятся светская интеллигенция, представители мелкого и среднего бизнеса и пр. Иными словами, апелляция экстремистов к шариату приводит к подрыву авторитетности мусульманского права среди многих слоев северокавказского общества.

Миграционные проблемы. Как уже отмечалось, в советское время Дагестан поддерживал внутриреспубликанскую миграцию путем планомерного переселения населения с гор на равнину. Поздние советские годы характеризовались также попытками наладить миграцию дагестанских специалистов во внутрироссийские регионы. Распад СССР привел к прекращению каких-либо форм контроля над миграционными потоками. В результате за последние 20 лет все более возрастающими темпами идет внутриреспубликанская миграция с гор на равнину, из села в город. По сведениям экономистов, численность городского населения Дагестана с 1990 г. выросла на 40–45%.

Весь этот рост населения городов идет на фоне промышленного застоя (в республике до сих пор не достигнут даже уровень 1990 г. по промышленному производству). Города растут за счет значительного притока сельских жителей, что создает колоссальное напряжение в городских поселениях. В условиях переизбытка трудовых ресурсов Дагестан имеет отрицательный баланс трудовой миграции – 10 тыс. человек ежегодно. Миграции постсоветских лет значительно отличаются от миграций советского времени. Постсоветские мигранты, сталкиваясь с настороженностью, а порой и враждебностью, создают на новом месте своеобразные дагестанские анклавы. Дагестанцы жалуются на серьезные перемены, которые происходят в политике государственных органов как в целом по России, так и в соседних с Дагестаном регионах,

особенно на Ставрополье. Политику ставропольских властей, направленную на ограничение прописки, приема на работу и вытеснение дагестанцев из земель отгонного животноводства, они называют «политикой выживания»¹. Это усиливает ощущение отчуждения, толкает к все большей изоляции.

Информационное пространство. Дагестан на всем пространстве Северного Кавказа до сих пор обладает бесценным ресурсом, важным в деле налаживания диалога между народом и политическими институтами. Этот ресурс – достаточно свободные печатные СМИ, а также наличие профессионального и ответственного журналистского сообщества. Дагестанские газеты публикуют достаточно острые репортажи, откликаются на самые животрепещущие проблемы общества и государства, публикуют обращения граждан к властям, мнения граждан о том, что творится в республике. Все это благоприятно сказывается на состоянии общественной дискуссии. Тем не менее сами журналисты отмечают серьезные проблемы. По их мнению, свобода прессы ограничивается, на газеты оказывается все возрастающее давление, журналисты нередко слышат в свой адрес угрозы. В целом же интервью и фокус-группы выявили колossalный уровень недоверия в дагестанском сообществе. Наибольший уровень недоверия фиксируется в отношении власти: коррупция, неспособность проводить в жизнь принятые программы, закрытость – все это создает атмосферу недоверия.

Таким образом, ситуация в Республике Дагестан характеризуется высокой степенью динамики. Чтобы понимать, что происходит в регионе, необходим постоянный мониторинг. Вопреки часто высказываемым оценкам ситуации в Республике Дагестан в категориях «гражданская война», «террористическая война» и т.д., мы должны отметить, что локальные вспышки насилия, пусть и довольно частые, все еще не достигают уровня, при котором можно оперировать термином «война».

В то же время в республике сложился тревожный фон, который характеризуется почти ежедневным насилием. Общероссийские проблемы в Дагестане усилены в несколько раз. Серьезным вызовом для дагестанского общества является поразивший его системный кризис, выход из которого видится только в решительном проведении болезненных реформ и преобразований. Кроме

¹ ПМА. Фокус-группа с представителями НКО, Общественной палаты Республики Дагестан. 23 сентября 2011 г.

того, полиэтничный Дагестан переводит многие проблемы в привычную межнациональную плоскость, что может отвлечь исследователей и власти от сути этих проблем.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 11-06-01177а.

Литература

1. Абдулагатов З.М. 2008. Ислам в массовом сознании дагестанцев. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. – 204 с.
2. Адиев А.З. 2011. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане: Монография. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. – 144 с.
3. Добаев И.П. 2003. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. – 416 с.
4. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. 2011. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: Их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб.: Петербургское востоковедение. – 448 с.

«Власть», М., 2015 г., № 7, с. 62–66.

Е. Ионова,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник (ИМЭМО РАН)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В УЗБЕКИСТАНЕ

29 марта в Узбекистане состоялись президентские выборы, четвертые по счету за весь период независимого существования республики. Как и ожидалось, победу на них одержал действующий президент И. Каримов, выдвинутый от Либерально-демократической партии Узбекистана. По мнению большинства наблюдателей, выборы стали безальтернативными с того момента, как было объявлено о решении И. Каримова баллотироваться на пост президента. Это связано не только со сложившейся в Узбекистане автократической системой правления, при которой действующий президент имеет возможность широко использовать административный ресурс, но также с тем, что у населения его фигура ассоциируется с сохранением стабильности и порядка в республике в сложный период ее становления.

Следует признать, что Каримов, который возглавляет республику 26 лет (в 1989 г. он был назначен первым секретарем ЦК компартии Узбекистана), в 90-е годы сумел предотвратить

в Узбекистане гражданскую войну, в отличие от произошедшего в соседнем Таджикистане. Поэтому не только в самой республике, но и за ее пределами И. Каримов воспринимается как гарант стабильности Узбекистана. В ходе предвыборной кампании, которая в целом не отличалась активностью, действующий президент, как отмечала эксперт «Независимой газеты» по Центральной Азии В. Панфилова, выдвинул программную установку «тинчъ булсин» («пусть будет мир»), что во многом обеспечило ему широкую поддержку избирателей.

В этих условиях другие претенденты на пост главы государства – Х. Кетмонов от Народно-демократической партии, А. Сайдов от национально-демократической партии «Национальное возрождение» и Н. Умаров от социал-демократической партии «Справедливость» – практически не имели шансов на успех. Большинство наблюдателей сошлось во мнении, что ни один из них не мог составить реальной конкуренции И. Каримову. При этом, как отмечала В. Панфилова, «все публичные акции кандидатов в президенты носят несколько парадоксальный характер безусловной поддержки курса нынешнего главы государства»¹. В целом, выборы продемонстрировали, что подавляющая часть узбекского населения считает сохранение стабильности и мира в республике более важным, чем какие-либо другие принципы развития общества.

Между тем вероятность дестабилизации в республике нарастает в связи с ростом угроз радикального исламизма. Как отмечает политолог Г. Мирзаян, они включают «как внешние (возможное вторжение афганских боевиков), так и внутренние (попытку исламистов в условиях отсутствия светской оппозиции канализировать общественный протест и устроить революцию после смерти И. Каримова)»². Острота момента заключается в активизации радикальных исламских организаций в северных районах Афганистана, которые выступают с прямыми угрозами в адрес Ташкента.

При этом «Исламское государство» становится фактором, способным повлиять на ситуацию в Афганистане и привести к усилению террористической угрозы для стран ЦА. По данным Службы национальной безопасности Узбекистана, на стороне ИГ воюют около 5 тыс. членов примкнувшей к нему террористиче-

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1427347320>

² <http://expert.ru/2015/01/8/shtatam-v-uzbekistane-ne-mesto/>

ской организации «Исламское движение Узбекистана», более половины которых являются выходцами из Узбекистана.

По словам аналитика СНБ Узбекистана Б. Шарафова, базирующиеся в Афганистане экстремисты отправили своих эмиссаров в Узбекистан и другие центральноазиатские страны для ведения пропаганды. Согласно официальным заявлениям СНБ РУ, ИГ планировало в марте теракты в связи с выборами президента и праздником Навруз, а также возросла их активность на узбеко-афганской границе¹.

По информации Комитета национальной безопасности Казахстана, в результате совместных действий правоохранительных органов Казахстана, Киргизии и Узбекистана была нейтрализована террористическая группа из Сирии и Турции, которая планировала серию терактов в Узбекистане и Киргизии².

Сейчас в республике предпринимаются меры по усилению безопасности: идет укрепление государственной границы, проводятся антитеррористические учения, разъяснительные беседы с населением. Кроме того, решается вопрос об амнистии сторонников ИГ, решивших вернуться в Узбекистан. Как сообщается, эта мера может коснуться только тех, кто не запятнал себя кровью и раскаялся в содеянном (по неофициальным данным, в рядах ИГ находятся тысячи узбекских граждан)³.

Нарастание террористической угрозы в Центральной Азии, как считают некоторые специалисты, может инспирироваться Вашингтоном. В частности, еще в 2011 г. независимый эксперт по проблемам ЦА А. Магомедов высказал мнение, что после вывода своих войск из Афганистана США попытаются дестабилизировать ситуацию в Узбекистане в целях создания проблем для России и Китая⁴.

Однако в настоящее время официальный Вашингтон заявляет о необходимости сохранения безопасности в Центральной Азии в интересах национальной безопасности США. Как заявил заместитель госсекретаря США Э. Блинкин, «стабильность и безопасность в странах Центральной Азии укрепляют безопасность США, содействуют глобальным усилиям в борьбе с терроризмом и экстремизмом, а достижению стабильности лучше всего способст-

¹ <http://ria.ru/world/20150413/1058213006.html>

² <http://www.regnum.ru/news/polit/1907096.html>

³ <http://www.regnum.ru/news/ 1918709.html>

⁴ <http://www.regnum.ru/news/polit/1908183.html>

вует независимость стран региона, их способность защитить свои границы, связи друг с другом и с развивающимися экономиками Азии». По его словам, уход из Афганистана не означает снижения важности и ценности Центральной Азии для США, заинтересованных в продвижении своих интересов и в устойчивых партнерских отношениях с государствами региона.

Блинкин определил три главные цели во взаимодействии с каждым из них: укрепление партнерства в целях обеспечения взаимной безопасности, налаживание более тесных экономических связей, улучшение системы управления и ситуации с правами человека¹. Для достижения этих целей, отметил представитель Госдепа, США будут инвестировать в дальнейшее развитие региона, его политическую и экономическую стабильность.

По мнению генерального директора Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве А. Власова, «даже если гипотетически ситуация в Афганистане перестанет быть такой острой, США не намерены упускать возможность влияния в Центрально-Азиатском регионе. В качестве предлога они могут использовать и взаимодействие с Ташкентом, и с другими центральноазиатскими странами по предотвращению активности экстремистских групп, действующих в регионе параллельно развивая контакты по линии снабжения и перевооружения военных»².

Узбекистану всегда отводилось особое место во внешнеполитическом планировании США. Во-первых, учитывалось его географическое положение – республика граничит со всеми странами региона. Во-вторых, благоприятную почву создавали периодически повторяющиеся попытки Ташкента дистанцироваться от России. Судя по всему, в Вашингтоне продолжают считать, что, вовлекая республику в свою орбиту, США препятствуют восстановлению российского влияния в Центральной Азии. Характерно, что в своем новогоднем послании И. Каримову Б. Обама отметил, что «ожидает укрепления партнерства между нашими странами и совместной работы по построению более стабильного и безопасного мира для всех».

Уже упоминавшийся независимый эксперт Г. Мирзаян по-своему объясняет особое значение Узбекистана для США. По его мнению, «Узбекистан является единственным потенциальным

¹ <http://www.regnum.ru/news/polit/1911471.html>

² <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/87279/>

кандидатом на роль плацдарма (для США. – *E.I.*). Казахстан находится в Евразийском союзе, Киргизия на пути к нему. Туркменистан вообще не собирается превращаться в чей-то плацдарм – Гурмангулы Бердымухамедов хочет спокойно заниматься экспортом газа, в том числе и в Китай, и не намерен играть в geopolитику. Таджикистан же, несмотря на все антироссийские действия Эмомали Рахмона, слишком сильно зависит от Москвы с точки зрения безопасности, а также пытается наладить стратегические отношения с иранцами¹.

О стремлении США закрепиться в Узбекистане свидетельствуют многочисленные миссии, посылаемые в республику. Только в течение 2014 г. Узбекистан посетили около 60 американских правительственные делегаций. В апреле текущего года в рамках своего центральноазиатского турне в Ташкент прибыла представительная делегация из Вашингтона, в которую вошли представители Госдепартамента, министерства обороны и разведывательных структур. Цель этого визита, по официальным сообщениям, состояла в том, чтобы заверить руководство стран ЦА, что Вашингтон не ослабит внимания к этому региону.

При этом Вашингтон стремится максимально привязать страны ЦА к решению своих задач в Афганистане. В центре переговоров американской делегации, возглавляемой высокопоставленным представителем Государственного департамента США Д. Розенблюром, с руководством государств ЦА стояли вопросы, связанные с Афганистаном, в числе которых – формирование правительства национального единства, ситуация в области безопасности, новая миссия НАТО в Афганистане «Решительная поддержка», которая предусматривает оказание помощи афганским силам безопасности (без проведения боевых операций).

Американская сторона, как сообщали СМИ, выразила надежду, что страны региона продолжат всестороннюю поддержку соседнего Афганистана, и призвала руководителей Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении к расширению с ним экономического сотрудничества, содействию в развитии сферы образования, оказанию помощи в создании инфраструктуры и системы энергообеспечения. Со своей стороны, представители стран ЦА выразили обеспокоенность общей обстановкой в Афганистане. И. Каримов высказал мнение, что США не должны спе-

¹ <http://expert.ru/2015/01/8/shtatam-v-uzbekistane-ne-mesto/>

шить с выводом своих войск из этой страны (сейчас американский контингент насчитывает там 10 тыс. военных)¹.

Как опытный политик, И. Каримов учитывает усиление противоречий между Россией и США с их европейскими сателлитами, стараясь поддерживать баланс в отношениях с обеими сторонами. Судя по всему, в Ташкенте осознают опасность, которая может исходить для правящего режима из Вашингтона, и не собираются «класть яйца в одну корзину». На сегодняшний день тесное сотрудничество Ташкента с Москвой обусловлено рядом факторов. Сейчас на первый план выходят вопросы совместного противостояния террористическим угрозам. При этом Узбекистан стремится, даже выйдя из состава ОДКБ, развивать военно-техническое партнерство по линии двусторонних отношений с Россией. Ташкент, собственно, никогда не отказывался от сотрудничества с РФ в сфере безопасности, оснащая свои Вооруженные силы боевой техникой и оружием российского производства.

Судя по всему, в Ташкенте прислушались к настойчивым просьбам Москвы не размещать на своей территории американские военные базы. Во всяком случае, в ходе избирательной кампании И. Каримов заявил, что «самое важное, не допустить присоединения к каким-либо военным блокам, размещения на территории Узбекистана иностранных военных баз и пребывания наших военнослужащих за пределами страны»². Характерно, что особый акцент в ходе избирательной кампании он сделал на таких аспектах внешней политики, как укрепление добрых отношений и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами, но прежде всего – с соседями.

Правда, на аэродроме в узбекском Термезе остается немецкая база, которую бундесвер использовал в качестве транзитного узла для своей группировки в Афганистане. Ташкент и Берлин пришли к соглашению сохранить военно-воздушную базу в Термезе, однако руководство Узбекистана настаивает на повышении арендной платы с 2016 г. в два раза – с 35 до 72,5 млн евро в год. Германия заинтересована в сохранении своего присутствия в Узбекистане, поскольку, как сообщила А. Меркель, бундесвер может остаться в Афганистане и после 2016 г.³

¹ <http://rpg15.wordpress.com/2015/04/23/1417/#more-2466>

² <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1426828680>

³ <http://dw.de/p/1F2Yd>

В многостороннем формате взаимодействие с РФ в сфере безопасности происходит по линии ШОС. В Ташкенте базируется Региональная антитеррористическая структура ШОС, в рамках которой в начале апреля текущего года состоялось совещание представителей спецслужб стран – членов этой организации. Оно было посвящено вопросам противодействия экстремистским группировкам «Исламское государство» и «Партия исламского освобождения», а также политической ситуации в Афганистане. Повестка дня включала также обсуждение программы сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016–2018 гг. Особое место занял вопрос о пресечении попыток использования террористическими организациями интернет-ресурсов¹.

Помимо проблем безопасности, большое, если не определяющее, значение для развития отношений двух стран имеет торгово-экономическое сотрудничество. Россия стабильно занимает первое место среди торговых партнеров Узбекистана (на долю РФ приходится около 27% от объема всей внешней торговли республики). Товарооборот за первые девять месяцев 2014 г. составил 4,5 млрд долл. При этом санкционные войны открыли для узбекских аграриев дополнительные возможности сбыта своей продукции на российском рынке.

О заинтересованности Москвы в развитии связей с Узбекистаном, который является самой крупной по численности населения (почти 31 млн, или немногим менее половины всего населения региона), обладающей богатыми природными ресурсами и военным потенциалом страной ЦА, свидетельствуют итоги официального визита В. Путина в республику в декабре 2014 г. Тогда был подписан ряд важных соглашений и списан долг Узбекистана России в размере 865 млн долл. (Ташкент погасит только 25 млн долл.)².

В числе подписанных документов были Соглашение «Об основных направлениях развития и углубления экономического сотрудничества на 2015–2019 гг.», предусматривающее расширение двусторонних отношений в промышленности, АПК, финансовом и банковском секторах, а также грузоперевозках; Программа сотрудничества между министерствами иностранных дел Узбекистана и России на 2015 г.; Протокол между Министерством внут-

¹ <http://www.regnum.ru/news/polit/1913943.html>

² <http://www.kommersant.ru/Doc/2630086>

ренних дел Узбекистана и Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков об обмене результатами исследований наркотических средств и психотропных веществ, изъятых из незаконного оборота. Было также озвучено решение о проведении консультаций по зоне свободной торговли между Узбекистаном и Евразийским союзом. В ходе переговоров, как отмечали СМИ, И. Каримов отметил стабилизирующую роль России в Центральной Азии¹.

Крайне важной для Узбекистана остается проблема трудовых мигрантов. Как известно, нехватка рабочих мест на родине вынуждает тысячи трудоспособных граждан РУ искать работу в других странах, прежде всего в России. Даже сейчас, несмотря на резкое падение курса рубля, в РФ трудятся около 2,5 млн узбекских мигрантов. Их заработка, перечисляемый в республику, служит важным подспорьем ее экономики.

В итоге можно констатировать, что после своего переизбрания И. Каримов, пользующийся на данный момент поддержкой как Вашингтона, так и Москвы, вряд ли сколько-нибудь серьезно изменит свой внешнеполитический курс и отдаст приоритет той или другой стороне. Однако можно согласиться с мнением эксперта В. Панфиловой о том, что дальнейшее развитие глобальной конкуренции ведет к сужению возможностей многовекторности во внешней политике для таких стран, как Узбекистан.

«Россия и новые государства Евразии»,
ИМЭМО РАН, М., 2015 г., № 2, с. 101–107.

¹ <http://www.odnako.org/blogs/>

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В. Кириченко,

востоковед

(Институт востоковедения РАН, Москва)

ЙЕМЕН: НАПРЯЖЕННОСТЬ НАРАСТАЕТ

На протяжении десятилетий Йемен является ареной борьбы различных политических и религиозных сил. В феврале 2015 г. произошло очередное обострение политической ситуации в этой стране, когда шиитские повстанцы из движения «Ансар Алла» («помощники Аллаха»), или, как их еще называют, хуситы – по имени основателя движения Хусейна Бадра аль-Хуси, совершили в Йемене государственный переворот. Придя к власти, они объявили о роспуске парламента и создании Президентского совета для управления страной. Антиправительственные акции протеста начались в стране в середине августа 2014 г. Демонстранты требовали отставки действующего правительства, а также отмены решения о сокращении субсидий на покупку топлива, поддерживавших малоимущее население¹.

Дело в том, что Йемен – одна из беднейших стран мира. Годовой доход на душу населения в 2013 г. составлял здесь менее 1500 долл. Половина населения в возрасте старше 15 лет неграмотна, особенно это относится к женщинам. При этом население Йемена быстро растет (на 2,5% в 2014 г.) Молодежь не может найти работу. Официально уровень безработицы составляет 35% населения, причем среди 30-летних 65% – безработные². Все это является причинами антиправительственных выступлений.

Месяц спустя демонстрации переросли в столкновения с силами безопасности. Активную роль в противостоянии с вла-

¹ http://ria.ru/arab_ye/20140929/1026109979.html#ixzz3RM8NRUU0

² Fabrice Balanche. Geopolitique du Monde-Orient. dossier № 8102, novembre-decembre 2014. – P. 46.

стями играли шииты-зейдиты из движения «Ансар Алла». В январе 2015 г. после захвата шиитами столицы Йемена города Саны президент Абд Раббо Мансур аль-Хади договорился с повстанцами о вхождении оппозиции во власть и 22 января 2015 г. направил в парламент прошение об отставке. Правительство Йемена также приняло решение сложить полномочия. Но уже 25 января Абд Раббо Мансур аль-Хади передумал покидать свой пост. Однако после формирования Президентского совета отставка аль-Хади стала окончательной. Бывшему президенту удалось бежать из Саны, столицы Йемена, в Аден.

Исторические особенности становления современного юеменского государства, сложная структура его общества, в котором все еще сохранилось влияние племенных структур, а также религиозная неоднородность населения – все это накладывает отпечаток на политическую ситуацию в стране. Йеменская Республика населена многочисленными племенами, отличающимися своими религиозными взглядами. Большинство населения современного Йемена – сунниты-шафииты¹, в северных частях страны, помимо суннитов, проживают шииты-зейдиты². Зейдизм – это умеренный вариант шиизма. В отличие от шиитов-имамитов (основного течения шиизма) зейдиты не признают учения о

¹ Шафиитский вариант суннизма зародился на рубеже VIII–IX вв. Он был назван по имени знаменитого юриста, богослова и знатока мусульманского предания Мухаммада аш-Шафии (767–820). Коран и Сунна рассматриваются шафиитами как единый источник правовых установлений. По сравнению с ханифитским мазхабом (юридической системой) шафиизм позволяет избежать усложненного логического анализа, приняв суждение по аналогии, а в сравнении с маликитским мазхабом не требует детального знания правового комплекса общины города Медины, который в тот период считался эталонным.

² Зейдиты – последователи одной из умеренных сект шиитов. Название секты произошло от имени Зейда ибн Али, внука Хусейна, брата пятого шиитского имама Мухаммеда аль-Бакира (ум. 732). В 739 г. Зейд возглавил восстание за права потомков Али (Алидов), но в следующем году погиб. Потомкам и приверженцам Зейда удалось привлечь на свою сторону жителей юго-западного побережья Каспийского моря и основать в 864 г. в Табаристане, Дейлеме и Гиляне зейдитское государство, просуществовавшее около трех столетий. В X в. в Йемене возникло теократическое зейдитское государство (имамат). Кроме Йемена и Северного Ирана династии зейдитов правили в Марокко VIII–X вв. В Йемене зейдизм смог укорениться и стать идеальным оружием мощного религиозного движения.

«скрытом имаме»¹, кроме того, у них отсутствует институт временного брака, что сближает суннизм и зейдизм. Также у зейдитов отсутствует практика такыйи, позволяющая скрывать свою религиозную принадлежность во враждебном окружении. В отличие от остальных шиитов последователи зейдизма не считают первых трех халифов «узурпаторами». Зейдиты и шафииты могут посещать мечети друг друга, между ними нередко заключаются браки². Также в Йемене проживают шииты-имамиты и исмаилиты. Салафиты, у которых крайне непростые отношения с зейдитами, также укрепили свои позиции в Йемене. В сентябре 2012 г. в результате столкновений салафитов и зейдитов в Йемене было убито 12 человек³.

На политической обстановке в стране отразилось и то, что некоторое время Северный и Южный Йемен развивались независимо друг от друга. На территории Северного Йемена республика была провозглашена осенью 1962 г., но затем началась гражданская война, длившаяся восемь лет. Южный Йемен, бывший британским протекторатом с 1839 г., получил независимость в 1967 г. Оба государства долго воевали между собой, пока 22 мая 1990 г. оба государства не объединились. Однако в 1994 г. вновь вспыхнула гражданская война.

Следует отметить, что обострившееся противостояние шиитского движения аль-хуси и властей Йемена имеет долгую историю. В 1997 г. хуситы начали призывать в мечетях столицы Йемена – Саны и ряда других городов к джихаду против Израиля и США, выводу американских войск из Ирака. Также зейдиты требовали создания независимого палестинского государства и подвергали жесткой критике политику правящего режима⁴.

¹ Мухаммад аль-Махди – так называемый «скрытый» имам – получил название «Владыки эпохи» (Сахиб аз~заман) и «Ожидаемого Махди» (Мунтазар). В 940 г. шиитские теологи объявили о прекращении родословной имамов до возрождения этого «скрытого» имама, который «в конце времен восстановит торжество справедливости».

² Wenner M. W. Modern Yemen 1918–1966. Baltimore 1967. – P. 35.

³ <http://www.naharnet.com/stories/en/54465>

⁴ Нечитайло Д. Призрак имама Зейда. Шииты Йемена намерены взять исторический реванш. http://religion.ng.ru/problems/2010-01-20/5_zeid.html (Сайт НГ – Религии.)

Боевые действия, начатые в 18 июня 2004 г. лидером хуситов Хусейном аль-Хуси¹, охватили многие районы северо-запада Йемена. Руководство Йемена обвиняло Иран в финансировании восстания племен хуси. Однако прямых доказательств этому представлено не было.

После гибели в ходе боевых действий Х. аль-Хуси в сентябре 2004 г. его место занял брат Абдул Малик.

По официальным правительенным данным в результате боевых действий только с июня по октябрь 2004 г. погибло более 800 человек (из которых 473 составляли военнослужащие) и 2588 человек было ранено; ущерб, нанесенный государственной и частной собственности, составил 600 млн долл.².

По данным ООН, конфликт правительства с повстанцами на севере Йемена за пять лет вынудил покинуть свои дома более 250 тыс. человек³.

Что касается источников, из которых повстанцы получали оружие, то на этот счет существует несколько точек зрения. Некоторые эксперты полагают, что хуситы получали вооружение из Ирана, хотя прямых доказательств этому представлено не было. Известны случаи, когда оружие покупалось повстанцами у правительенных войск⁴.

Хуситы требовали от президента Йемена Али Абдаллы Салеха предоставления им возможности участвовать в работе органов местного самоуправления, выделения средств на экономическое развитие провинции Саада, материальной компенсации ущерба, понесенного местными жителями в ходе боевых действий.

12 февраля 2010 г. стало известно о согласовании условий мирного соглашения между повстанцами и правительством. 20 марта 2010 г. президент Йемена объявил об окончании войны с зейдитами. Говоря о нормализации обстановки на северо-западе страны Салех заявил, что зейдиты начали выполнять достигнутые между ними и йеменским правительством договоренности. В частности, зейдиты разминировали дороги, убрали транспортные блокпосты, покинули боевые позиции и захваченные администра-

¹ Шейх Хусейн Бадр Ад-Дин Аль-Хуси – один из лидеров организации *Аш-Шабаб аль-мумин* (Правоверная молодежь). В 1993–1997 гг. был членом Депутатского собрания от округа Марран (провинции Саада).

² <http://i-r-p.ru/page/stream-trends/index-20952.html>

³ <http://ria.ru/world/20100211/208658605.html>

⁴ <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/05-11-09.htm>

тивные центры в провинции Саада и освободили 177 находившихся под их контролем заложников¹.

События «арабской весны» не обошли Йемен стороной, и в феврале 2011 г. политическая ситуация в стране вновь обострилась. Это произошло на фоне переворотов в Тунисе и Египте и антиправительственных выступлений на Ближнем Востоке.

Улицы столицы Йемена заполнили десятки тысяч людей, требовавших отставки тогдашнего президента Али Абдаллы Салеха и правительства Йемена. В ряде мест произошли перестрелки. 26 февраля 2011 г. появились сообщения о том, что два наиболее влиятельных зейдитских племенных союза Йемена – хашид и бакиль – отказали в поддержке президенту страны и перешли на сторону оппозиции².

В конце концов, противостояние президента и оппозиции закончилось отставкой Али Абдаллы Салеха в ноябре 2011 г.³, и передачей власти вице-президенту Абд ар-Раббу Мансуру аль-Хади. Этот шаг позволил разрядить политический кризис, и 21 февраля 2012 г. Абд ар-Раббу Мансур аль-Хади был избран новым президентом Йемена⁴. Правление аль-Хади закончилось приходом к власти в Йемене хуситов в феврале 2015 г.

События в Йемене вызывают опасения Саудовской Аравии. Власти этой страны обвиняют в оказании поддержки йеменским повстанцам Иран – своего стратегического соперника в регионе. Следует отметить, что отношения между Саудовской Аравией и Ираном, несмотря на периодические улучшения, остаются напряженными со времен исламской революции 1979 г. Эти державы издавна конкурируют за политическое влияние в регионе Персидского залива. Это соперничество имеет и конфессиональный аспект. Иран – шиитская держава, а Саудовская Аравия – претендует на роль лидера суннитского мира. При этом иранцы постоянно критикуют Саудовскую Аравию за прозападную политику. В свою очередь, саудиты не довольны тем, что Иран стремится укрепить свое влияние в арабском мире, опираясь на шиитов арабских

¹ ria.ru/world/20100320/215461998.html?id=

² http://lenta.ru/news/2011/02/26/yemen/

³ А.А. Салех отрекся от власти в обмен на предоставление иммунитета от уголовного преследования за преступления, совершенные в период его пребывания на посту президента.

⁴ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Ближний Восток и Африка. 9.04.2012. – С. 13.

стран. Нужно отметить, что сами хуситы отрицают связь с Тегераном.

Ситуацию осложняет и то, что с 2009 г в Йемене действует ячейка «Аль-Каиды». К тому же Йемен занимает стратегически важное положение в юго-западной части Аравийского полуострова. Таким образом, с данной территории легко контролировать движение танкеров, проходящих из Аденского залива через Баб-эль-Мандебский пролив в Красное море. Неконтролируемая береговая линия длиной в 1200 миль в Аденском заливе и Красном море и сухопутная граница с Саудовской Аравией и Оманом длиной в 1000 миль, проходящая в основном по пустыне, делают Йемен идеальным укрытием для «Аль-Каиды», боевики которой могут безнаказанно перемещаться между Афганистаном и Пакистаном, а также через Йемен в Сомали, а тотальная нищета, господствующая в этих четырех странах, обеспечивает им постоянный приток новых боевиков. Внутриполитические и межрелигиозные противоречия, а также слабая экономика сделали Йемен одним из очагов напряженности на Ближнем Востоке.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир».*

К. Азимов,

кандидат исторических наук,

Институт востоковедения (Узбекистан)

НАПРЯЖЕННОСТЬ В РАЙОНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА МОЖЕТ ПЕРЕРАСТИ В ВОЙНУ

Современные конфликты – многослойны. Иногда в их основе лежит какая-либо древняя причина – территориальные претензии, религиозная вражда и т.д., а сегодня к ним подключаются и интересы других государств, которые стремятся ослабить одну из конфликтующих сторон или создать ситуацию, из которой можно извлечь выгоду. Российская пословица «ловить рыбку в мутной воде» отражает суть подобной ситуации.

Типичную картину представляют противоречия между государствами, расположенными в зоне Персидского залива. Большинство из них получили независимость от Великобритании во второй половине XX в.: Кувейт – 19 июня 1961 г., Оман – 23 июля 1970 г., Бахрейн – 14 августа 1971, Катар – 3 сентября 1971, ОАЭ – 2 декабря 1971 г.

В этом же районе находятся крупные и экономически важные государства: Иран, Ирак и Саудовская Аравия. Иран¹ – древнейшее государство региона, его письменная история охватывает почти пять тысяч лет. Более двух тысячелетий Персия входила в число влиятельнейших государств Азии. В 632 г. начались набеги арабов на Персию, которая затем была включена в государство Омейядов. К концу IX в. персым удалось восстановить свою независимость. Летом 1918 г. британские войска оккупировали Иран, и 9 августа 1919 г. было подписано англо-иранское соглашение, устанавливающее британский контроль над экономикой и армией страны. Англичане оставались в Иране при шахе до 1971 г. После низвержения монархии в 1979 г. Иран был провозглашен исламской республикой.

Ирак, с 1534 г. бывший в составе Османской империи, в период 1914–1918 гг. попал под контроль Великобритании. Однако мандат Лиги Наций на территорию Месопотамии, выданный Великобританией, действовал до 1932 г. 3 октября 1932 г. Ирак получил независимость, но реальная власть еще долгое время оставалась у Лондона. В 1958 г. после уничтожения монархии была провозглашена республика (14 июля), хотя английские базы в стране просуществовали еще три года.

Королевство Саудовская Аравия, зарождение которого началось в 1744 г., после объединения Неджда и Хиджаза, было объявлено независимым государством 23 сентября 1932 г. В отличие от вышеперечисленных государств, Саудовская Аравия не была под властью Великобритании. Сегодня на ее территории находятся 12 американских баз (авиабаза короля Абдуль-Азиза в Захране, авиабаза принца Абдуллы бен Абдуль-Азиза в Джидде, авиабаза короля Фахда в аль-Хувият /Таиф/, авиабаза короля Фейсала в Табуке, авиабаза короля Халида в Хамисе /Машита/, авиабаза принца Султана в аль-Харадже, авиабаза Эр-Рияд, авиабаза Джафр аль-Батин, Военно-морская база короля Абдуль-Азиза в Демаме, Королевская база ВМС в Джубайле, Военно-морская база в Джидде, База поисково-спасательных операций ан-Наайрия – в 60 км от границы с Ираком).

Впрочем, военные базы есть в других государствах региона. Естественно, что столь масштабное присутствие иностранных армий (кроме США, здесь базируются вооруженные силы Великобритании и Франции) связано с важностью этого региона, где со-

¹ Название «Персия» оставалось общепринятым до 1935 г.

средоточены колоссальные запасы углеводородов. В начале 2012 г. запасы углеводородного сырья стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)¹ оценивались в 65 трлн долл. Еще 23% мировых запасов углеводородного сырья сосредоточены в соседних Ираке и Иране².

Впрочем, в США из района Персидского залива поступает всего 17% экспортаемой нефти. И тем не менее этот район объявлен «зоной жизненно важных интересов США». Дело в том, что в глобальной конкуренции Вашингтон таким образом контролирует поставки нефти в страны ЕС, Японию и Китай. В свою очередь монархические режимы региона считают США гарантом региональной безопасности³. Подразумевается, что США будет защищать их от Ирана. До недавнего времени именно Саудовская Аравия была главным политическим союзником США на Ближнем и Среднем Востоке, поэтому сдерживание Ирана, как главного конкурента КСА в регионе, позволяло США иметь здесь мощное военное присутствие. Здесь проходят морские пути через Ормузский пролив, который является единственным морским путем, позволяющим экспорттировать газ и нефть в третьи страны, в частности в США⁴.

До получения независимости четко зафиксированных границ между государствами региона не существовало. Это логично, если вспомнить, что до недавнего времени значительная часть населяющих регион племен кочевала. Отношения между племенами базировались на контроле за пастбищами. Иногда племена объединялись, а иногда – особенно после начала кампаний по проведению границ между государствами – распадались. Например, из племени Аназа выделилось сообщество Бани Утба, чьи родственники присутствуют в Катаре, Кувейте, Саудовской Аравии и Бахрейне. Из племени Мудар выделилось сообщество Бану Тамим, представители которого проживают как в Саудовской Аравии, так и в Ираке и Катаре. Когда между племенами возникают противоречия

¹ В состав Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) входят Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия.

² <http://www.belta.by/world/view/zapasy-nefti-i-gaza-shesti-stran-persidskogo-zaliva-otseneny-v-65-trln.-94325-2012>

³ http://dergachev.ru/geop_events/300311-02.html

⁴ По данным Lloyd's, в 2006 г. через Ормузский пролив проходило 33 % глобального экспорта нефти по морю. В середине 2013 г., через пролив проходила пятая часть глобальных поставок нефти.

чия, шейхи вспоминают, какие из них относятся к «благородным», а какие к «низшим». Принадлежность к почитаемому племени или роду и сегодня имеет значение при получении важной государственной должности. Кроме арабских племен в регионе проживают также кушитские семитоязычные племена (из Судана и Эфиопии), а также выходцы из Ирана и африканских стран.

В современной Саудовской Аравии насчитывается более 100 племенных объединений и племен. Не меньше подобных сообществ и в соседних странах. Так, на официальном сайте женщин племени Бани Яс (*банат Бани Яс*) размещены названия 878 племен современных ОАЭ¹. Таким образом, племенной мир Аравии представляет особый общественный организм, на котором, как на каркасе, сохраняется история региона и народов его населяющих.

Границы между государствами до недавнего времени были условными, большая часть которых была создана в колониальный период. Особенно это касается пустынных территорий на Аравийском полуострове. Уже в XX в. на Аравийском полуострове неоднократно вспыхивали вооруженные инциденты, обусловленные взаимными территориальными претензиями государств региона. В 1930-е годы ситуация на Аравийском полуострове изменилась: предоставление иностранным компаниям нефтяных концессий сделало необходимым начать процесс демаркации национальных границ. Одновременно активизировались территориальные претензии, особенно в отношении тех районов, в которых была обнаружена нефть.

Таким образом, территориальные споры, которые изначально существовали между аравийскими государствами, приобрели новый характер: они превратились в схватку за полезные ископаемые, борьбу за участки континентальной и шельфовой частей бассейна Персидского залива, где обнаружены месторождения нефти или природного газа. В качестве примера приведем противостояние между Ираком и Кувейтом (1990). При этом Багдад, претендую на нефтеносные участки соседнего Кувейта, пытался доказать всему миру, что территория Кувейта издавна принадлежала Ираку. Багдад даже получил поддержку у представителей так называемой «арабской улицы», которая поверила С. Хусейну, который обещал потратить доходы от нефти (отобранной у Кувейта) на то, чтобы «стереть Израиль с карты Ближнего Востока».

¹ <http://russianemirates.com/content/re/detail.php?ID=56775>

Кроме межарабских претензий стоит рассмотреть и претензии Ирана. Он, в частности, периодически заявляет о своих правах на Бахрейн и острова Большой и Малый Томб и Абу Муса, находящиеся в Ормузском проливе. Острова имеют стратегическое значение, ибо через Ормузский пролив проходит до 40% мирового экспорта нефти.

В свою очередь даже такое небольшое государство как Бахрейн долгое время претендовал на архипелаг Аль-Хувар (находящийся в 40 км от сухопутной границы Катара)¹. Кроме того, Бахрейн заявил претензии на полуостров Зубара, находящейся под юрисдикцией Катара (северо-западное побережье страны). Еще в 1986 г. Бахрейн предпринял попытку в одностороннем порядке закрепить за собой часть спорной территории (полуостров Зубара), однако армия Катара воспрепятствовала этому. Только благодаря усилиям Саудовской Аравии, конфликт был потушен.

С XIX в. вокруг оазиса Аль-Бурейми бушевали страсти. За него боролись племена, населяющие Королевство Саудовская Аравия, эмирят Абу-Даби (входит в состав Объединенных Арабских Эмиратов) и Султанат Оман. За это время оазис неоднократно переходил из рук в руки. Но в 1952 г. проведенные геологические изыскания выявили наличие нефти в районе оазиса, и тогда власти КСА оккупировали оазис. Спустя три года в конфликт вмешалась Великобритания. В конце концов, Саудовская Аравия признала претензии Абу-Даби и Омана на территорию оазиса, в обмен на предоставление сухопутного коридора для выхода к водам Персидского залива, а также долю в разработках спорного нефтяного месторождения. Что касается территориальных взаимоотношений между КСА и Оманом, то пограничные карты между ними, составленные на основе двустороннего соглашения о демаркации от 1990 г., были окончательно утверждены спустя два года, в 1992 г.

Создав в 1981 г. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, государства – его члены до сих пор не урегулировали многие проблемы. Похоже, что у некоторых из них есть основание не торопиться с демаркацией границ, так как еще неизвестно, что находится в подземных кладовых спорных районов.

¹ Архипелаг Аль-Хувар является важным районом для рыболовства и сбора жемчуга. Не исключалась возможность наличия здесь месторождений нефти и природного газа. Что касается полуострова Зубара, то свои претензии они обосновывали тем, что здесь некогда жили предки правящей в Бахрейне династии Аль Халифа.

Аналогичная ситуация наблюдается в вопросе морской границы между КСА и Кувейтом. Эр-Рияд претендует на острова Карух и Умм-аль-Марадим. В марте 2001 г. вступили в силу соглашения, демаркирующие саудовскую границу с Катаром, включая богатый нефтью район Аль-Хофуз. Но до сих пор не определена большая часть саудовской границы с Йеменом. Еще осенью 1992 г. КСА предложило йеменскому правительству провести демаркацию границы на базе Таифского договора 1934 г., однако тогда йеменская сторона не приняла окончательного решения. В конце 90-х годов это привело к пограничному конфликту. Наконец, стороны создали совместную саудовско-йеменскую комиссию, что привело к снижению напряженности в отношениях, однако, несмотря на подписание в июне 2000 г. договора, определившего разграничение спорной территории, демаркация так и не была осуществлена. Причиной этого стали возражения со стороны ряда племен спорного региона.

ТERRITORIALNYY SPOR MZJDU OMANOM I YEMENOM V 1988 G. PRIVEL K VOORUZHENNYM STOLKNOVENIYAM. V OKTOBRE 1992 G. REZULTATOM PREDPRINYATYX USILIJ OMAN I YEMEN ZAKLЮCHILI SOGLAŠENIE O DEMARKACII, RATIFIČIROVANNOE V KONCE 1993 G. I TOLKO POSLE ETOGO OMAN OTVEL SOVI VOSKA SO SPORNAY TERRITORIYI.

Аналогичный спор имел место между Оманом и ОАЭ. Последние претендовали на мыс Рас-Мусандам и район Аль-Мадха. Пограничная линия между федерацией эмирятов и султанатом была определена в 1999 г., однако этот территориальный спор был окончательно урегулирован только в 2003 г., когда обе страны наконец-тоratificirovali соглашение о границе на всей ее протяженности, включая мыс Рас-Мусандам и район Аль-Мадха.

Сложные отношения существуют между Йеменом и Саудовской Аравией. В 1934 г. между ними разразилась война. Еще весной 1933 г. йеменский эмир Ахмед захватил Наджран¹, который считался частью Йемена, и заблокировал транспортные пути из Асира² в Неджд³. Уже в следующем году саудовцы отбили эту

¹ Наджран – значимый центр производства благовоний ладана и смирны. В древности через город проходил торговый путь, известный как «путь благовоний».

² Асир – административный округ на юго-западе Саудовской Аравии, где преобладают шииты зейдитского толка.

³ Неджд – территория в центре Аравийского полуострова, часть Саудовской Аравии. Здесь расположена столица королевства – Эр-Рияд.

территорию. Характерно, что за спиной каждого из противников стояло европейское государство: Великобритания поддерживала саудовцев, а Италия (опоздавшая к разделу Ближнего Востока) – Йемен. Год спустя стороны согласились разделить спорную территорию. Тем не менее в исторической памяти юеменцев отделение части Наджрана рассматривается как проявление несправедливости.

После нападения Ирака на Кувейт руководство Йемена поддержало С. Хусейна, что противоречило позиции Саудовского королевства. Пытаясь наказать Йемен, саудовские власти выслали из страны более 800 тыс. юеменских гастарбайтеров. Этот недружественный шаг сопровождался антиюеменской кампанией в аравийских СМИ, что реанимировало старые обиды в обеих странах.

Недовольство Саудитов вызывает и стремление Ирана сохранить свое влияние на шиитские общинны, имеющиеся во всех странах Аравийского полуострова, в том числе и в Йемене. Именно в этом вопросе сталкиваются интересы Саудовской Аравии и Ирана. Обе державы претендуют на региональное лидерство и обе имеют сильные стратегические позиции. Как уже сказано выше, Иран контролирует Ормузский пролив. Вторым не менее значимым путем в этом районе является Баб-эль-Мандебский пролив¹, выход из Красного моря между территорией Йемена и африканским побережьем, где расположены государства Джибути и Сомали. Через Баб-эль-Мандебский пролив выходят в Аденский залив Аравийского моря суда, прошедшие через Суэцкий канал, и экспортруется значительная часть нефти и других товаров. Этот путь является наикратчайшим из Европы в Аравию, а затем в Индию или Восточную Африку. Бывший президент Йемена Мансур Хади (2012–2015) по этому поводу сказал, что «если Иран возьмет под свой контроль Баб-эль-Мандебский пролив, то ему уже не надо будет иметь атомную бомбу». Дело в том, что блокирование этого морского прохода вынудит танкеры переориентироваться на маршрут вокруг Африки, а это может заметно поднять цену на перевозку нефти.

¹ Баб-эль-Мандебский пролив расположен между юго-западной оконечностью Аравийского полуострова и Африкой. Ширина Баб-эль-Мандебского пролива в самом узком его отрезке составляет 29 км, что затрудняет движение танкеров, для которых отведено два фарватера по две мили шириной – по одному для каждого направления.

Таким образом, пограничные споры в зоне Аравийского полуострова (в ряде случаев, даже если их разрешение зафиксировано документально) остаются важной причиной сохраняющейся напряженности в этом регионе. Однако территориальные претензии, а также религиозная составляющая конфликтов (суннито-шиитские противоречия) полностью не отражают причину столь длительного существования этих споров. Существует и экономическая мотивация, связанная с наличием в этом районе залежей углеводородов, на контроль за поставками которых претендуют США.

В современной ситуации свою роль играют и интересы региональных «центров силы» – Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия. Даже сам конфликт между этими странами дает возможность США заработать на поставках оружия Эр-Рияду. В 2010 г. КСА истратило на закупку вооружений 45,2 млрд долл., а в 2013 – 52,9 млрд (оценка), что составило 8,9% ВВП¹. Если ранее Саудовская Аравия была единственной арабской страной, которая постоянно входила в первую десятку государств с огромным военным бюджетом, то в 2014 г. КСА заняло первое место по закупкам вооружений, обойдя Индию. Резкое увеличение оборонных расходов королевства при наличии латентных и актуализированных конфликтов свидетельствует о возможном усилении напряженности в Аравийском регионе.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

А. Другов,

доктор политических наук

(Институт востоковедения РАН)

**ИНДОНЕЗИЯ. 70 ЛЕТ БОРЬБЫ,
ПРЕОДОЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

17 августа 2015 г. Республика Индонезия, четвертая страна в мире по численности населения (до 250 млн человек), входящая в первую десятку государств по объему ВВП, отмечает 70-летие суверенного существования. Но фактически ее возникновение как национального образования произошло значительно раньше. Если согласиться с тем, что одним из факторов формирования нации

¹ Les armées du Golfe face à l'état islamique. – P., 2015. – P. 68.

является общность судьбы, то Индонезия – лучшее тому доказательство: горькая колониальная судьба объединила в рамках индонезийской нации этносы и группы населения, весьма различавшиеся в этническом, культурном, религиозном и цивилизационном отношениях.

Из всех колонизаторов Индонезии достался едва ли не самый консервативный и паразитический – Нидерланды. Не будучи по преимуществу индустриальной страной, Голландия не стремилась создать в колонии емкий рынок для своих товаров. Как писал австралийский ученый Г. Фит, голландцы были движимы основным империалистическим побуждением – «желанием привнести в мировую экономику продукты, произведенные народом, но не сам народ, одновременно сохранить экономический пирог и поедать его, производя капиталистические товары руками докапиталистических рабочих»¹. Это вело к консервации общинных отношений, в особенности в деревне, традиционной политической культуры, сословных различий, аристократических титулов и привилегий.

Этот фактор замедлил, но не предотвратил рост национальной самоидентификации и, соответственно, национального движения, в котором на разных этапах доминировали разные течения сначала мусульманское, а с середины 1920-х годов – светское националистическое, признанным лидером которого был Сукарно (1901–1970). Национальная идея освободительного движения весьма точно прозвучала в так называемой Клятве молодежи 28 октября 1928 г., провозгласившей три принципа: одна страна – Индонезия, одна нация – индонезийцы, один язык – индонезийский².

Отметим два важных обстоятельства. Первое. До 90% населения исповедуют ислам (наряду с христианами, индуистами, буддистами, конфуцианцами и последователями автохтонных верований), но религия не присутствует здесь в качестве объединяющего фактора. Второе. Вышеназванные принципы не отрицали различий, о которых говорилось выше. В основу индонезийского языка был положен малайский, который был введен в качестве государственного (он уже фактически использовался как средство межэтнического общения), что не умаляло достоинства ни одного этноса, говорящего на другом языке. Лозунг «Единство в многообразии», высеченный на гербе независимой Индонезии, – органичная часть национальной идеи индонезийцев.

Успех в бизнесе, коммерции не стал жизненной целью для большинства индонезийцев. Это была сфера деятельности колони-

заторов и местных «инородцев», в массе своей этнических китайцев. Отсюда преобладание в умах людей патриархального антикапитализма, который политическими и общественными деятелями Индонезии того времени рассматривался как неизменно и навечно данная характеристика нации. Последовательным проводником этой идеи был Сукарно³. Еще в 1926 г. он выдвинул концепцию единства трех течений в антиколониальной революции – националистического, религиозного и коммунистического. К началу 1930-х годов формулирует идеологию национального движения, в основе которой лежали идеи соционационализма – сочетания принципа национальной независимости с социальной справедливостью и социodemократии, т.е. демократии, несущей в себе все те же принципы социальной справедливости.

После завоевания независимости в 1945 г. индонезийскому народу, в соответствии с провозглашенным лозунгом, предстояло создать справедливое и процветающее общество на основе политического и экономического равноправия, коренным образом отличающегося от буржуазной западной демократии. Эксплуатация человека человеком в принципе исключалась как противоречащая традициям Индонезии⁴.

Это устраивало всех – и патриархальную массу, желавшую всеобщего равенства, и идеалистов, и трезво мыслящих политиков, понимавших иллюзорность этих построений, но считавших несвоевременным конкретизировать различия в подходах к путям официального развития до обретения независимости. Согласно Сукарно, индонезийский национализм органично сочетается с интернационализмом. Это подтвердилось в ходе Второй мировой войны.

Лидеры национального движения не связывали достижение независимости с поражением метрополии. Они даже предлагали правительству Нидерландов союз против агрессоров, встретив высокомерный отказ. После нападения Гитлера на СССР Сукарно безоговорочно выступил на стороне Советского Союза. Японская оккупация архипелага в 1942–1945 гг. вызвала сопротивление лишь незначительной части населения. Первоначальное восприятие было – Восток взял верх над Западом. Сукарно и ряд его соратников сотрудничали с оккупантами, но хотя население сравнительно быстро разбралось в подлинных целях японцев, отношение к национальным лидерам не изменилось даже со стороны антияпонского сопротивления.

Рождение независимого государства

Провозглашение независимости 17 августа 1945 г., на первый взгляд выглядевшее как акция группы радикальных националистов с молчаливого согласия японских военных властей, на деле было подготовлено предыдущим ходом истории страны. Возвращение голландцев, бросивших в 1942 г. колонию на произвол судьбы, было невозможно, хотя они и английские войска, высажившиеся здесь в октябре 1945 г., этого не понимали. Началась четырехлетняя антиколониальная война.

До высадки англо-голландских десантов республиканцы успели создать основные атрибуты суверенного государства – были избраны президент и вице-президент, соответственно – Сукарно и Мохаммад Хатта, принята Конституция и сформировано правительство.

В преамбулу Конституции вошли сформулированные Сукарно пять принципов национальной идеологии – Панча сила (что на санскрите означает пять принципов): религиозность (при этом указывалось, что каждый гражданин волен самостоятельно избирать религию); справедливый и цивилизованный гуманизм; единство Индонезии; народность на основе консультаций и представительства; социальная справедливость для всего народа. Представители мусульман не добились включения статьи, обязывающей их единоверцев соблюдать законы шариата⁵.

Достоинства Панча сила естественным образом совпали с ее слабостями. Если не считать обязательной религиозности и единства Индонезии, остальные принципы были сформулированы так, что их без труда приняли все слои общества и течения в надежде вложить в них свое содержание при благоприятных условиях.

Как писал отечественный индонезиевед В.А. Цыганов, основными движущими силами индонезийской национальной революции были: пролетариат, крестьянство, национальная и мелкая буржуазия, интеллигенция, а также часть аристократии и даже некоторые владетельные князья⁶.

На первоначальном этапе объединяющей была идея завоевания независимости, которую поддерживали сторонники практически всех религий, кроме католиков Восточной Индонезии, у которых обозначилась тенденция отделиться от республики. Но широта политического и социального спектра порождала и глубокие различия интересов составляющих его групп, временно отсту-

павшие перед общим стремлением к освобождению от колониальной зависимости.

Идея органичной целостности индонезийского общества, единства интересов всех этносов и социальных слоев очень скоро подверглась серьезным испытаниям. Различия между отдельными частями освободительного движения – националистами, мусульманами, коммунистами – постепенно обретали реальные очертания. Однако Сукарно с самого начала придерживался выдвинутой им еще в 1926 г. концепции единства названных выше трех течений в революции.

С окончанием антиколониальной войны в 1949 г. встала проблема выбора пути развития в условиях разоренной экономики, нищеты и безработицы в сочетании с завышенными ожиданиями населения. Видный государственный деятель Индонезии Али Састроамиджо писал: «В Индонезии нужно было бороться против туземного образа мышления людей и заменять его чувством принадлежности к индонезийской нации. Кроме того, в колониальный период наш народ никогда не был вовлечен в экономический процесс иначе, как в качестве дешевой рабочей силы»⁷.

Отсюда труднопреодолимые проблемы с выработкой и предложением обществу программы социально-экономического развития, которая в любом варианте должна была обнажить и, что еще важнее, институировать социальные различия в обществе, покончив с идеей всеобщего братства, усугубить этнические противоречия, поскольку в Индонезии различия экономических ролей опасно совпадают с этническим делением.

Армия, сформировавшаяся в ходе антиколониальной войны на полупартизанской основе, продолжала видеть себя самостоятельной политической силой, равноправной с гражданской властью. Эта самоидентификация отчетливо отразилась в письме главнокомандующего вооруженными силами республики генерала Судирмана президенту страны в августе 1949 г. Упрекая его за недостаточную твердость в отношениях с голландцами, Судирман писал: «Есть только одно национальное достояние, сохраняющее цельность, несмотря ни на что, и это достояние – Национальная армия Индонезии... С правительством или без него, армия будет и впредь защищать независимость страны»⁸. Единство в рядах армии главком несколько преувеличил, тем не менее его позиция станет доктриной индонезийских вооруженных сил на несколько десятилетий.

На повестке дня стояли ключевые вопросы, касавшиеся выбора путей социального и экономического развития страны – ставка на частный или государственный сектор, возможность и масштабы привлечения иностранного капитала, аграрная политика, внешнеполитическая ориентация. Их практическое решение не укладывалось в рамки «индонезийского социализма». Но в стране не было силы или блока сил, способных своим авторитетом разработать, «продавить» и претворить в жизнь программу развития, способную решить эти вопросы.

Парламентские выборы в 1955 г. показали существенную поляризацию политического спектра. Обозначились четыре ведущие партии, причем существенно нарастила свои силы компартия Индонезии, занявшая 4-е место с 16,4% голосов. (Двумя годами позже, на выборах в местные органы власти коммунисты окажутся на первом месте.) Этот феномен свидетельствовал о неудовлетворенности значительной части общества результатами национальной революции⁹.

Выход на мировую арену

В этой ситуации вопросы внешней политики выдвигаются на авансцену политической жизни, доминируют в ней. В реальности распределение приоритетов было подчинено интересам внутренней политики, а внешнеполитическая риторика по преимуществу была призвана обеспечить сохранение соответствующего баланса сил и интересов. В этой сфере находили удовлетворение остаточный революционный романтизм масс, поиск целостной картины мироздания путем деления на «своих» и «чужих»: бывших колонизаторов и их сторонников, с одной стороны, народов бывших колоний и их союзников – с другой. Таким образом, вся мера ответственности за внутренние трудности перекладывалась на внешних врагов с их интригами.

Была принята доктрина активной и независимой внешней политики. Как писал вице-президент Индонезии М. Хата (1949–1956), присоединение страны к одному из блоков осложнило бы внутреннюю ситуацию и помешало бы консолидации национальных сил¹⁰. Сукарно был одним из архитекторов Конференции стран Азии и Африки в Бандунге в апреле 1955 г., принявший 10 принципов мирного сосуществования между странами с различными политическими системами. В Бандунге впервые нашла

свое реальное воплощение тенденция к созданию многополярного устройства будущего мира¹¹.

С визита Сукарно в СССР и Китай в 1956 г. начался подъем отношений Индонезии с социалистическими странами. К концу 1950-х годов на первый план выдвигается проблема Западного Ириана – западной части острова Новая Гвинея, которую в одностороннем порядке удерживали Нидерланды после 1949 г. Позиция Индонезии юридически была обоснованной, но сугубо внутренние факторы побуждали правительство и основные политические силы сделать эту проблему центральной в жизни страны.

В то же время в 1956 г. усилился сепаратизм на Суматре, а затем и на Сулавеси. Имели место попытки военного переворота со стороны крайне правой фракции офицерства. С конца 1940-х годов не прекращалась партизанская борьба за создание исламистского государства на Западной Яве. Уже тогда было известно, а позже подтверждено фактическими данными, что сепаратистов на Суматре и Сулавеси поддерживали правительства США и других западных стран, обеспокоенные усилением влияния левых сил в Индонезии и одновременно стремившиеся упрочить свой контроль над нефтью Суматры.

Это был стратегический просчет Запада, который на десятилетия, вплоть до наших дней, посеял недоверие к нему в Индонезии. Хотя сепаратисты использовали такой популярный аргумент, как неравномерность в распределении доходов между центром и регионами, массовой поддержки населения они не получили. Основная часть офицерского корпуса также осталась верной единству страны. В сознании большинства индонезийцев сепаратизм есть тяжкий грех против нации.

В этих условиях Сукарно в 1957 г. призвал отказаться от парламентской системы в пользу режима «направляемой демократии», главой которого он видел себя. Реакция основных политических сил на эту инициативу была сдержанно позитивной (кроме крупнейшей мусульманской партии Машуми и Социалистической партии). Опять-таки все сторонники реформы надеялись со временем наполнить ее своим содержанием. Не получив согласия Учредительного собрания, Сукарно в 1959 г. распустил его, вернув страну к Конституции 1945 г. с президентской формой правления.

Страна нуждалась в срочной разработке и выполнении программы социально-экономического развития. Был сделан другой выбор.

После того как в 1949 г. Нидерланды официально признали политический суверенитет Индонезии, согласно двусторонним соглашениям, к индонезийскому республиканскому правительству перешла вся полнота власти на территории бывшей Голландской Ост-Индии, включая западную часть Новой Гвинеи, за исключением Западного Ириана. Последний было решено оставить под контролем Нидерландов до окончательного урегулирования вопроса о дальнейшей судьбе этой провинции.

В 1950 г. на переговорах между Нидерландами и Индонезией голландская делегация отвергла предложение индонезийского правительства о переходе Западного Ириана под контроль Индонезии. Руководство Индонезии взяло курс на освобождение Западной Новой Гвинеи от голландских колонизаторов. На территорию провинции были введены индонезийские вооруженные силы. Одновременно с помощью профсоюзов были подняты на забастовку индонезийские рабочие, занятые на голландских предприятиях в Западном Ириане.

Борьбу за возвращение Западного Ириана поддерживали все основные силы – националисты, коммунисты, полагавшие, что антиимпериалистическая борьба будет революционизировать массы, и военная элита, видевшая в поддержании внешнеполитической напряженности для себя двойную выгоду – упрочение и расширение политической роли армии, а также повод потребовать модернизации и переоснащения вооруженных сил.

Это требование военных было успешно осуществлено с помощью СССР: по качеству вооружений авиация, флот и, в меньшей степени, сухопутная армия к 1963 г. шагнули из периода Второй мировой войны в современную эпоху.

Под угрозой вооруженного конфликта Голландия капитулировала. 15 августа 1962 г. было подписано соглашение о передаче Западного Ириана под управление Временной исполнительной администрации ООН. 21 сентября 1962 г. Генассамблея ООН приняла решение о переходе с 1 мая 1963 г. провинции Западный Ириан под управление Индонезии.

Индонезийцы восприняли это как великую национальную победу. Роль, сыгранная Советским Союзом в достижении этой победы, создала на многие десятилетия благоприятную репутацию нашей страны в индонезийском обществе и в вооруженных силах в частности.

Больше всех выиграла армия. Иностранные предприятия, национализированные в ходе ряда кампаний у голландских, бель-

гийских, а позже и британских владельцев, в условиях военного положения, связанного с борьбой против мятежей и Ирианской кампанией, переходили под прямой контроль военных властей на местах. Во второй половине 1950-х годов зарождается слой бюрократической буржуазии, приобретавшей собственность за счет расхищения госсектора экономики и, вместе с этим, собственные политические и экономические интересы. Для генералов сохранение внешней напряженности в антиимпериалистическом облачении отвечало, прежде всего, именно этим интересам. Армия наряду с другими политическими силами поддержала провозглашенный Сукарно в 1963 г. курс на противостояние Малайзии – федерации, в которую вошли бывшие британские колонии Малайя, Сингапур, Саравак и Северное Борнео.

В отличие от Ирианской кампании, «противостояние» с Малайзией, принимавшее порой форму вооруженного конфликта, не получило значимой международной поддержки. Исключение составило маоистское руководство КНР. Последовало охлаждение отношений с СССР как по государственной линии, так и между коммунистическими партиями двух стран. Осложнились отношения и со странами Движения неприсоединения, одним из основателей которого в 1961 г. была Индонезия. В 1965 г. Индонезия вышла из ООН, предложив создать аналогичную «революционную» организацию.

Внутри страны на политической арене открыто противостояли друг другу трехмиллионная компартия и армия, видевшая в коммунистах единственных соперников. Сукарно маневрировал, но его возможности при всей сохранявшейся популярности были ограничены. Но и внутри вооруженных сил развивались противоречия между средним и младшим офицерством, с одной стороны, и коррумпированной верхушкой – с другой, а также между флотом и авиацией, фактически не допущенными к приватизированной собственности иностранцев, и сухопутной армией, осуществлявшей всю полноту власти на местах.

Есть основания предположить, что армейская верхушка готовила государственный переворот. Лето 1965 г. отмечено концентрацией на Яве наиболее боеспособных армейских соединений¹². Выступление группы офицеров президентской охраны в ночь на 1 октября 1965 г., арестовавших и расстрелявших шестерых армейских генералов по обвинению в заговоре против Сукарно, стало кульминацией назревавшего политического кризиса.

В течение одного-двух дней их выступление было подавлено армией. Генералы объявили его антипрезидентской акцией, за которой якобы стояла компартия, что не соответствовало истине. Начался массовый террор против левых сил, в ходе которого погибли до 3 млн человек.

Вместе с армией действовали исламистские группировки, которые сводили счеты с коммунистами. Политическим орудием в руках армии стали студенты, которых не устраивал режим личной власти Сукарно, не сознавая, что они прокладывают армии путь к созданию жестокого репрессивного режима на предстоящие 32 года. Армия получала активную помощь и поддержку дипломатии и спецслужб США.

В результате вся власть в стране перешла в руки военных. Согласно указу Сукарно, право действовать от его имени получил главнокомандующий Вооруженными силами, министр обороны Хаджим Мухаммед Сухарто. После последовавшей вскоре окончательной отставки первого президента Индонезии Сухарто стал сначала временно исполняющим обязанности президента, а затем – с 1968 по 1998 г. – официально занимал пост президента страны.

Конец эры Сукарно

Смещение Сукарно не было исторической случайностью и стоит в ряду аналогичных событий в других освободившихся странах – падение У Ну в Бирме, Кваме Нkrумы в Гане, Бен Беллы в Алжире и др.

Национал-народническая идеология лидеров «первой волны», переоценка готовности людей к социалистическим преобразованиям не отвечали новым потребностям общества. Но Сукарно стоит особняком в этой плеяде. Умерший под домашним арестом 21 июня 1970 г., он вскоре после смерти вновь стал для многих олицетворением национальной идеи в условиях засилья иностранного капитала и углубления социального неравенства.

О кровавой трагедии, которой сопровождался приход армии к власти, написано уже много, но эта тема не скоро будет исчерпана и остается самым темным пятном на самосознании индонезийцев, которые в большинстве своем до сих пор не готовы обсуждать ее сколько-нибудь откровенно.

«Новый порядок»

Социальная функция «нового порядка» заключалась в создании благоприятных условий для перевода страны на рельсы ускоренного капиталистического развития. Однако на этом пути оказалось немало труднопреодолимых препятствий. Экономическое развитие было невозможно без привлечения иностранных инвестиций. К тому же укоренившиеся в обществе традиции антиимпериализма и антикапитализма стали серьезным препятствием для реализации данного курса. Воинствующий антикоммунизм нового режима в сочетании с потребностью в иностранных кредитах не только сближал страну с Западом, но и ставил под угрозу традиционные принципы свободной и независимой внешней политики; экономическое развитие по капиталистическому пути с неизбежностью обнажало и усугубляло социальные противоречия.

Отвлекаясь, насколько это возможно, от нравственных и гуманитарных оценок поведения армии в 1965–1966 гг., следует признать, что военные обладали определенным, хотя и ограниченным, опытом экономической и административной деятельности, полученным в предыдущие годы, а также сравнительно высокой степенью организованности и дисциплины. Армия стала центром власти, источником всей политической, идеологической и законодательной инициативы. Военные опирались на доктрину, в соответствии с которой армия была объявлена самостоятельной политической силой, представленной во всех органах власти в центре и на местах. Сухопутные войска повсюду, вплоть до самых отдаленных деревень, имели собственный аппарат управления. Флот и авиация в островной Индонезии, предназначенные для отражения внешней угрозы, не были наделены существенными внутренними функциями.

Под лозунгом «стабильность во имя развития» были жестко ограничены политические и гражданские права населения. Официально запрещалось обсуждение четырех наиболее чувствительных проблем: отношения между расами, этносами и социальными слоями, а также религиозные проблемы.

С запрещением идеологии социализма ислам стал единственным учением, несшим идеи равенства и справедливости, а мечеть – единственным духовным прибежищем для низов. Партия единства и развития, объединившая в 1973 г. четыре мусульманские партии, не контролировала события на низовом уровне, тем более что ей был закрыт доступ в деревню.

Разработка экономической стратегии была возложена на группу индонезийских экономистов западной школы, получивших в политическом обиходе название «Берклийской мафии» за их ориентацию на всемерное привлечение иностранного капитала. Авторы вышедшей в 1999 г. в Москве работы «Юго-Восточная Азия: Люди и труд» разделили процесс модернизации стран этого региона, включая Индонезию, на два этапа. На первом – приоритетное развитие предприятий с трудоемкими технологиями, ориентированных преимущественно на производство экспортной продукции. На следующем этапе, примерно со второй половины 1980-х годов, – переход к росту производства с более совершенной технологией, от трудоемкого к капиталоемкому, к смене экспортной номенклатуры¹³.

Число людей, живших за чертой бедности, снизилось, по официальным данным, с 70 млн (60% населения) в 1970 г. до 22,5 млн (11,3% населения) в 1996 г.¹⁴ Средняя продолжительность жизни возросла с 46 лет в 1967 г. до почти 63 лет в 1993 г.¹⁵ Во внешней политике шло сближение «нового порядка» с Западом, прежде всего с США. В то же время национализм, идея национальной самобытности оставались стержнем внешнеполитической психологии. Индонезия стала фактическим лидером Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), созданной в 1967 г. По мере роста экономического потенциала, общество в целом и его элиты, включая военную, все более ощущали необходимость диверсификации внешних связей. В 1989 г. состоялся государственный визит президента Сухарто в СССР, в середине 1990-х годов были предприняты шаги к налаживанию военно-технического сотрудничества с РФ, чему тогда помешал финансово-экономический кризис.

Смена режима

После распада СССР Вашингтон перестал нуждаться в «новом порядке» как проводнике жесткой антикоммунистической линии в регионе, и Сухарто даже говорил премьер-министру Сингапура Го Чок Тонгу, что Запад решил его свергнуть¹⁶. Независимо от того, существовали такие намерения у Вашингтона или нет, характерен сам факт наличия этих подозрений у индонезийского лидера. Но главные причины падения «нового порядка» крылись в другом.

Азиатский финансовый кризис 1997 г. нанес огромнейший урон индонезийской экономике. Резко упал курс национальной

валюты, иностранные инвесторы начали выводить капиталы из Индонезии. Промышленное производство значительно сократилось, начались увольнения рабочих и массовые демонстрации граждан, в основном студентов, недовольных внутренней политической Сухарто.

История независимой Индонезии позволяет анализировать исторический потенциал авторитаризма путем сравнения двух авторитарных режимов – «направляемой демократии» и «нового порядка».

Режим личной власти Сукарно действовал под лозунгами и в интересах национального и государственного строительства, упрочения суверенитета страны и ее места в мире. Методы «направляемой демократии» заключались в мобилизации политического участия населения в рамках антиимпериалистического единства. Параллельно с достижением этих позитивных целей внимание масс отвлекалось от социальных проблем. «Направляемая демократия» достигла первого «кластера» целей, и Сукарно вошел в историю страны как отец-основатель национального государства. В определенный момент на первый план стали выдвигаться другие объективные потребности – экономическое и социальное развитие. Этот этап должен был стать продолжением эпохи Сукарно, но к такому переходу не были готовы ни общество, ни его лидер.

Авторитаризм «нового порядка» имел своей главной целью принуждение общества к переходу на путь капиталистического развития, к чему в массе своей не были расположены индонезийцы, впитавшие общинные традиции и эгалитаризм Сукарно. Здесь уже нельзя было даже имитировать политическое участие. Это не значит, что общие задачи, поставленные правящей элитой, не совпадали с интересами развития общества, нации. Но военная верхушка с ее идейным потенциалом была не способна убедить, хотя бы политически, социально активную часть общества в том, что предлагаемый путь совпадает с его долгосрочными потребностями, и, опираясь на это, постепенно отказываться от насилия в пользу расширения политических свобод. Кроме того, демократизация противопоказана коррупции, ставшей подлинной культурой «нового порядка» (не этот режим ее создал, но он придал ей системный характер).

Авторитаризм имеет тенденцию растлевать его носителей. Кажущаяся эффективность принуждения коррумпирует политическую культуру и элиты, и общества. Авторитарные режимы становятся собственными заложниками, не имея ни смелости, ни

«физической силы ума», чтобы адаптироваться к изменениям в обществе, в том числе и к тем, что порождены ими же пропагандируемым развитием.

Уже в 1979 г. политолог, а в будущем государственный деятель Индонезии Ювоно Сударсоно предупреждал, что чем дольше «новый порядок» будет удерживать всю полноту власти, тем больше вероятность возникновения в обществе дискуссий относительно путей развития и демократизации, и главной причиной станут успехи, достигнутые в экономике. По его словам, «политический формат, созданный в 1966–1967 гг. и коренящийся в доминирующей роли вооруженных сил, сухопутной армии, уже не отвечал требованиям времени»¹⁷.

Девятью годами позже Рахмат Витулар, видный деятель партии власти, подчеркивал, что уровень экономического развития позволяет людям стремиться к более демократическому и открытому образу жизни¹⁸. Подобные взгляды высказывали и некоторые военные деятели, но их быстро убирали с политической авансцены. Вырождение режима выражалось и в поведении его главы. Соратник Сухарто вице-президент Б.Ю. Хабиби писал впоследствии, что сколько-нибудь откровенная дискуссия с главой государства была невозможна, рождался нефеодализм¹⁹.

Менялась социальная структура общества. Средний класс формировался в значительной мере за счет предпринимателей и лиц свободных профессий, чье благосостояние непосредственно не зависело от государственной власти. В условиях авторитарного режима возникало противоречие между приватизацией, постепенным снижением государственного регулирования в экономике, с одной стороны, и сверхэтатизмом в политике и идеологии в сочетании с коррупционным вымогательством власти имущих – с другой.

Средний класс становится носителем демократической идеи, когда режим исчерпывает свои функции «инкубатора» для этого слоя или когда политика власти грозит ему гибелью. К 1980-м годам начала обозначаться первая из этих возможностей, а к концу 1990-х – и вторая.

В марте 1998 г. Народный консультативный конгресс переизбрал Сухарто на очередной президентский срок. Но уже два месяца спустя во время столкновений с полицией были убиты четыре студента. Этот инцидент вызвал массовые беспорядки, в результате которых погибло более тысячи человек. 2 мая 1998 г. Сухарто объявил о своей отставке с поста президента; в соответствии

с Конституцией, власть перешла к вице-президенту Бухаруддину Хабиби, избранному на этот пост двумя месяцами ранее.

Отставка Сухарто не была революцией в том смысле, что не знаменовала изменений в классовом характере индонезийского общества, в формах собственности, в социально-политическом укладе. Не сменился, в целом, и правящий слой – бюрократия при некотором снижении политической роли ее военного сегмента. Произошла смена режима, была принята новая совокупность средств и способов реализации государственной власти, более соответствующая потребностям общества.

В 1999–2002 гг. был осуществлен ряд коренных демократических реформ: разрешено свободное формирование политических партий, внесены четыре пакета поправок в Конституцию, которая ранее была абсолютно неприкосновенной. В Основной закон включена глава, гарантирующая права человека, введены прямые выборы президента и вице-президента, создана палата, представляющая регионы. Изменения в Конституции стали без преувеличения эпохальным событием в формировании индонезийской государственности. Конечно, титул «третьей демократии мира» (по численности населения после Индии и США) Запад с долей заискивания присвоил поставторитарной Индонезии несколько преждевременно, но конституционные основы демократии были действительно заложены.

Однако ее реальное и полное воплощение в жизнь требует по крайней мере три взаимодополняющих условия – коренные изменения в политической культуре, формирование гражданского общества и существенное повышение эффективности государственной власти в обеспечении заложенных в Конституции прав и свобод. Характерно, что президент С.Б. Юдойоно (2004–2014) в ряде своих последних выступлений призывал соотечественников проявлять большую гражданскую инициативу, а его преемник Джоко Видодо говорит о необходимости изменения менталитета, духовной революции, вкладывая в это понятие в целом то же содержание.

Снятие ограничений политической деятельности, как это бывает в поставторитарных обществах, имело неоднозначные, но вполне предсказуемые последствия. На поверхность вырвались противоречия, которые «новый порядок» загонял вглубь. Активизировались сепаратисты на севере Суматры, в Папуа и на Молуккских островах, радикальные исламисты, часто опиравшиеся на

разветвленную сеть мечетей и духовных училищ, не останавливались перед террором.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов в стране и за ее пределами всерьез говорили о возможности «балканизации» Индонезии. В то же время при всех проявлениях конфессиональных противоречий, Индонезия остается одной из стран с преобладающим мусульманским населением с самым высоким уровнем религиозной терпимости.

Значительная часть генералитета не смирилась с поражением, выразившемся в падении «нового порядка», объявив демократические реформы не соответствующими идентичности индонезийского общества, а изменения Конституции – противоречащими национальной идеологии. Фактически, военные реваншисты и исламские радикалы смыкаются в неприятии демократических преобразований при наличии глубоких противоречий между ними. Военные не приемлют идею исламизации Индонезии, угрожающую распадом государства. Но и те, и другие ссылаются на недостаточную эффективность власти, происходящую из разобщенности внутриполитической элиты.

В 2014 г. Индонезия вошла в первую десятку стран мира по объему ВВП (2,3% от мирового объема), при том, однако, что ее население составляет 3,6% мирового. Вместе с тем в последнее время темпы роста снижаются с 6–7% в предшествующие годы до 5,2% в 2014 г. Одновременно развиваются два параллельных процесса – рост доходов на душу населения (с 10,5 млн рупий в 2004 г. до 35,6 млн в 2014 г.) и углубление социально-имущественного расслоения. Индекс GINI (единица – полное равенство и ноль – глубочайшее неравенство) вырос с 0,34 в 2005 г. до 0,41 в 2014 г.²⁰

Новый президент – большие надежды

В 2014 г. президентом страны был избран Джоко Видодо, начавший свою карьеру мебельным мастером и прошедший ступени владельца фирмы, мэра областного центра и губернатора столицы. Это первый случай вступления на этот пост деятеля, не являющегося выходцем из военной, гражданской или мусульманской элиты. На первом этапе элита проявила себя менее зрелой, чем электорат, который быстро принял результаты выборов. Произошел раскол в рядах некоторых партий, недовольных тем, что они

остались вне исполнительной власти. Новому президенту приходится иметь дело и с противоречиями между властными структурами.

Будущее покажет, в какой степени результаты президентских выборов отразили необратимые изменения в политической культуре, отход от сакрализации власти, присущей традиционным представлениям индонезийцев, реальную модернизацию общества. Программа нового правительства предполагает ускорение темпов экономического развития, в том числе и за счет привлечения иностранных инвестиций, развитие инфраструктуры, превращение Индонезии в мировую морскую державу, продолжение курса прежнего кабинета на резкое повышение уровня переработки рудного сырья внутри страны.

Во внутренней политике обозначается курс на более последовательное противостояние исламскому радикализму, обеспечение прав человека, этнических и религиозных меньшинств, упрочение веротерпимости и принципов плюрализма, продолжение борьбы с коррупцией. Лидеры наиболее массовых мусульманских организаций видят свою задачу в том, чтобы Индонезия стала примером умеренного ислама, органично сочетающегося с демократическими нормами жизни. Очевидно, однако, что осуществление этого курса будет в значительной мере зависеть от преодоления расколов в элите, от наличия в ней соответствующей политической воли.

Масштабное празднование в апреле 2015 г. 60-й годовщины Бандунгской конференции стран Азии и Африки, тональность выступлений Джоко Видодо приводят к выводу, что в определенном смысле речь идет о возвращении к наследию Сукарно – повышению роли стран Азии и Африки в мире, усилению роли этих двух континентов в ООН, упрочению их солидарности. Индонезия явно видит себя одним из лидеров не только в Юго-Восточной Азии, но и в Азии в целом.

* * *

История независимой Индонезии свидетельствует, что при самых трагических изломах, когда на кону стояла судьба страны, индонезийская нация преодолевала все центробежные тенденции и верх брали принцип «Единство в многообразии» и, в конечном итоге, выход на более высокую ступень развития. Как отмечают многие аналитики, если нынешние тенденции сохранятся, в тече-

ние ближайших десятилетий Индонезия войдет в число самых развитых экономик мира.

Литература

- ¹ Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. – N.Y., 1962. – P. 9.
- ² В СССР принципы «Клятвы молодежи» были восприняты почти сразу же. В 1932 г. вышла книга А.А Губера «Индонезия. Социально-экономические очерки», которая остается краеугольным камнем отечественного индонезиеведения, а автор – основоположником этой ветви востоковедения. В 1942 г. (!) Политиздат выпустил книгу того же автора «Индонезия и Индокитай».
- ³ Подробнее о взглядах Сукарно см., в частности: Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. – М., 1980; Сукарно. Политик и личность. К 100-летию со дня рождения. – М., 2001.
- ⁴ Sastroamudjojo Ali. Tonggak-Tonggak di Perjalananku Cetakan ke-1 (Вехи на моем пути). Jakarta, 1974. Hal. 315. Подробнее см.: Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. – М., 2005. – С. 107.
- ⁵ Подробнее о формировании Панча сила см., в частности: Сукарно. Индонезия обвиняет. – М., 1956. – С. 251–273.
- ⁶ Цыганов В.А. История Индонезии. Часть 2. – М., МГУ, 1993. – С. 59.
- ⁷ Там же. – С. 59.
- ⁸ Цит. по: Jenkins D. Suharto and His Generals. Inndonesian Military Politics 1975–1983. – Ithaca, N.Y. – Р. 53, 63.
- ⁹ Цыганов В.А. Сукарно. Творец и романтик «идеологии единства» // Сукарно. Политик и личность... – С. 73.
- ¹⁰ Hatta M. Dasar Politik Luar Negeri Republik Indonesia (Основы внешней политики Индонезии). – Jakarta, 1953. Hal. 27.
- ¹¹ Шолмов Ю.А. Россия – Индонезия. Годы сближения и тесного сотрудничества (1945–1965). – М., 2009. – С. 181.
- ¹² См.: Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». – М., 1969. – С. 147–148.
- ¹³ Барышникова О.Г., Попов А.В., Шабалина Г.С. Юго-Восточная Азия: Люди и труд. – М., 1999. – С. 21.
- ¹⁴ Indonesia Times (Jakarta), 03.09.1997.
- ¹⁵ Indonesia Assessment. Population and Human Resources. – Singapore, 1999. Р. 213.
- ¹⁶ Ли Куан Ю. Сингапурская история. Из «третьего мира» в первый. – М., 2005. – С. 262.
- ¹⁷ Juwono Sudarsono. Politik dan Pembangunan. Pilihan Masalah (Политика и развитие. Избранные проблемы). – Jakarta, 1980. Hal. 72.
- ¹⁸ Kompas (Jakatta), 07.05.1988.
- ¹⁹ Habibie B.J. Detik-Detik yang Menentukan. Jalan Panjang Inndonesia Menuju Demokrasi (Секунды, которые решают все). – Jakarta, 2006. Hal. 50.
- ²⁰ The Straits Times (Singapore), 02.09.2014.

«Азия и Африка сегодня»,
М., 2015 г., № 7, с. 9–15.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

С. Чудинов,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск)

**АНТИМОДЕРНИСТСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ
В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ
ИСЛАМСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ОНТОЛОГИЗАЦИИ
ЭТНИЧНОСТИ ДО РЕСАКРАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ***

Введение

Критику и попытки идеологического обоснования путей преодоления модерна (и его поздней стадии развития в виде общества риска) как структурирующей основы современного социума через возврат институтов традиционной культуры мы можем обнаружить в рамках совершенно различных идеологических систем. Протест вызывает не только техногенная организация жизни социума, нарушение глобального экологического баланса, но и светский фундамент государства и общества, построенный на усеченных прагматических ценностях.

В лоне исламской культуры с начала XX в. сложилась целая палитра реакций на влияние модерна и его перерождение на современном этапе в «другой модерн», общество риска (У. Бек) [1]. В нашем исследовании мы остановимся на некоторых из идеологически отрефлексированных ответов на модернизацию, связанных с различными проектами ресакрализации социума как способа его спасения от недугов общества классического модерна и по-

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-530. 2014.6).

следствий усугубления некоторых из его гносеологических и ценностных предпосылок. При этом нами будут выделены и рассмотрены две характерные тенденции в анализируемых идеологиях. Одна из них сводится к нахождению в религии (Единобожии) метафизически прочной опоры социуму в сочетании ее с этничностью как первичной, естественной и даже сакральной основы социального бытия человека.

Второй идеологический и радикальный ответ на систему модерна и процесс модернизации фундирован в идее легитимированной религиозным законом государственности, которая не только не обязательна, но даже становится излишней согласно первого рода теориям, тяготеющим к модели родоплеменного «анархизма». Здесь ресакрализация и приобретение обществом онтологической стабильности мыслится как восстановление религиозно легитимированной государственности – унифицирующего и четко структурированного гражданского порядка, соответствующего кораническим установлениям.

Теория общества риска и ее трактовка модернизации

Основоположник теории глобального общества риска У. Бек характеризует современный социум в качестве системы, которая от производства благ (товаров и услуг) перешла к преимущественному производству рисков – непрогнозируемых, неконтролируемых и опасных последствий технологического развития цивилизации [1, с. 21]. Если риски были присущи и ранее индустриальному обществу, они не были столь распространенными и всеохватными, столь интенсивными и масштабными. Поэтому дальнейшее производство благ цивилизации стало сопровождаться зачастую совершенно непредсказуемыми побочными последствиями. Развитые капиталистические страны Запада неожиданным образом очутились в ситуации конца «государства благоденствия», где основными проблемами считались бедность и справедливое распределение материальных и социальных благ.

У. Бек разделяет модерн и индустриальный тип общества, отмечая наметившийся между ними антагонизм [1, с. 10]. Модерн как проект и система социокультурных координат индустриального общества «эволюционирует» в том направлении, которое приводит к выводу индустриального общества с исторической сцены, трансформации его ценностных и бытийных основ: от верящего

в незыблевые естественные основания (разум и неизменные законы природы) до разуверившегося во всем (истинности как таковой вообще), от убежденного в необходимости строгой организованности и гармонии в социуме до разуверившегося в принципиальной возможности оной.

Трансформация модерна произошла в силу актуализации его скрытых потенций.

Внутреннюю логику гносеологической трансформации модернизации прекрасно объясняет Э. Гидденс. Он показывает, что проект Просвещения, легший в основу модерна, способен обратиться в свою противоположность. Рацио, на который упирали просветители, полностью освобожденный от всяческих догм и социокультурных ограничений, превращается в последовательный скепсис [12, с. 39, 46]. Поскольку предметом переопределения своих оснований и объектом изменений становится сама модернизация, это явление получило название рефлексивной модернизации (*reflexive modernization*).

Внутреннее перерождение проекта модерна приводит к типу социума, во многом обратному по своему устроению индустриальному обществу, которое, исходя из культурологической перспективы, обычно именуется постмодерном (что означает отказ от культурного проекта просвещения и веры в любые трансцендентальные ценности).

Теория общества риска показывает внутреннюю взаимосвязь между двумя этапами социального развития и отказывается признавать исчезновение модерна, модерн остался, изменив самого себя. Кстати, поэтому часто, хотя и не всегда, теоретики данной парадигмы предпочтют именовать современный социум поздним модерном вместо понятия «постмодерн» (или постиндустриальное общество).

Общество риска представляет распад системы модерна и системы социума в целом, эпоху крайней неопределенности и нестабильности социального бытия. В ценностном аспекте – это общество, где человек подавлен чувством недемаркированной свободы и, соответственно, крайней зыбкости бытия, а также порой болезненной ответственности за неверные решения, которые принимаются без какого-либо путеводителя. В более ранние эпохи в виде последнего могли выступать религиозный закон, этическая система или политическая идеология.

Антимодернизм может восприниматься как достаточно широкое понятие. В частности, Бек обозначает им те общественные

тенденции, которые выражают критическое отношение к науке и технике (их господствующей роли), идее прогресса. Он считает их вполне логичным следствием и «выражением последовательного развития» модерна «за пределы индустриального общества» [1, с. 11–12], т.е. внутренним перерождением модернизации, обращением в свою противоположность. Следует оговориться, что под антимодернистским течением мы будем подразумевать в дальнейшем тот сегмент критической мысли, которая нацелена на демонтаж модернистских ценностных и социальных структур и возрождение институтов (частично размытых, или же в значительной степени утраченных) предмодернистского общества. В первую очередь, это имеет отношение к метафизической перспективе общественного сознания, структурирующей и иерархизирующей бытие в мировосприятии общества традиционного. Элементы антимодернизма можно обнаружить в традиционном исламе, но более широко он представлен в различных неортодоксальных и нетрадиционных идеологических системах, предлагающих новую интерпретацию исламского вероучения в свете ответа на цивилизационный вызов со стороны западной модернизации и порожденных ею фундаментальных социальных и культурных проблем.

Ресакрализация социума через онтологизацию этничности в Третьей мировой теории

Первая из идеологических доктрин, которую мы рассмотрим как пример антимодернистского учения в рамках координат исламского мировоззрения, – это Третья мировая теория, изложенная в «Зеленой Книге» Муамара Каддафи [4], одного из наиболее влиятельных и неординарных лидеров арабского мира XX – начала XXI в. Идеологическое учение вождя ливийской революции с некоторой условностью можно назвать антимодернистским, поскольку оно сочетает в себе как элементы модернизма (некоторые ценностные установки и лозунги европейской культуры эпохи модерна, такие как секулярность), так и попытку его критического переосмысления и отрицания.

Третья мировая теория создавалась во времена всемирного противостояния идеологий капитализма и коммунизма как альтернативная им обеим политическая идеология.

Лейтмотивом всего сочинения и его точкой отсчета стала критика западной идеи демократии, сложившейся в эпоху модерна.

Критикуя систему парламентской демократии в любых ее вариациях, Каддафи обличает ее как диктатуру отдельных личностей, партий, классов, кланов, которые добиваются власти и реализуют свои партикулярные интересы. Любое представительство власти от лица народа, по мысли вождя ливийской революции, не отражает подлинные интересы народа, но вырождается в обман и борьбу за власть.

С. Гафуров указывает на крайнюю близость взглядов Каддафи учению классика русского анархизма П.А. Кропоткина, в частности, в представлении о народе как «недифференцируемой субстанции»: «Оба они используют концепцию недифференцированных по классам, социальным стратам, этническим, конфессиональным и профессиональным признакам народных масс, которые являются движущими силами социальных революций» [2].

Можно предположить, что общий идеинный источник для двух теорий восходит к учению Руссо о неделимости народного суверенитета и принципе прямой демократии.

«Партия представляет часть народа, между тем как суверенитет народа неделим» – этот центральный лозунг «Зеленої Книги» [4, с. 17] звучит как точное следование идеям Руссо. В итоге единственная и действительно справедливая форма демократии изображается как прямое народное правление (через народные комитеты и народные конгрессы на местах и Всеобщий народный конгресс), минуя любые посреднические «орудия управления» (такие как партии, классы, органы исполнительной власти и пр.). Такой политический порядок считает излишними и вредными любые государственные структуры, и в этом смысле может считаться анархическим¹.

Во всех вышеизложенных положениях идеолог постколониального исламского мира выглядит как секулярный модернист. Этот вывод усиливает восприятие им «нации» как предельной общественной единицы, которая может органично облекаться в единые и устойчивые политические формы. Однако при дальнейшем

¹ Единственным исключением из этого закона, по мысли Каддафи, может быть национальное государство, возникшее на базе общего «национального самосознания» – «единственная политическая форма, соответствующая естественному общественному образованию». Более того, такое государство «может существовать вечно», если только не будет разрушено извне, со стороны другой нации, или же не развалится изнутри из-за внутренних межплеменных, межклановых и межсемейных противоречий [4, с. 70–73].

рассмотрении мы обнаруживаем новые детали, существенно меняющие общую картину. В отличие от интеллектуальной традиции модерна и теоретиков европейского (атеистического) анархизма, которым он близок, Каддафи вводит два новых измерения в свой идеал социально-политического устройства – факторы этничности и религии.

В первой части «Зеленой книги» отдельно разбирается вопрос о «Законе общества».

Говоря о социально-правовых установлениях, через философско-правовую проблематику автор, по сути, выходит на проблему онтологических оснований социума и государства.

Он разделяет закон искусственный, созданный людьми через учреждение конституции и выработку права в результате деятельности парламента, и закон естественный, соответствующий изначальной и единой человеческой сущности. Первый – релятивен и конъюнктурен, второй – вечен и ограничен человеческой природе. «Закон общества не нуждается в составлении и выработке. Значение Закона заключается в том, что только он может определить, что – истина, а что – ложь, что верно и что нет, и каковы права и обязанности членов общества» [4, с. 29]. Под законом подразумевается двоякое основание любого социума – «подлинным Законом общества является либо обычай, либо религия» [4, с. 28]. Между этими двумя компонентами, как правило, происходит контаминация, «религия включает в себя обычай», который есть «выражение естественной жизни народов» [4, с. 30].

Каддафи активно использует понятие нации, чрезвычайно значимое для модернистского дискурса, но вкладывает в него смысл этнической общности. В «Зеленой книге» под нацией подразумевается не единая гражданская общность, очерченная политическими границами, а разросшаяся семья. Нация складывается из племен, которые формируются из объединения семей. Двумя скрепами национальной общности называются общественный фактор в виде национального самосознания и единая религия. Национальное самосознание уподобляется силе притяжения в мире неживой природы и небесных тел [4, с. 63]. Национальное самосознание в трактовке идеолога Третьей мировой теории становится отражением онтологического единства этносоциума и биогенетического субстрата этого единства.

Итак, этноконфессиональный синкретический комплекс культуры народа как исторической и биогенетической общности выражает собой онтологические, сущностные начала экзистенции

данного социума в историческом континууме. Первый компонент этого комплекса, обычай, трактуется как социально-культурные установления, как бы развертывающиеся из коллективной субстанции общества в его исторической динамике. Эксплицируя социально-философские установки мыслителя, следует заметить, что социокультурные традиции народа воспринимаются в значительной степени автономными в отношении исторического контекста: они не являются созданием человеческого ума или результатом коллективной каждодневной практики и социального опыта, хотя и несут на себе отпечаток и того, и другого. Социальные нормы рода – выражение атрибутивных свойств этноса, неотчуждаемых и неизменяемых.

Второй компонент – религия, оценивается как исторически более поздняя традиция, вбирающая в себя и обрамляющая этнокультурные традиции. И обычай, и религия воспринимаются преимущественно аксиологически, как система нравственных ценностей, выражающих и оберегающих онтологическую свободу человека от своеволия других людей, социальных групп с корыстными интересами и произвольными установлениями искусственного законодательства.

Этноконфессиональный ценностный фундамент общества объявляется священным. Поскольку обычай и религии придается характер абсолютности, они становятся именно тем ценностно-нормативным стержнем, который соединяет социум с онтологическими предпосылками его жизни и устойчивости. Онтология же приобретает теологический характер, включенность в явно непрограммированный контекст мусульманской монотеистической метафизики.

Анархический идеал народной демократии Каддафи можно оценить в качестве политической теории, в которой отразились самобытные черты арабского этнического менталитета. Этнические формы структурирования и эволюции социума отражают отблеск священного, поскольку соответствуют наиболее полно естественному изначальному порядку природы и способны вместить в себя и быть воплощением абсолютных ценностей, институционализирующихся в виде обычая и религиозного закона. Сакрализация этничности в данном случае есть выражение ментальности привычного уклада человека Арабского Востока, причастного к живой традиции родоплеменной культуры.

Родовой анархизм в интерпретации исламской модели общества Х.-А. Нураева

Другой пример антимодернистской теории, провозглашающей лозунг отхода от стандартов модернизированного общества к архаизации и «родовому анархизму», – это учение самобытного северокавказского идеолога Х.-А. Нураева, которое он сам именует трайбализмом. Так же как Третья мировая теория Каддафи, учение Нураева во многом воплощает в себе особенности ментальности и национального духа своего этноса (в данном случае чеченского народа), также в значительной степени сохранившего свой родоплеменной уклад в современном мире. Идеология трайбализма нацелена на переосмысление этнического идеала социально-политического устройства чеченского общества и поиска решения разрыва гордиевского узла противоречий между Россией и Чечней. Значимое место в ней отводится теоретическому осмысливанию принципов устройства традиционного общества, подвергаемых эрозии со стороны светской культуры, и исламистскому политическому проекту (который представлен исламистской нелегальной оппозицией и террористическим подпольем).

Негативные формы влияния массовой прозападной культуры и неудачи построения демократического режима в Чеченской Республике Нураев относит на счет порочности самого ценностного ядра атлантической цивилизации, сформировавшейся в эпоху модерна. В этом пункте он следует теории неоевразийства и даже предлагает ее новую версию, согласно которой две geopolитические детерминанты, формирующие цивилизации – «вода» и «суша», дополняются третьей – «горы» [8].

Горы в учении Нураева становятся метафорой абсолютных сакральных ценностей, которые невозможно во что-то конвертировать, поскольку они принадлежат сфере метафизики. Горы своим пространственным расположением символизируют высший уровень бытия и высший уровень ценностей, которые связывают мир земной с миром небесным.

Цивилизации, формирующиеся на суше, материиковом пространстве, привязаны к «основным» ценностям (земли, природные ресурсы, полезные ископаемые и др.), которые конвертируются, но медленно. Море – олицетворение цивилизации, построенной на обращении ликвидных ценностей (финансовый капитал, ценные бумаги, технократические кадры и др.), быстро конвертируемых и все более приобретающих виртуальный характер (сверхликвид-

ный). Горный и морской образы общественной жизни именуются антиподами, а равнинный образ жизни – «распутьем между этими антиподами» [8].

Запад в историософии Нухаева олицетворяет собой атлантическую эсхатологию – возможный и близкий конец человечества в виде второго, уже «виртуального потопа», а именно: затопления мира потоком губительных сверхликовидных ценностей цивилизации «моря». Только патриархальный Кавказ, оплот метафизических, принципиально неконвертируемых ценностей исламского Единобожия, в союзе с Россией, частично сохранившей традиционные ценности «равнинной» культуры (в форме православного христианства), способен противостоять западной культурной и geopolитической экспансии.

Выражая протест против нивелирующего воздействия всемирно распространяющейся техногенной капиталистической цивилизации на локальные этнические и национальные культуры, самобытный идеолог Северного Кавказа видит выход из «тупика» мирового социального развития в возврате от «цивилизации» к «варварству» (термины используются в классическом значении антропологии XIX в.). Этот лозунг не просто рассчитан на эпатирующий «цивилизованную» публику эффект, он несет значение радикального разрыва с модернизацией и ее последствиями в пользу возвращения к природносообразному социальному порядку и традиционной культуре премодерна.

Вместе со всеми современными формами жизни, производными от модерна, идеология трайбализма, так же как и Третья мировая теория, в своем отрицании социально-политической модели модерна в итоге приходит к отрицанию государства как такого. Красной нитью через всю теорию, изложенную в сочинении «Ведено или Вашингтон? Россия на перепутье между варварством и цивилизацией» и других ключевых сочинениях Нухаева, проходит идея о несовместимости государственного гражданского устройства общества с реализацией абсолютных сакральных ценностей. Везде, где Нухаев говорит о различии в системах ценностей и образе жизни человека «моря», «суши» и «гор», он подчеркивает, что только для человека талассократической цивилизации статус «гражданин» ограничен, поскольку он не мыслит своего существования без государства, которое становится необходимым в условиях царства принципа индивидуализма и атомизированного социального существования индивидов. Для равнинного «мужика» государство может быть «полезно» (как гарант безопасного пере-

движения между деревней и городом и, соответственно, торговли с городом и пр.), а для человека «гор» государственность совсем чужда. Государственность и цивилизация в смысле городского гражданского унифицирующего порядка, построенного на принуждении и отношениях, опосредованных писанным законом и документацией («бумагой»), по своей природе враждебны естественному состоянию человеческого общества, объединенного кровнородственной связью, установленной свыше самим Богом. Коран говорит: «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас родами и народами...» (Коран, 49:13) [8].

Таким образом, во-первых, государство оценивается как искусственное образование, построенное на принуждении и унифицированном социальном порядке, где люди теряют непосредственные межличностные и родственные связи, поэтому «прогресс государства есть регресс нации» [8]. При этом понятие нации отождествляется с понятием этноса, изначальными естественными формами родоплеменной социальности. Во-вторых, у государства отбирается легитимность в рамках мусульманской теологии.

Нухаев, критикуя исламистский идеал Всемирного халифата за этатизм, дает оригинальную трактовку политического аспекта ислама. С помощью коранических изречений он пытается показать, что ислам освящает родоплеменной строй, но отвергает государство, которое всегда разрушает естественные кровнородственные связи. Если исламские фундаменталисты отвергают модель современного светского государства (вне зависимости от конкретного типа социально-политического устройства, будь то либеральная, социал-демократическая, социалистическая или любая другая модель) по причине отсутствия сакральной легитимации такого порядка [«...А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это – неверные...» (Коран 5:44)], то Нухаев идет дальше и объявляет, что любое государство имеет секулярную сущность.

Аргумент фундаментализма в отношении светского государства Нухаев обращает в сторону государственности вообще. Кровнородственная община – это первозданный естественный социальный порядок, сотворенный Аллахом, тогда как государство – это противоестественный принудительный порядок, изобретенный человеком. Более того, он объявляет его харамом, т.е. запрещенным институтом по исламскому закону! [8].

Принимая идею анархизма как верную, Нухаев отвергает ее леворадикальную трактовку (М. Бакунин и др.), поскольку она, по его мнению, следуя принципу индивидуализма, ведет к спонтан-

ной хаотизации социальной жизни и неизбежному возрождению этатизма как тоски по прочному порядку. Безгосударственное состояние общества возможно только на основе кровнородственной системы взаимосвязей, иерархии, построенной на порядке родства и потестарной власти старейшин. Только такая социальная система может быть саморегулирующейся и самодостаточной. Отсюда анархизм Нухаева можно именовать родовым анархизмом.

Помимо этого в интерпретации сущности государственности имеется этико-правовой аспект: государство построено на релятивных, изменчивых человеческих законах, которые неспособны вместить в себя полноту нравственной истины и справедливости. В данном случае несовершенства секулярного государства с представительной формой демократии распространяются на любую государственность. Только родоплеменной строй, соответствующий изначальной природе человека, способен воплотить в себе Божественную справедливость и Божественное правосудие. Первое воплощается через сам этнический уклад общественной жизни: «Этносоциальная организация есть отражение религии, ее воплощение в форме и принципах общественной жизни» [9]. Второе, в частности, реализуется через этико-правовой принцип талиона и обычай кровной мести, которые идеолог трайбализма оценивает как эффективные регуляторы межгрупповых отношений.

Для Каддафи и Нухаева религиозный закон и справедливость, данные Богом, наилучшим образом реализуются именно в родоплеменной социальной среде, однако сама религиозная вера носит надплеменной, сверхэтнический и сверхнациональный характер, поскольку под ней подразумевается истина Откровения Единого Божества, Творца мира и человечества. Стоит все же отметить и некоторые различия. Каддафи занимает более светскую позицию в оценке религии. Под подлинным «Законом общества» родного племенного социума он явно подразумевает ислам, транслируемый от отцов к сыновьям через родовые устои и обычаи. Последнему он не придает характера универсализма и мессианизма в мировой истории, более того, замечает, что закон стабильности общества может быть выражен в принципе «каждый народ должен иметь свою религию» [4, с. 64]. Нухаев понимает под сакральным фундаментом социума «ханифийскую веру», объединяющую все монотеистические (авраамические) религии. Ханифийская вера – это тот набор принципов монотеизма, который объединяет все авраамические конфессии [8].

В обоих рассмотренных нами идеологических учениях социум не рассматривается как сложная динамическая и эволюционирующая система, построенная на взаимодействии и интеграции множества воль и социальных действий отдельных индивидов (позиция, восходящая к модерну и принимаемая как очевидность в обществе риска). Социальный сингуляризм или социально-философский номинализм в трактовке первичных оснований общества отвергаются. Этнические сообщества мыслятся как пре-мордиальные и онтологически укорененные формы социального бытия человека. С позиции социального сингуляризма трактуется только государство, но оно оценивается как исторически более позднее и искусственно образование, построенное, скорее, не на конвенции и добровольной интеграции независимых индивидов, а на унифицирующем принудительном порядке, реализующем интересы отдельных социальных классов и групп общества. Государству в его существующих эмпирических разновидностях отказывают в легитимности по причине отсутствия сакрального, метафизического основания его начал.

Однако среди антимодернистских идеологических систем, апеллирующих к исламу как основе возрождения социума, более характерной является идея ресакрализации общества через воссоздание исламской государственности. Эта идея занимает ведущее место в программе религиозно-политических течений фундаменталистской направленности. Рассмотрим общие характерные черты данного спектра антимодернизма в рамках современной исламской культуры и определим особенности его неоднозначных и сложных отношений с модерном.

Ресакрализация государственности и мусульманский альтерглобализм

Движение исламского фундаментализма основано на восприятии официального упразднения халифата в модернизирующейся и вестернизирующейся Турции в 1924 г. как цивилизационной катастрофы исламского мира, сошедшего с предназначенного ему исторического пути. Фундаментализм имеет свои истоки в понимании значения политической власти в исламе (с раннемусульманской общиной вплоть до начала XX в.) как в первую очередь инструменте организации и регуляции жизни мусульманской общины на основе Божественных установлений. Его стержневая идея заключается в возврате частично модернизированных и секу-

ляризованных исламских обществ колониального и постколониального арабо-мусульманского Востока к системе ценностей ислама как прочному фундаменту всех социальных сфер. Ислам мыслится как целостный образ жизни, не разделяющий духовное и мирское, религиозный закон и политику.

Главным пунктом критики современного социума с позиции фундаментализма становится принцип отделения политической власти от религиозных институтов, изначально принятый в христианском средневековом обществе, как правило, и позднее превращенный в господство секулярных ценностей в эпоху модерна. Основной аргумент критики сводится к мысли, что отделение религии и церкви от государства было продуктом внутреннего развития западной цивилизации, но не органичным явлением для цивилизации ислама.

Современные фундаменталистские социально-политические течения в исламе восходят к концу 1920-х годов (в это время в полуколониальном Египте формируется одно из первых и крупнейших движений – «Братья-мусульмане»). В общую категорию попадают многообразные идеологии и движения, от умеренно радикальных до откровенно экстремистских. Единой идейной базой и антимодернистским содержанием фундаменталистских идеологий является критика и отвержение модернистских концептов секулярности или светского образа жизни (в исламской терминологии – аль-альманийя), материализма, атеизма, суверенитета народа или демократии и пр.

Основатель и предводитель «Братьев-мусульман» в послании «Между вчерашним и сегодняшним» ставил перед своими соратниками две цели: полное освобождение своей страны от иностранного господства, далее «создание на свободной родине свободного исламского государства, живущего по законам Ислама и имеющего исламский общественный строй» [11]. В речи «Из программы “Братьев-мусульман”» Аль-Банна говорит о том, что создание исламского государства на локальном уровне предполагает в перспективе воссоздание Всемирного халифата путем единогласного выбора «имама» Лигой Исламских Наций [11].

При этом проект возрождения исламской модели общества Аль-Банны достаточно гибок и построен не на отделении «истинно верующих» от социального окружения, а на консолидации различных национально-патриотических, националистических и исламских социально-политических групп на общей идейной платформе при сохранении различий в частностях. Он предпола-

гал демонтаж системы парламентаризма в монархическом Египте как вредной и раскалывающей общество и избавление общества от негативного влияния западной цивилизации, которое в основном сводилось к четырем пунктам: господство атеистического и материалистического мировоззрения; моральный релятивизм или все-дозволенность; эгоизм людей, классов и целых народов; разгул и узаконивание лихоимства и ростовщичества («Между вчерашним и завтрашним») [11].

Идеолог радикального крыла «Братьев-мусульман» (сформировавшегося после репрессий политического режима Г. Насера) С. Кутб трансформировал изначальную концепцию в монистическую (одномерную) систему, оказавшую сильное влияние на идеологию экстремистских исламистских группировок. В своих сочинениях он в большей степени ведет речь не об исламском государстве, а о возрождении истинно исламского общества и исламской цивилизации, хотя это неизменно подразумевает ведущую роль государства (подробней см.: [10]). Он указывает на то, что после упразднения халифата М. Кемалем ислам утратил свою всемирно-историческую миссию. Господствующая трактовка джихада как лишь оборонительного, по его мнению, также свидетельствует об отказе от этой миссии [3, с. 106].

Говоря о мекканском периоде раннемусульманской общины, Кутб называет его исламским джамаатом, которому было под силу внедрять исламскую систему, поскольку единственным законом мусульманская умма признавала закон Аллаха [5]. Кутб мыслит монистически, он совершенно игнорирует какие-либо иные источники фундаментальных оснований жизни мусульманского общества, кроме религиозного закона. Этническим обычаям здесь нет места, так же, как и любым идеологиям, кроме ислама.

Не отрицая значения технического прогресса и пользы заимствования у Запада естественно-научных и технических знаний¹, идеолог исламизма видит в процессе модернизации и индустриализации мусульманского общества, прежде всего

¹ «Ислам, в силу своего воззрения на вселенную истину и характера своего реалистического опытного пути, вовсе не собирается уничтожать заводы или ликвидировать удобства, данные промышленностью. Однако ислам в начале будет изменять взгляды на эти ценности современной цивилизации. Он даст ей истинную оценку, не преувеличивая и не преуменьшая, с тем, чтобы дух человека веры стал господствовать над цивилизацией, а не она над человеком, его представлениями, чувствами, образом жизни и порядками» [6].

искусственную замену системы аутентичных монотеистических ценностей на идеологические ценности, которые носят идолопоклоннический или джахилийский характер. «При индустриальной цивилизации, окружающей сегодня человека, рушится то самое важное, что составляет суть человека, уничтожаются его высочайшие ценности» [6].

Другой вариант фундаменталистского проекта заключен в идеологической системе транснационального исламистского движения «Хизб ут-Тахир». Это широко распространенное в исламском мире движение еще в большей степени заслуживает названия халифатистского, поскольку его *idea fixe* – это учреждение единого исламского государства и власти халифа как необходимое условие праведной жизни и спасения мусульман. В идеологии «Хизб ут-Тахир» возлагаются огромные надежды на институт халифства, учреждение которого должно автоматически разрешить узловые противоречия исламского общества. При этом само общество признается исламским только в случае, если оно подчиняется исламской власти. В программном сочинении движения декларируется, что территории признаются частью мусульманского мира только тогда, когда ими правит государство ислама [7, с. 6].

Идея возрожденного исламского государства (халифата), как и в случае идеологии «Братьев-мусульман», непременно смыкается с экспансионистской ориентацией в понимании глобальной миссии ислама. В книге основателя «Хизб ут-Тахир» «Исламское государство» настойчиво проводится идея исламского государства как орудия всемирного распространения ислама. В этом видится его конечное предназначение. Как утверждается в книге, Пророк Мухаммад при переселении в Медину надеялся, что это позволит мусульманам «продолжить да'ват и перейти к этапу реального воплощения ислама в жизнь и его распространения по всему миру при помощи государства» [7, с. 31]. При этом «неизменным методом» распространения ислама объявляется джихад, сочетающий в себе как мирную проповедь (даават), так и военные действия в отношении стран и государств, не подчиненных политическому порядку Всемирного исламского халифата [7, с. 114]. Постоянное расширение сферы исламского правления мыслится, аналогично с учением С. Кутба, как устранение материальных препятствий на пути распространения даавата [7, с. 113].

Необходимость государства, построенного на религиозном законе, полагается краеугольным камнем всего образа жизни му-

сульман. Участие в его создании, как и участие в наступательном джихаде (которые воспринимаются как стороны одной медали), объявляется «фардом» (обязательными предписаниями) для мусульман без уточнения, являются ли они индивидуальной обязанностью каждого мусульманина, или же коллективной [7, с. 6, 114].

Заключение

Таким образом, основная линия противостояния между влиянием западного модерна и исламским антимодернизмом проходит по оси «секуляризации (профанизации) – ресакрализации социума». В антимодернистских течениях секулярная государственность как продукт модерна становится главным объектом критики. Ведущая интенция заключается в обретении социумом онтологически прочных основ или абсолютного фундамента. В обществе модерна фундамент социальной системы носит конвенциональный характер (формируется через представительную форму демократии), а при переходе к обществу риска границы конвенции становятся крайне неустойчивыми. Различие среди антимодернистских исламских учений пролегает в выборе социальных опор предлагаемых моделей возрождения самобытного социума – этничности или же государственности, при практически неизменной роли религиозного фактора.

Глобальная экспансия секулярного и принесшего колониализм модерна оборачивается претензией на альтернативный глобальный проект ресакрализации мира путем включения его в новый исламский политический порядок. В этом заключается логика фундаменталистской идеологии. При этом исламский фундаментализм в значительной степени предает забвению этническое измерение бытования религиозной традиции и склонен к этатистской интерпретации исламской модели общества. В отношении большей части спектра фундаменталистских движений справедлива критика «трайбалиста» Нурахаева, который оценивает современную идею исламского государства в качестве продукта модернизации исламской мысли [8].

Этатистская версия исламской модели общества в действительности может быть инверсией отвергаемой секулярной модели социума, поскольку она также ориентирована на создание порядка унифицирующего, атомизирующего и нивелирующего локальные этнокультурные фрагменты социума.

Другая отрицательная реакция на модернизацию и вестернизацию в сфере идеологической мысли мусульманского мира ведет к моделированию проекта архаизации частично модернизированного мусульманского общества как выхода из процесса нарастающей нестабильности социальных процессов. Опорой социума становится онтологизированная этничность или родоплеменные формы социальности, которые становятся субстратом религиозности, основой для воплощения религиозного закона. Для анти-модернистских родовых моделей истина нравственная и духовная обнаруживает себя только в соединении традиции этнического (родоплеменного) строя и культа Единого Бога.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.
2. Гафуров С. Социальная философия Муаммара Каддафи и традиция европейского анархизма (на примере философии П.А. Кропоткина). Попытка сравнительного анализа. 1992. [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: <http://www.gafourov.narod.ru/lqadr-ru.htm>
3. Добаев И.П., Добаев А.И., Гаджибеков Р.Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. – М.–Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2013. – 332 с.
4. Каддафи М. Зеленая Книга // Завещание. – М.: Алгоритм, 2012. – 320 с.
5. Кутб С. Вехи на пути Аллаха. [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: http://islamnuri.com/Russ/knigi/Vekhi_na_puti_Allakha.doc
6. Кутб С. Будущее принадлежит исламу. [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: <http://www.azglobus.net/3324-seyid-kutb-buduschee-prinadlezhit-islamu.html>
7. Набханий Т. Исламское государство. – [Б.м.]: Дар аль-Умма, 2002. – 191 с.
8. Нураев Х.-А. Ведено или Вашингтон? – М.: Аркотгея-центр, 2001. – 240 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: <http://noukhaev.info/books/vedeno/index.htm>
9. Нураев Х.-А. В рамках родового строя возможно отказаться от Благ Цивилизации. 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: <http://www.kavkazmonitor.com/2008/07/31/52229.shtml>
10. Рязанов Д.С. «Исламское государство» в творчестве Маудуди и Кутба: Сходства и различия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7. – Ч. 3. – С. 76–80.
11. Сборник посланий шахида Хасана аль-Банны [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: <http://albanna.nm.ru>
12. Giddens A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity Press, 1996. – 186 p.
«Исламоведение», Махачкала,
2015 г., Т. 6, № 2 (24), с. 38–49.

Г. Мирский,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ФЕНОМЕН ИГИЛ

Трудно вспомнить, чтобы какой-либо другой регион современного мира сразу подвергался такому бедствию. Это уже не назовешь кризисом – это катастрофа. Арабский Восток рассыпается, задыхается и утопает в крови. Известный немецкий эксперт Райннер Герман пришел к выводу, что «арабский мир находится в самом глубоком кризисе со времени монгольского завоевания в XIII веке и разрушения Багдада в июне 1258 г.».

Только в трех государствах не видно угрозы распада и существует относительный порядок – это Марокко, Тунис и Египет. В Ливии государства фактически уже нет. Алжир держится только потому, что население еще не оправилось от ужасов недавней внутренней войны. Но рано или поздно взрыв там неминуем, и все гадают, как долго сможет армия его предотвращать. К востоку от Суэца «нефтяные монархии» (не столько государства, сколько «племена с флагом») удерживаются в стабильном состоянии, пока есть нефть и газ. Сирию, Ирак и Йемен уже нельзя назвать цельными государствами, о мире и стабильности там давно забыли, прогнозы самые мрачные. Иордания и Ливан буквально висят на ниточке, никто не сомневается, что там зреют перемены к худшему.

Мир столкнулся с опасностью глобального масштаба. Ее название – экстремальный радикальный исламизм или транснациональный джихадизм. Ее реальное воплощение – организация «Исламское государство» (ИГ), иначе называемое ИГИЛ (Исламское государство Сирии и Леванта). Ее символ – Халифат, провозглашенный после вторжения боевиков ИГИЛ в Ирак из Сирии и ставший магнитом, притягивающим к себе мусульманских радикалов.

Число мусульман в мире приближается к полутора миллиардам. Из них экстремистов, а тем более террористов, вероятно, меньше одной сотой процента. Но это безумно энергичное, фанатичное, беспощадное и бесстрашное меньшинство, в распоряжении которого Интернет. Идеи радикальных исламистов пользуются огромной популярностью среди мусульманской молодежи, люди из более чем 80 стран хлынули на территорию Ирака, кон-

тролируемую ИГ, тысячи европейцев отправляются воевать на Арабский Восток, обратившись перед этим в ислам.

В чем разница между исламом и исламизмом? В самом сжатом виде можно сказать: ислам – это религия и образ жизни, основа целой цивилизации, элемент идентичности сотен миллионов людей, порождающий солидарность мирового мусульманского сообщества. Исламизм – это политическое движение, базирующееся на радикальной идеологии, суть которой – фундаментализм, убежденность в том, что все беды мусульманского мира – от забвения основ «чистого, праведного, истинного ислама предков», от попыток воспринять чуждые ценности и не подходящее для мусульман светское устройство общества. Под теоретическим прикрытием идей фундаменталистов (по-арабски – «салафитов», от слова «салаф», предки) выросла когорта исламистов-практиков, «людей дела», борцов против «западных агрессоров и разлагающего влияния тлетворного Запада». При этом отметим полную несостоятельность теории «войны ислама против христианства», ведь исламисты считают западное общество не христианским, а безбожным, аморальным и развращенным. «Цивилизация декольте» – так его называют.

Точно так же несостоятельно и мнение о том, что радикалами, экстремистами и в конечном счете террористами становятся обездоленные и отчаявшиеся люди из нищих стран. Нет, это почти всегда выходцы из состоятельных семей, получившие хорошее образование. И как раз в самых нищих странах, начиная, например, с Бангладеш и кончая Тропической Африкой, где люди живут на один доллар в день, террористов нет. Наоборот: из 19 боевиков, участвовавших в «Операции Манхэттен» (так с гордостью именует «Аль-Каиду» террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.) 16 были гражданами Саудовской Аравии, одной из богатейших стран мира. А среди добровольцев, приехавших из арабских стран воевать в рядах «Исламского государства», около 40% составляют молодые люди из Туниса, страны с населением не слишком голодающим и наиболее грамотным в арабском мире.

Не оправдались и надежды на то, что успешное экономическое развитие воспрепятствует распространению экстремизма и терроризма. Те, кто полагал, что если людям дать работу иличные условия жизни, у них не будет смысла «идти в террор», глубоко ошибаются. И высшее образование не становится препятствием для усвоения экстремистских взглядов. Вспомним западноевропейскую интеллигенцию 30-х годов прошлого столетия: обра-

зованные молодые люди, не удовлетворенные, как они считали, «пошлой буржуазной жизнью» с ее банальными ценностями христианства, благополучной жизни, равенства, демократии и пр., в поисках смысла существования, возвышенных мотивов и великой цели обращались к чему? Либо к марксизму, либо к фашизму. Многие молодые немцы, французы или голландцы сегодня принимают ислам примерно из таких же побуждений: коммунистические и фашистские идеи вышли из моды, маоизм также не оправдал надежд тех, кто подобно Сартру видел в нем единственную альтернативу тусклой капиталистической цивилизации. Но вот ислам – может быть в нем и есть истина?

Для того чтобы понять, что привлекает мусульман из разных стран, например, в ряды «Исламского государства», надо иметь в виду, что идеология исламистов основывается на общепризнанных базовых ценностях ислама. Так, все мусульмане согласятся с тем, что только их сообщество является особым, истинным (в Коране сказано: «Вы лучшая из общностей, созданных для рода людского»), и оно должно доминировать в мире, а фактически правят бал неверные, американцы. Следовательно, налицо великая несправедливость, последователи бен Ладена ведут борьбу за то, чтобы ее устранить, как же их не поддержать? Борьба против навязываемой Западом светской модели общества – это тоже прямо вытекает из установок шариата, категорически не допускающего фактического (а не формального) равенства женщин с мужчинами и вообще существования сферы жизни, неподконтрольной религии.

В том-то и дело, что радикальный исламизм – это не какая-то занесенная болезнь. Его корни – в некоторых основных, органических положениях ислама, но искаженных и приспособленных для нужд насилия и террора. И если спросить тех мусульман, которые, может быть, не одобряют террор, но в общем сочувствуют идеям «Аль-Каиды», в чем причина этой симпатии, ответ будет: «Наша вера, ислам, единственная истинная религия, находится под угрозой, ее хотят уничтожить, мир ислама подвергается опасности новой колонизации, происходят вооруженные интервенции (Афганистан, Ирак, Ливия), более того – существует дьявольский заговор Большого Сатаны и сионистов с целью подрыва мусульманских ценностей».

На этой идейной основе родилась «Аль-Каида», организация арабских добровольцев, прибывших в Афганистан для борьбы против советских войск, которые были введены в эту страну в конце 1979 г. с целью оказания помощи пришедшему к власти

революционному правительству. Война велась под лозунгом «джихада», «священной войны против неверных», и «Аль-Каида» получила существенную поддержку от США и Пакистана. После окончания афганской войны основатель «Аль-Каиды» Усама бен Ладен создал несколько дочерних группировок, одна из которых в 2003 г. в Ираке пришла на помощь суннитам, потерявшим власть в результате американской интервенции. Первое ее название – «Аль-Каида в Ираке», второе – «Исламское государство в Ираке», третье – ИГИЛ. Сейчас – просто «Исламское государство», т.е. Халифат.

Большинство сторонников джихада, священной войны, относится к ваххабитскому направлению суннитского толка ислама. Крайне нетерпимая, эта секта с особой ненавистью преследует шиитов – тоже мусульман, но «не тех». Лидер «Аль-Каиды в Ираке» Абу Мусаб аз-Заркауи называл шиитов «непреодолимым препятствием, затаившейся змеей, хитрым и зловредным скорпионом, шпионящим врагом и глубоко проникающим ядом». Помимо шиитов, врагами являются американцы и евреи.

Для понимания сегодняшних событий надо иметь в виду и такое важнейшее обстоятельство, как явно обнаружившаяся несостоятельность некоторых «национальных государств» Арабского Востока. Единая нация в них не сложилась, и лояльность жителей стала переноситься с государства на общину и свою конфессиональную общность. Для суннитов Ирака сирийские сунниты – это свои, а иракские шииты – чужие, если даже не враги. Центр тяжести – пока только в Ираке и Сирии – переместился с уровня государства на уровень локальной общности, часто даже секты. И люди уже ощущают себя, как и их предки, мосульскими суннитами или алавитами из Алеппо. Разница в том, что в прошлые времена над всеми ними стояла мощная имперская власть, не допускавшая войн между общинами.

В Египте, если не считать коптов-христиан, все жители – сунниты; то же и в Тунисе. Кровь пролилась и там, но в несравненно меньшем масштабе, чем в Сирии и Ираке. Видимо, можно говорить о национальной идентичности египтян и тунисцев, даже о формировании нации – на основе осознания общности исторической судьбы. «Я египтянин» – звучит убедительно. «Я иракец» – нет. Правда, в 1980-х годах иракцы-шииты воевали против своих иранских единоверцев не хуже, чем сунниты. Но там уже действовали тысячелетние недружественные отношения между арабами и

персами; патриотизм, государственный национализм оказались сильнее религиозного родства.

Кстати о войне. Отчетливо видна разница между «правительственными» армиями и ополчениями, образованными на общинной или «сектовой» основе. Армия Башара Асада почти четыре года не может справиться с повстанцами, не имеющими тяжелого вооружения. Иракская армия вообще позорно бежала из Мосула при появлении джихадистов. Хорошо воюют суннитские экстремисты, включая ИГИЛ, равно как курды и ливанские шиитские отряды «Хизбалла». И это понятно: они воюют за «своих», а не за власть в столице, которая им безразлична. А солдаты правительственные войск не чувствуют себя гражданами. По большому счету государственные образования оказались несостоятельными.

Можно сколько угодно удивляться: подумать только, разногласия из-за вопроса о том, кто будет наследником «повелителя правоверных» Мухаммеда, сейчас, спустя чуть ли не полторы тысячи лет, порождают такое кошмарное кровопролитие! Но тут уже ничего не поделаешь. Вот уж где, действительно, дело не в религиозных разногласиях или теологических спорах, а в том, что на протяжении всех этих сотен лет у представителей обоих толков ислама накапливалась ненависть друг к другу: дискриминируемое шиитское меньшинство мусульман не простит обид и унижений, а суннитов не заставишь отказаться отвшенного еще в детстве убеждения в том, что шииты – в лучшем случае еретики и отступники, а в худшем – враги ислама. И сейчас ясно, что так называемые sectarian identities никуда не девались, они существовали все время, скрытые и подмороженные, и никакие перемены и революции не смогли устраниить или даже ослабить это органическое разделение общества.

Без осознания огромной важности суннитско-шиитского противостояния нельзя сегодня понять, например, почему бесчинства кровожадных мракобесов из «Исламского государства» не вызывают особого возмущения среди суннитского населения Ирака и Сирии (а возможно, и немалой части жителей Иордании и Саудовской Аравии). Да, жестокие ребята, но ведь свои. Пленных убивают – а что, шииты этого не делали? Вернемся к фронту. К 2010 г. джихадисты в Ираке, не сумев добиться победы и над шиитами, и над американцами, ушли в тень, но тут подоспела «арабская весна» в Сирии. Боевики двинулись туда, участвовали в войне против «шиитского режима» Башара Асада, и весной 2014 г. вернулись обратно в Ирак, зная, что там их готовы поддержать

суннитские племена, ненавидящие руководимое шиитами правительство аль-Малики. Дальнейшее известно: образовалось реальное квазигосударство, контролирующее серьезные энергетические и водные ресурсы Ирака и Сирии и располагающее настоящей армией, бесстрашно воюющей сразу на всех фронтах.

2014 год войдет в историю как год создания ИГИЛ, самого жестокого, бесчеловечного и мракобесного террористического движения нашего времени, и как год провозглашения Халифата, который уже насчитывает 6 млн жителей. После молниеносного взятия Мосула все стали гадать: куда двинутся джихадисты? Самой вероятной мишенью выглядел Багдад, но десятки тысяч добровольцев-шиитов ринулись с юга на фронт – защищать столицу, в которой 4 из 6 млн жителей составляют шииты.

Тогда ИГИЛ вторглось в регион Иракский Курдистан, фактически являющийся самостоятельным квазигосударственным образованием вот уже в течение 20 лет. Однако американцы не могли сдать своих единственных реальных союзников в Ираке – курдов. Обама послал авиацию. Бомбёжи сделали свое дело, джихадисты отошли. Перед этим они на захваченной ими земле уничтожили все шиитские мечети и христианские храмы, монументы, даже гробницу библейского пророка Ионы. Кровопролитие продолжается, вновь начинается суннитско-шиитская война. Число взрывовсмертников-шахидов достигло 30 в месяц. Шииты, опасающиеся, что их доминирование в Ираке, ставшее возможным благодаря американскому вторжению в 2003 г., подходит к концу, начинают чувствовать себя, как пишет авторитетнейший иракский политик и писатель Али Аллауи, почти как евреи в Германии в 1935 г.

Возможно, что весной (сейчас обе стороны готовятся к «весеннему наступлению») ИГИЛ попытается ворваться в Иорданию и Саудовскую Аравию, создать единый фронт с ХАМАС и возглавить новую коалицию врагов Израиля. Еще бен Ладен говорил: «Дорога в Иерусалим идет через Багдад».

Цель суннитских исламистов-джихадистов – установить свою власть в ключевых странах исламского мира. Это, судя по всему, Саудовская Аравия (родина Пророка), Пакистан, Ирак, Сирия, Палестина, Турция, Египет, Алжир. Если там будет установлена власть воинствующих, нетерпимых исламистов – это уже будет для многих мусульманских радикалов Халифатом.

Все это будет решаться в Ираке. Но войну в Ираке нельзя выиграть без победы в Сирии. Фактически это уже разветвленная

война. В Сирии идут несколько войн: первая – между режимом Башара Асада и оппозицией, переросшая в противостояние между суннитским большинством населения и алавитским меньшинством; вторая – между умеренной прозападной оппозицией и радикалами-джихадистами; третья – между самими радикалами («Фронт Нусры» против ИГИЛ); четвертая – между курдским ополчением и ИГИЛ; и, наконец, пятая, региональная – между США, Саудовской Аравией и суннитскими государствами, с одной стороны, и Ираном и ливанскими шиитами – с другой.

Свою отдельную двойную игру ведет Турция. Президент Эрдоган давит на Обаму, чтобы тот в борьбе против ИГИЛ не забывал об общей цели – свержении Асада, но американский президент законно опасается, что это приблизит победу джихадистов. Все воюющие силы не доверяют друг другу. Известная формула «враг моего врага – мой друг» в этом регионе не работает.

Вот допущенные Америкой ошибки, больше чем что-либо иное приведшие к нынешнему кровавому хаосу. Во-первых, Обама понадеялся, что Башар Асад сгинет так же, как Каддафи, не сообразив, что крах ливийского лидера был в первую очередь результатом воздушных ударов НАТО, чего в Сирии нет. Во-вторых, американцы не учли, что Сирия, в отличие от Ливии, – многонациональная и мультиконфессиональная страна, и алавитская (шиитская) верхушка будет воевать из последних сил, чтобы избежать гибели от рук суннитских экстремистов. В-третьих, Обама вывел американские войска из Ирака, не сумев при этом заставить режим Аль-Малики отказаться от проведения сугубо прошиитской политики, что вызвало у суннитов новый взрыв антиамериканизма. Таким образом, американцы и Асада не смогли устранить, и обстановку в Ираке дестабилизировали: ведь если бы не поддержка доведенных до отчаяния антисуннитской политикой Аль-Малики иракских суннитских племен, разве смогли бы 1300 джихадистов ИГИЛ обратить в бегство под Мосулом 60-тысячную иракскую армию?

Бездарной и контрпродуктивной оказалась политика главного союзника США – Саудовской Аравии, из которой в Сирию прибыло больше боевиков, чем из любой другой страны. На пропаганду господствующей в королевстве ваххабитской идеологии (ваххабиты – самое жестокое и нетерпимое направление суннитского толка ислама) Саудовская Аравия истратила 10 млрд долл. Эксперты заметили, что вообще в мире происходит «ваххабизация суннизма». Всеми силами направляя суннитских экстремистов на

борьбу против шиитов, саудовская монархическая элита сейчас с ужасом обнаружила, что помогла вырасти такому монстру, который запросто ее сожрет в соответствии с завещанием бен Ладена, смертельного врага саудовской династии.

Изуверы ИГИЛ, равных которым по жестокости не было в мире после краха полпотовских «красных кхмеров» в Камбодже 40 лет тому назад, представляют сейчас главную угрозу для Запада. А вот для Асада их прибытие в Сирию оказалось, как это ни парадоксально, выгодным. Эти изверги не только отпугивают население, делая президента «меньшим злом» даже для тех суннитов, которые его ненавидят, но и не позволяют Западу оказывать оппозиции серьезную помощь. Обама не может послать повстанцам то, в чем они больше всего нуждаются – зенитные комплексы и противотанковые ракеты – именно потому, что это попадет в руки джихадистов. И каждый раз, когда Турция и страны Залива посыпают оружие умеренной оппозиции, джихадисты знают, что они его отберут. Ведь что по сравнению с ними, бесстрашными «борцами за дело ислама», представляет собой, например, Свободная сирийская армия, состоящая, как однажды проговорился вице-президент США Джо Байден, «не из солдат, а из лавочников»?

Обама не может помочь взять власть в Дамаске людям, верным заветам бен Ладена – убивать американцев где только они попадутся. Но и выглядеть защитником шиитов он не может, чтобы не восстановить против себя суннитов, правящих в 20 арабских государствах из 21 (а вообще, из 57 мусульманских государств шииты находятся в большинстве только в четырех).

Катастрофа и кровавый хаос. Несколько десятилетий тому назад ключевыми словами в дискурсе на тему о Ближнем Востоке были: на Западе – демократизация, права человека, усвоение универсальных (фактически западных) ценностей, у нас – общедемократическая программа, единый фронт, революционная демократия. Слово «демократия» – и тут и там. Как же все ошибались! Сейчас ключевые слова звучат мрачно и зловеще. Ауспиции для «прогрессивного поступательного развития, процветания арабского мира» в условиях мира и безопасности выглядят весьма неблагоприятными.

«Запад – Восток – Россия. Ежегодник. ИМЭМО РАН», М., 2015 г., с. 106–110.

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2015 г. № 1 (271) – № 12 (282)**

№ 1 (271)

A. Кочетков. Национальное государство в условиях глобализации (с. 5–19); *И. Габдрахиков, И. Кучумов.* О едином учебнике истории России: Взгляд из Казани и Уфы (с. 19–29); *С. Абашин.* Движения из Центральной Азии в Россию: В модели нового мироустройства (с. 29–43); *С. Аккиева.* Кабардино-Балкарская Республика. (Мониторинг этнополитической ситуации) (с. 44–55); *Д. Алиева.* Особенности политизации ислама в современном Дагестане (с. 55–60); *A. Ярлыканов.* Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе: Итоги и перспективы (с. 60–69); *C. Хименес Товар.* «Казахстанизация» Казахстана: Языковая политика, национализм и этнические меньшинства (с. 69–78); *Л. Додхудоева.* Таджикистан: Социокультурный код эпохи и публичный ислам (с. 78–86); *E. Ионова.* Внутриполитическая обстановка в Узбекистане (с. 86–94); *Б. Волхонский.* Гидроресурсы как фактор geopolитики в Южной и Центральной Азии (с. 95–110); *M. Конаровский.* Афганистан на грани. Чего ждать России после ухода войск НАТО (с. 111–120); *C. Демиденко.* Ирак: Смена декораций (с. 120–128); *H. Кисовская.* Мусульмане на Апеннинах: Трудный путь к интеграции (с. 128–138); *C. Ланцов.* Революционные процессы на Ближнем Востоке: Социально-политические механизмы и geopolитические последствия (с. 139–156); *Д. Брилёв.* Ислам в мультикультурном мире. Модернистские группы Украины в международном контексте (с. 157–165); *T. Каландаров.* Рецензия на книгу «Новейшая история исмаилитов. Преемственность и перемены в мусульманской общине» (с. 166–170).

№ 2 (272)

M. Хазин. Рассуждения у карты мира (с. 5–10); *C. Пасандиде.* Салафиты и борьба с радикализацией в России (с. 10–13); *E. Щербина.* Мониторинг этнополитической ситуации. Карачаево-Черкесская Республика (с. 14–24); *A. Булатов.* Салафизм как идея-

но-политическое движение в мусульманской умме Крыма (с. 24–29); *Н. Ракитянский, М. Зинченко*. Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа (с. 29–49); *Г. Ковалёв, А. Левченко*. Центральная Азия и Южный Кавказ: К новой модели присутствия США в регионе (с. 49–65); *Н. Мингишева*. Современные исламские движения и группы в постсоветском Казахстане: Некоторые методологические аспекты (с. 65–72); *Е. Ионова*. Приоритеты внешней политики Туркмении (с. 72–79); *А. Кожухов*. Реализация национальных интересов в Афганистане. (Зарубежный опыт) (с. 80–95); *А. Коротаев, Л. Исаев*. Анатомия египетской контрреволюции (с. 95–112); *С. Раванди-Фадаи*. Основные черты этноконфессиональной ситуации в современном Иране (с. 112–126); *А. Аллави*. Кризис в Ираке и грядущий порядок на Ближнем Востоке. (Размышления из прошлого о наступившем будущем) (с. 127–141); *М. Бородина*. Угроза исламизации современного европейского общества (с. 142–146); *Г. Хизриева*. Сакрализация углеводородов (с. 147–164).

№ 3 (273)

В. Лившиц, А. Швецов. Детская болезнь левизны правого российского либерализма (с. 5–19); *Р. Усманов*. Глобализация и этнополитический процесс в современной России (с. 20–32); *С. Гумирова*. Мотивы поступления мусульман в религиозные образовательные учреждения (На примере медресе «Хусаиния» в г. Оренбурге) (с. 33–40); *Д. Шагавиев*. Исламская богословская литература салафитского толка в современном Татарстане (с. 40–53); *В. Бобровников*. Мусульманские традиции, право и общество на Российском Кавказе (с. 54–67); *Л. Хопёрская*. Мониторинг этнополитической ситуации. Киргизия. (Демография и миграция, вопросы истории, религиозная ситуация, внешние связи и сотрудничество) (с. 67–88); *Д. Заиров*. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: Общее и особенное в этнополитических конфликтах (с. 88–115); *Г. Лукьянов*. Рост активности сторонников радикального политического ислама на Ближнем Востоке как угроза безопасности и интересам России в Центральной Азии после 2014 г. (с. 115–122); *Э. Касаев*. Катар – активный спонсор «арабской весны»: Предпосылки, последствия и российский фактор (с. 123–135); *Е. Дорошенко*. Очередной эксперимент. Особенности демократии в несостоявшемся государстве: Ливия (с. 135–143); *М. Каменева*.

О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран (с. 144–152); *А. Косиченко*. Глобализация и религия (с. 153–168); *А. Кузнецов*. Шиитско-суннитский диалог в представлениях некоторых иранских богословов (с. 168–178).

№ 4 (274)

Л. Скворцов. Философская истина: Историко-культурологический анализ (часть 1) (с. 5–40); *Д. Сидоров*. Проблемы традиционного ислама в России (с. 40–50); *М. Баснукаев*. Чеченская Республика и geopolитика (с. 51–57); *Е. Куква*. Северо-Кавказский регион как пространство социокультурных рисков (с. 57–64); *А. Баранов*. Крымско-татарское движение: Тенденции конфликтности и участия в миростроительстве (с. 65–70); *Е. Ионова*. Политическая ситуация в Киргизии (с. 70–76); *А. Ниязи*. Туркмены: Этнос и вера (с. 77–81); *А. Исаков*, *Д. Филиных*. Афганистан: Вчера, сегодня, завтра (с. 82–94); *А. Глазова*, *В. Иваненко*, *А. Колесников*, *И. Свистунова*. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока (с. 94–118); *О. Бибикова*. Мусульмане Пиренейского полуострова (с. 118–149); *А. Мала-шенко*. Как победить «Исламское государство» и можно ли его победить? (с. 149–158); *М. Билалов*. К становлению дагестанской философии (с. 159–169); *М.А.А. Аль-Баити*. К вопросу о видах и формах вины в мусульманском уголовном праве (с. 169–176).

№ 5 (275)

Л. Скворцов. Философская истина: Историко-культурологический анализ (часть 2) (продолжение) (с. 5–37); *А. Ниязи*. От разночтения свободы к столкновению антикультур (с. 37–44); *С. Филатов*. Кабардино-Балкарья в поисках религиозного мира (с. 45–59); *А. Саидов*. Исламский фактор легитимации власти в республиках Северного Кавказа (с. 60–69); *Е. Ионова*. Политика Ашхабада в области национальной безопасности (с. 69–80); *Г. Рудов*. Ферганская долина: Причины кризисных явлений и пути ихнейтраллизации (с. 81–96); *Ф. Толипов*. Выиграть сражение и не проиграть войну. Стратегические вызовы афганской кампании (с. 97–105); *А. Васильев*, *А. Коротаев*, *Л. Исаев*. Военные вновь у власти? (с. 106–118); *Л. Пахомова*. Исламский сектор в экономике стран ЮВА

(с. 119–132); *O. Хлопов*. Причины и последствия снижения цены на нефть: Интересы США и Саудовской Аравии (с. 132–141); *E. Крамарова*. Профессиональная и этическая ответственность кавказоведов. (К итогам работы II Международного форума историков-кавказоведов) (с. 142–150); *C. Сулимов, И. Черниговских*. Антисистема и псевдоморфоз в Леванте (с. 150–168).

№ 6 (276)

L. Скворцов. Философская истина: Историко-культурологический анализ (часть 3). Окончание (с. 5–31); *D. Мухетдинов*. Российское мусульманство: Призыв к осмыслению и контекстуализации (с. 32–70); *Ш. Кашиф*. Взаимодействие государства и мусульманских религиозных объединений в конструировании социальной и политической реальности в условиях вызовов идентичности России (с. 71–96); *C. Филатов*. Кабардино-Балкарья в поисках религиозного мира. (Окончание) (с. 97–108); *C. Новосёлов*. Каспийский саммит в Астрахани – будет ли поставлена точка в определении статуса (с. 108–115); *E. Ионова*. Стратегический курс Душанбе (с. 115–122); *E. Дорошенко*. Цель – Каддафи: «Ливийская кампания» в СМИ; (с. 123–133) *B. Кириченко*. Положение шиитского меньшинства в Саудовской Аравии: Социальный и политический аспекты (с. 134–147); *E. Дринова*. Политическая модернизация и исламские партии: Тернистый путь к нeliберальной демократии (с. 148–160); *I. Бабич*. Ислам в жизни кавказских эмигрантов во Франции (1919–1939) (с. 160–168).

№ 7 (277)

A. Брега, И. Копылов. Транснационализация политической элиты и влияние этого процесса на суверенитет государства (с. 5–14); *D. Мухетдинов*. Российское мусульманство: Призыв к осмыслению и контекстуализации. (Окончание) (с. 14–26); *M. Яхъяев*. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе (с. 27–33); *Ю. Кудряшова*. Особенности формирования политической системы в Республике Казахстан (конец XX – начало XXI в.) (с. 34–44); *Б. Балджи*. Джама'ат ат-Таблиг и возрождение религиозных связей Центральной Азии с индийским субконтинентом (с. 45–65); *B. Иваненко*. Афганский узел (с. 66–83); *У. Шарипов*.

Сирийская трагедия – начало второго десятилетия XXI в. (с. 83–103); *О. Бибикова*. Мусульмане Греции (с. 103–140); *К. Гаджиев*. Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей (с. 141–155); *А. Родригес*. Судьба морисков. (Рецензия на книгу) (с. 155–171).

№ 8 (278)

М. Делягин. Чего мы не знаем? (с. 5–21); *В. Макаренко*. Социальные фигуры и властно-управленческий аппарат российского общества (с. 21–320); *Г. Калай*. Геополитические процессы на Северном Кавказе и их влияние на этнополитическую ситуацию в Карачаево-Черкесской Республике (с. 33–39); *И. Федоровская*. Азербайджан и Евросоюз: Зигзаги отношений (с. 39–43); *Е. Мухидинова*. Индийский фактор в Центральной Азии (с. 44–62); *А. Васильев*, *Д. Винницкий*. Россия и Египет: Перспективы есть, но для их реализации требуется время (с. 63–74); *Д. Малышева*. Турция после президентских выборов (с. 74–80); *Л. Исаев*. «Исламское государство»: Очередная версия (с. 81–91); *С. Тулеубаева*. Ближний Восток и Северная Африка: Новые вызовы и пути развития (с. 91–99); *О. Мазур*. Ближний Восток: На острие противоречий (с. 100–110); *Т. Ибрагим*. Мусульманский атомизм как строгий финитизм (с. 110–128); *В. Ким*. Экстремистские потенции религиозного фундаментализма: От истоков до наших дней (с. 128–144).

№ 9 (279)

А. Казаков. «Цветная революция» в России: Миф или реальность? (с. 5–14); *Р. Гринберг*. Экономика современной России: Состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации (с. 15–36); *Н. Белякова*. Крым и российско-турецкие отношения (с. 37–47); *Б. Сидоров*. Некоторые аспекты современных экономических взаимоотношений в Центральной Азии (с. 47–57); *А. Исмаилов*. Становление и развитие гражданского общества в Казахстане (с. 57–63); *Д. Попов*. Место Узбекистана в центральноазиатской политике США (с. 63–85); *К. Сыроежкин*. За фасадом саммита ШОС в Душанбе (с. 86–101); *М. Конаровский*. Афганистан и новая неопределенность. Вызовы для России и Центральной Азии (с. 102–111); *К. Азимов*. «Цветные революции» на Новом

Ближнем Востоке: Кому они выгодны? (с. 112–120); *С. Костеланец*. Конфликт в суданском регионе Дарфур: Региональный аспект (с. 120–137); *В. Погадаев*. Малайзия: Анвар Ибрагим – феникс, восставший из пепла (с. 137–149); *И. Мухамет-зарипов*. Религия и светское законодательство: Применение института медиации при разрешении споров с элементом религиозных норм. (На примере ислама) (с. 150–165); *Н. Мусхелишвили*. Рецензия на книгу: Селезнёв Н.Н. «*Pax Christiana et Pax Islamica*: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке» (с. 166–168).

№ 10 (280)

А. Манойло. Цветные революции и гибридные войны (с. 5–14); *М. Горшков*. О влиянии неэкономических факторов на социально-экономическое развитие общества (с. 15–33); *А. Буттаева*. Качественная характеристика процесса исламского возрождения (с. 34–42); *Ш. Баймурзаева*. Место и роль народного собрания во власти в системе Республики Дагестан (с. 42–49); *А. Хазанов*. Восточная политика России в конце XX – начале XXI в. (с. 50–75); *Э. Цыркуль*. Внешнеполитический курс Турции в XXI в. (с. 76–87); *М. Ходынская-Голенищева*. Кризис в Сирии. (Межсирийский переговорный процесс и политическая сирийская оппозиция) (с. 88–106); *М. Володина*. Алжиро-марокканские отношения в свете западно-сахарского конфликта (с. 106–114); *Ю. Свешникова*. Малайзия в капкане исламизации: Свобода совести в обмен на политический кредит (с. 115–125); *Д. Пахомов*. Доклад на слушаниях в Общественной палате РФ на тему: «О противодействии деятельности “Исламского Государства” на территории Российской Федерации» (с. 126–131); *М. Билалов*. Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма (с. 131–141); *С. Демиденко*. Новая книга о Катаре: Заполняя пустоты (с. 141–177).

№ 11 (281)

Р. Шафиеев. Экономика под санкциями. Негативные последствия и позитивные возможности (с. 5–17); *А. Кулькин*. Тернистый путь России в информационное общество (с. 17–36); *К. Насибуллов*. Начальный сегмент мусульманского образования: Итоги мониторинг-

га примечетских курсов в Республике Татарстан (с. 37–55); *Е. Сытых*. Угрозы исламизма в Челябинской области: Миф или реальность? (с. 55–63); *Р. Сердеров*. О внутренних и внешних угрозах России на Северном Кавказе (с. 63–70); *С. Новосёлов*. От «Отца всех туркмен» до «Покровителя» – что изменилось? (с. 70–82); *С. Луконин*. Инвестиции Китая в Центральной Азии (ТЭК, ресурсы, транспорт) (с. 83–95); *С. Демиденко*. Ливия: Хаос продолжается (с. 96–104); *В. Кириченко*. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: Шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003) (с. 104–122); *Г. Карпов*. «Шарли Эбдо»: Взгляд из Африки (с. 122–134); *А. Ниязи*. Исламские ценности для устойчивого развития: К вопросу о культуре и прогрессе (с. 135–142).

№ 12 (282)

И. Ильин, О. Леонова. Тенденции развития глобализационных политических процессов (с. 5–26); *А. Кулькин*. Турбулентный этап социально-экономического развития России (с. 26–46); *А. Ниязи*. В России возможна работа исламских банков (с. 46–52); *И. Бабич*. Мусульмане Москвы: Основы веротерпимости как элементы гражданского согласия в российском обществе (с. 52–67); *И. Добаев*. Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе (с. 68–87); *Г. Магомедов*. Этнокультурные и этнополитические проблемы современного Дагестана (с. 87–95); *Е. Ионова*. Геополитические аспекты президентских выборов в Узбекистане (с. 95–102); *В. Кириченко*. Йемен: Напряженность нарастает (с. 103–108); *К. Азимов*. Напряженность в районе Персидского залива может перерасти в войну (с. 108–116); *А. Другов*. Индонезия. 70 лет борьбы, преодоления и развития (с. 116–133); *С. Чудинов*. Антимодернистская ориентация в идеологических системах современной исламской мысли: От онтологизации этничности до ресакрализации государственности (с. 134–151); *Г. Мирский*. Феномен ИГИЛ (с. 151–158).

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 12 (282)**

Научно-информационный бюллетень

**Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам**

**Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева**

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/XII-2015 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,75
Тираж 250 экз. Заказ № 146

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9